

Федеральное государственное бюджетное общеобразовательное
учреждение высшего образования
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Байбуз Галина Владимировна

**МЕДИЦИНСКАЯ ЛЕКСИКА В НЕНАУЧНОМ ДИСКУРСЕ:
ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Пономаренко Ирина Николаевна

Краснодар 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1 МЕДИЦИНСКАЯ ЛЕКСИКА В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ.....	11
1.1 Медицинский дискурс в парадигме научного знания	11
1.2 Медицинская лексика в основе медицинского дискурса.....	19
1.2.1 Термин как единица специального знания.....	19
1.2.2 Лексические и словообразовательные особенности медицинской терминологии.....	27
1.2.3 Типологическое описание терминосистемы медицины	34
1.2.4 Функциональная специфика медицинской лексики в научном дискурсе.....	42
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 1	49
ГЛАВА 2 МЕДИЦИНСКАЯ ЛЕКСИКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ.....	53
2.1 Процессы миграции специальной лексики в художественный дискурс.....	53
2.2 Функционирование лексики подъязыка медицины в художественном тексте	60
2.2.1 Терминологические единицы в литературных произведениях XIX-XXI вв.	62
2.2.2 Функциональная специфика медицинской лексики в художественном дискурсе.....	74
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 2	83
3 МЕДИЦИНСКАЯ ЛЕКСИКА В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ	86
3.1 Актуальный медийный дискурс	87
3.2 Медиатизация медицинской терминологии	93
3.3 Медицинская лексика в медиадискурсе	102
3.3.1 Медицинская терминология в рекламном дискурсе	109
3.3.2 Термины медицины в политическом дискурсе.....	113
3.4 Изменение функций медицинских терминов как следствие медиатизации.....	130
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 3	138

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	142
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	147
ПРИЛОЖЕНИЯ	167

ВВЕДЕНИЕ

Наивная картина мира носителя любой лингвокультуры непосредственно или опосредованно интегрирует значительный объем информации, аккумулирующей знания и представления языкового сообщества. Одной из ключевых сфер-источников такой информации является медицина, определяемая как совокупность научных знаний о болезнях. В рамках антропоцентрической парадигмы современной лингвистики, уделяющей особое внимание человеку как «живому существу, организму», постулируется идея о том, что развитие медицины становится условием существования человечества и важнейшей сферой самопознания. Как и любая отрасль знания, медицина характеризуется наличием системы понятий, вербализованной в специальной лексике, прежде всего в терминах. Единство информационного пространства, в котором существует человек, неизбежно сопряжено с постоянной миграцией терминов из естественного для них научного дискурса в другие его виды. В лингвистике последних десятилетий виды дискурса, не являющиеся научным, все чаще обозначаются термином «ненаучный дискурс» [А.Ю. Багиян, 2018; Л.А. Богданович, 2021; Н.П. Гречишникова, 2016; А.И. Изотов, 2013; С.С. Неретина, 2017 и др.].

Сферой научного интереса в диссертационном исследовании является установление функционально-прагматического потенциала медицинской лексики в художественном и медийном дискурсах как ключевых разновидностях ненаучного дискурса. Показательным представляется тот факт, что активное появление терминов медицины в художественном тексте пришлось на начало XX века, о чем свидетельствует достаточное количество работ, посвященных анализу художественных текстов, авторами которых часто были писатели-врачи (исследования Н.В. Ефремовой [Ефремова, 2017], Ю.Б. Жидковой [Жидкова, 2008], С.И. Маджаевой [Маджаева, 2019], Е.В. Панаевой [Панаева, 2005] и др.), однако и в современных художественных текстах наблюдается функционирование единиц подъязыка медицины.

Проведение многоаспектного анализа медицинской лексики в медийном дискурсе становится актуальным и востребованным значительно позже и является приметой лингвистики XXI века, которая характеризуется появлением нового направления, получившего название «медиаэкономический дискурс» [О.И. Таюпова, 2019]. Специальная лексика в медийном пространстве – свидетельство активности не только традиционно описываемых процессов детерминации и деспециализации, но и медиатизации, которая, наряду с модернизацией и глобализацией, оказывает значительное влияние на все сферы жизни современного общества.

Актуальность настоящей работы определяется, во-первых, с потребностью поиска новых методов исследования языка медицинской науки в связи с динамикой ее развития; во-вторых, необходимостью изучения проблем, связанных с анализом функционально-прагматических характеристик медицинской лексики в художественном и медийном дискурсах, что позволяет расширить представления о специфических свойствах, которые приобретает специальная единица, вышедшая за пределы научного дискурса.

Объектом диссертационной работы являются специальные единицы подязыка медицины в художественных и медийных (рекламных и политических) текстах.

Предмет исследования – функциональная специфика медицинской лексики в ненаучном дискурсе.

В качестве **источников фактического материала** привлечены художественные тексты русской классической литературы XIX – начала XX в. (А.П. Чехов, В.В. Вересаев, М.А. Булгаков); литературы советского (Ф.Г. Углов, Ю.П. Герман, Н.М. Амосов, Ю.З. Крелин) и постсоветского периодов (П. Рудич, А.М. Моторов, Д. Правдин), а также медийные тексты преимущественно 2021–2024 гг. Материалом для исследования являются более 5863 текстовых единиц, источником которых послужили художественные и медийные тексты, представленные в Национальном корпусе русского языка и на виртуальных медиаплатформах.

Гипотеза исследования: в актуальном ненаучном дискурсе наблюдается миграция медицинской лексики, прежде всего терминологической, за пределы профессиональной сферы употребления. Интеграция, сопровождающаяся трансформацией денотативной отнесенности и изменением набора функций специальных единиц, характеризует современный этап формирования медийного пространства, однако начался этот процесс в художественном дискурсе XIX в., продолжился в XX в. и с меньшей интенсивностью идет в XXI в.

Целью диссертационного исследования является анализ функционально-прагматического потенциала медицинской лексики в художественном и медийном дискурсах.

Реализация поставленной цели предполагает последовательное решение следующих **задач**:

- 1) охарактеризовать термин как единицу научного медицинского дискурса;
- 2) проанализировать процессы расширения сферы употребления специальных единиц медицины;
- 3) квалифицировать распространенность и функционально-прагматическую нагруженность специальных единиц подязыка медицины в художественном дискурсе;
- 4) определить частотность и функциональный потенциал медицинских терминов, в том числе в образно-переносном и метафорическом значении в медийных текстах;
- 5) соотнести функционально-прагматические характеристики медицинской лексики в разных видах дискурса.

Научная новизна настоящей работы заключается в следующем: в данном исследовании впервые проводится сопоставительный анализ особенностей функционирования единиц медицины в различных видах текстов, в том числе и в актуальных медиатестах политической направленности. В работе предпринята попытка комплексного анализа медицинской лексики в ненаучных видах дискурса – художественном и медийном.

Для достижения цели и решения поставленных задач в диссертации применялись следующие **методы и приемы**: метод сплошной выборки (с целью отбора текстов медицинской направленности); метод количественного анализа (для подсчета и систематизации медицинской лексики); описательный и сопоставительный методы (в целях обобщения и интерпретации результатов исследования); метод лингвистического моделирования (позволяющий составить схемы, иллюстрирующие специфику функционирования специальных единиц медицины в различных видах текстов).

Теоретико-методологической базой исследования послужили научные труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные изучению медицинского дискурса [Э.В. Акаева, 2007; М.И. Барсукова, 2007; Л.С. Бейлинсон, 2009; Н.В. Гончаренко, 2007; В.В. Жура, 2008; О.С. Зубкова, 2011; Д.В. Казакова, 2013; Т.В. Кочеткова, 1999; В.Б. Куриленко, 2017; С.В. Майборода, 2017; С.Л. Мишланова, 2003; Н.Ю. Сидорова, 2008 и др.]; общего терминоведения, теории термина [К.Я. Авербух, 2006; Л.М. Алексеева, 1998; Л.Ю. Буянова, 2002; В.П. Даниленко, 1977, 1986; С.В. Гринев-Гриневич, 2008; Б.Н. Головин, 1983, 1987; В.М. Лейчик, 2007; А.В. Суперанская, 1976, 1989; В.А. Татаринцов, 1994, 2000, С.Д. Шелов, 2003 и др.]; медицинского терминоведения [Г.А. Абрамова, 2003; Е.В. Бекишева, 2007; О.Г. Борисова, 2000; В.С. Гусятинская, 1998; Л.Н. Гущина, 2004; Ю.Б. Жидкова, 2008; С.Г. Казарина, 1999, 2020; Т.С. Кириллова, 1999; С.И. Маджаева, 2017; Е.Д. Макаренко, 2008; В.Ф. Новодранова, 1989; И.Н. Пономаренко, 1993; Т.А. Трафименкова, 2008; И.В. Уварова, 1992 и др.]; метафоры со сферой-источником «медицина» в политическом тексте [А.Н. Баранов, 2003; Ю.Н. Караулов, 2002; М.В. Никитин, 2002; Н.А. Сегал, 2020; И.В. Телешева, 2006; А.П. Чудинов, 2001 и др.] и др.

Теоретическая значимость настоящей работы определяется ее вкладом в дальнейшую разработку теории ненаучного дискурса. Знания о детерминации и деспециализации медицинской лексики в различных видах дискурса расширяют представления о спектре функциональных характеристик специальных единиц в ненаучном дискурсе. Анализ эмпирического материала и

методология исследования могут быть применены для дальнейшего изучения процесса медиатизации.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использования полученных результатов в вузовских курсах лексикологии и анализа медийного текста. Кроме того, материалы работы могут быть полезны преподавателям, студентам и аспирантам филологических факультетов, а также в преподавании русского языка и культуры речи в медицинских вузах.

Положения, выносимые на защиту:

1. Естественной средой функционирования медицинской лексики является научный дискурс, в котором данные единицы характеризуются выполнением следующих функций: номинативной, сигнификативной, дефинитивной, когнитивной, коммуникативной, эвристической и дидактической. Между специальным языком и языком общего употребления существует тесная связь, которая выражается в миграции единиц из одной субсферы в другую (процессы детерминологизации и деспециализации). При этом происходит приспособление специальной научной информации, стоящей за термином, к коммуникативно-прагматическим условиям речевого общения, рассчитанного на понимание неспециалистом.

2. Выход специальной единицы в художественный дискурс связан с популяризацией медицинского знания. Терминологическое наполнение текста, выбор соответствующих форм, способы экспликации специальной лексики являются отражением особенностей языковой личности автора. Помимо номинативной, коммуникативной и когнитивной функций, характерных для термина как носителя специального знания, в художественном тексте единицы подъязыка медицины способны выполнять репрезентативную и образно-оценочную функции.

3. Характер распространения специальных единиц подъязыка медицины в медийном дискурсе в первую очередь определен экстралингвистическими факторами, в частности актуальными социальными событиями. В медиатекстах

2021–2024 гг. наиболее востребованными являются термины, вошедшие в лексикон периода эпидемии коронавирусной инфекции (около 42%).

4. Медиатизация является мощным механизмом освоения медицинской лексики, в результате которого специальная языковая единица подвергается семантическим и функционально-прагматическим преобразованиям. В медиадискурсе термины подъязыка медицины выполняют номинативную, коммуникативную, когнитивную, аттрактивную, образно-оценочную и просветительскую функции. В рекламных и политических текстах специальная лексика не только способствует популяризации научного знания и усилению информационной составляющей, но и является мощным психолингвистическим механизмом воздействия на общественное сознание. В политическом дискурсе медицинская лексика, кроме того, раскрывает свой метафорический потенциал, становясь в новом стилевом окружении образным средством языка. Частотность использования термина зависит от типа медийного дискурса: в рекламных текстах востребованы единицы фармацевтической и анатомио-гистологической номенклатур (628 единиц), в политических текстах активно употребляются клинические (1785 единиц) и анатомические (324 единицы) термины – в составе морбиальной и физиологической метафоры.

5. И в научном, и в ненаучных дискурсах основными являются номинативная, коммуникативная и когнитивная функции термина. В ненаучных дискурсах термин теряет характеристики свернутого знания, семантика специальных единиц подъязыка медицины расширяется, изменяется предметная соотнесенность, устанавливаются новые связи, которые разрушают ограниченные рамки профессионального терминопотребления, что ведет к изменению природы медицинской лексики и отражается на наборе ее функций в ненаучных дискурсах. Для термина как единицы специального знания специфическими становятся следующие функционально-прагматические характеристики: репрезентативная – в художественном дискурсе, аттрактивная и просветительская – в медийном дискурсе, а также общая для художественного и медийного – образно-оценочная функция.

Апробация. Базовые положения диссертационного исследования были изложены автором в докладах на научных конференциях различного уровня: VII Всероссийской научной конференции «Исследовательские парадигмы в современной филологии» (Краснодар, 2022); VIII Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы современной филологии» (Краснодар, 2023); IX Всероссийской научной конференции «Континуальность и дискретность в языке и речи» (Краснодар, 2023); Международной научно-практической конференции «Этнокультурные феномены в образовательном процессе» (Чебоксары, 2021), VII Международном фестивале «Великое русское слово» (Ялта, 2023); VIII Международном симпозиуме «Русский язык в поликультурном мире» (Симферополь, 2023). Основные положения диссертационного исследования отражены в 10 научных публикациях, в том числе в 5 статьях в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Структура диссертации обусловлена целью, задачами и проблематикой исследования. Она состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, списка источников фактического материала и приложений. Общий объем диссертации составляет 179 страниц.

ГЛАВА 1 МЕДИЦИНСКАЯ ЛЕКСИКА В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

1.1 Медицинский дискурс в парадигме научного знания

Необычайный расцвет науки – одна из наиболее существенных особенностей современной эпохи, которая связана с построением единого информационного пространства, освоением космоса, развитием медицины, автоматизацией производства и другими крупнейшими достижениями.

Современная лингвистика значительно расширила границы своих интересов. В актуальных научных исследованиях внимание ученых обращено преимущественно к антропоцентрической парадигме, в результате чего появляются новые направления, связанные с изучением базовых средств категоризации мира. Закономерно, что при переходе от одной научной парадигмы к другой изменяется и объект исследования. До того, как язык стали изучать в антропоцентрическом аспекте, внимание ученых было обращено к единице языка как части языковой системы, отвлеченной от естественной деятельности человека.

Как известно, *антропоцентризм* направлен на исследование объектов науки в соответствии с их ролью для человека, их назначением и функциями для развития человеческой личности [Кубрякова, 1995, с. 212]. Становление антропоцентрической парадигмы – глобальный и многоплановый процесс, отражающий исходное глубинное философское понимание задач лингвистики: «...тщательное изучение языка должно включать все, что история и философия связывают с внутренним миром человека» [Гумбольдт, 1985, с. 377].

В лингвистике XXI века выделяют несколько взаимосвязанных направлений. В первую очередь язык рассматривается как «зеркало», представляющее отражение человека и его деятельности через призму языка, основополагающим при этом является понятие языковой картины мира. Кроме того, актуальными являются исследования коммуникативных процессов, соотношения языка и сознания, роли языка в познавательных процессах.

Наука XXI века характеризуется *интеграцией научного знания*: особое внимание исследователей направлено на выявление междисциплинарных и системных связей, обнаружение единства и целостности исследуемых подсистем. Необходимость изучения интегративных процессов обусловлена тем, что возникает ряд вопросов по разрешению противоречия между постоянно растущим объемом научной информации и системой специальных языковых средств. В связи с этим актуальна работа по систематизации научного знания, формированию категориально-понятийного аппарата и упорядочению массива специальных лексических единиц.

Другая проблема связана с процессом *дифференциации наук*, что приводит к чрезвычайно узкой специализации, дроблению функций и структуры науки и производства, к изоляции деятельности коллективов ученых, вырабатывающих столь специфические методы и приемы обработки исследовательского материала, что затрудняет профессиональную коммуникацию.

Преодолеть возникающие трудности возможно лишь путем тщательного анализа всех сторон процесса развития науки и в первую очередь его определяющей тенденции – интеграции научного знания, которая стала закономерностью. Так, в результате интеграционных процессов в рамках антропоцентризма появляется ряд новых дисциплин: коммуникативная лингвистика, психолингвистика, социолингвистика, когнитивная лингвистика, лингвополитология, прикладная лингвистика и др.

Наше внимание обращено к такому новому направлению научного знания, как *медицинская лингвистика (МЛ)*, которая, по мнению З.Р. Палютиной, «предполагает проведение адекватного описания всех аспектов функционирования языка, составляющих язык медицины: его лексико-грамматическую, лингвокультурную и коммуникативную стороны» [Палютина, 2013, с. 106].

Изучение работ, посвященных МЛ, привело к выводу о том, что на современном этапе нет общепринятого подхода к определению объекта нового научного направления: «В одних случаях под МЛ понимается набор конкретных видов лингвистических работ и услуг для нужд медицины, в других –

определенный лингвистический конгломерат медицинских профессий» [Палютина, 2013, с. 105].

Принимая во внимание точку зрения З.Р. Палютиной, мы считаем, что в фокусе исследования МЛ лежит подъязык медицины, в первую очередь его социальный аспект, а также его связь с личностью говорящего через изучение моделей создания в человеческом сознании понятийно-категориального аппарата медицины. МЛ призвана установить связь между медициной и языком, исследовать различные аспекты речевой деятельности и функционирования языка специалистов.

К теоретическим и прикладным вопросам МЛ можно отнести следующие:

- исследование медицинского профессионального дискурса как когнитивно-коммуникативной единицы;
- изучение структурно-семантических и функциональных особенностей медицинской терминологии;
- анализ специфики профессиональной коммуникации;
- исследование языковой нормы в речи врача и нек. др.

В основе МЛ лежит изучение *медицинского дискурса (МД)*. В современном языкознании актуальными являются работы, посвященные анализу МД в различных аспектах. Среди них исследования Э.В. Акаевой [2007], М.И. Барсуковой [2007], Л.С. Бейлинсон [2009], Н.В. Гончаренко [2007], В.В. Журы [2008], О.С. Зубковой [2011], Д.В. Казаковой [2013], Т.В. Кочетковой [1999], В.Б. Куриленко [2017], С.Л. Мишлановой [2003], Н.Ю. Сидоровой [2008] и нек. др.

В связи с тем, что дискурс, в частности медицинский, характеризуется многоаспектностью, выделяют ряд направлений, которые не противоречат друг другу, а дают возможность более полно описать данный объект исследования с разных сторон. Так, ученые преимущественно рассматривают МД с позиций функционально-коммуникативного подхода (Е.П. Богатикова, Н.В. Гончаренко, Д.В. Казакова, Т.В. Кочеткова, С.Л. Мишланова, А.А. Филиппова и др.) и как

социального института медицины (Л.С. Бейлинсон, В.В. Жура, Д.В. Казакова, В.И. Карасик, Н.Ю. Сидорова и др.).

Исходя из традиционного понимания дискурса как текста в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами, Д.В. Казакова трактует МД как институциональный тип дискурса, «представляющий собой сложную когнитивно-коммуникативную систему, которая объединяет находящиеся в непрерывном взаимодействии языковые средства и экстралингвистические компоненты профессиональной коммуникации в сфере медицины» [Казакова, 2013, с. 13].

Н.В. Гончаренко акцентирует внимание на функциональном аспекте и считает, что МД предназначен «для медицинской коммуникации, диагностики заболевания, уточнения диагноза, позитивного эмотивного воздействия на пациента, принятия и обоснования выбранной методики лечения и выработки коллегиального согласия» [Гончаренко, 2007, с. 6].

В.Б. Куриленко анализирует МД в рамках культурологического подхода, выделяя в качестве основных его признаков деонтологическую ориентированность, толерантность, персуазивность, лингвотерапевтическую направленность, и считает, что данный вид дискурса представляет «коммуникативно-речевой уровень реализации профессиональной культуры специалистов-медиков, структура и содержание которого определяются духовными ценностями и нормами профессионального сообщества, а также целями и задачами профессиональной деятельности его членов» [Куриленко, 2012].

Определяя МД как *социальный феномен*, лингвисты включают в его характеристику как институциональные, так и неинституциональные формы. Институциональность МД рассматривается в работах М. Фуко. Философ отмечает, что дискурс, институционализируясь, становится «дискурсивной формацией» – использованием языка в конкретных социальных условиях для достижения экономических, политических и социальных целей. Согласно М. Фуко, изменения в МД обусловлены взаимодействием как внутренних причин сферы существования языка, так и экстралингвистических факторов – формирования клиники как

социального института, обусловленного влиянием экономических и политических факторов развития государства [Фуко, 2004, с. 52]. Таким образом, М. Фуко, определяя данный феномен как сложное речевое явление, отмечает многообразие сфер функционирования МД, что связано с комплексностью самого понятия, которое может реализовываться в различных типах речевой деятельности в устной или письменной форме.

Известно, что МД не ограничивается коммуникативной ситуацией «врач – пациент» в пределах медицинского учреждения, а включает и общение медработников друг с другом («врач – врач»), взаимодействие медика с родственниками пациента, чтение лекций в медицинском университете и др. Письменная коммуникация в МД может быть представлена в виде оформления справок пациентам, ведения истории болезни, заполнения медицинской документации и т.п.

Многообразие видов общения обуславливает формирование широкого спектра коммуникативных субполей МД, которые в свою очередь составляют уникальный набор коммуникативных стратегий и тактик, а также способов их реализации.

Взяв за основу отмеченные В.И. Карасиком типологические признаки институционального дискурса, выделим аспектные характеристики МД, определяющие его как *социальный феномен*:

1. *Участники коммуникации* (статусы и роли участников общения). Поскольку МД многоаспектен, к одной из особенностей исследования данного понятия относится описание МД не только с позиции коммуникативной симметрии, но и в рамках коммуникативной асимметрии.

Под коммуникативной симметрией подразумевается взаимодействие равностатусных субъектов (например, профессиональное общение коллег), а также неформальное общение медиков или пациентов. При этом специализация работников медицинской сферы может быть описана горизонтально (по специальности врачей) или вертикально (по иерархии) [Бейлинсон, 2001, с. 7].

Коммуникативная асимметрия выражается в диадах «врач – пациент» или «врач – родственник пациента» с позиций их разного уровня знаний, профессиональной/непрофессиональной языковой личности.

К характеристикам участников МД также относят коммуникативный стиль врача, коммуникативно-психологические установки пациента, гендерную и этническую принадлежность участников общения, а также эмоциональный дейксис – «установку на определенный стиль психоэмоционального поведения», влияющую на выбор тех или иных моделей поведения при реализации своей интенции [Жура, 2008, с. 8]. Так, В.В. Жура отмечает, что в диаде «врач – пациент» специалист обладает коммуникативной властью, т. е. является более активным участником в процессе построения МД.

2. *Условия общения* (время и место коммуникации). Условия общения зависят от хронотопа – «спайки пространства и времени». Местом коммуникации могут быть медицинское учреждение, палата пациента, кабинет врача, место аварии и др. К условиям взаимодействия относятся очный прием врача в больнице, консультация, а также приобретающее особую актуальность в настоящее время общение пациента с врачом в онлайн-формате.

3. *Организация общения* (мотивы, цели и стратегии). Первоочередная цель профессиональной коммуникации в МД – оказание квалифицированной помощи больному. Однако существуют и специфические задачи: когнитивные (корректировка картины мира пациента), прагматические (самопрезентация, кооперативное общение, психоэмоциональное воздействие на пациента, побуждение), инструментальные (способствующие реализации профессиональной деятельности врача), терапевтические (оказывающие воздействие на психоэмоциональное состояние больного и позволяющие установить доверительный контакт между врачом и пациентом).

Отмечено, что стратегии в МД подразделяются на диагностирующие (тактики знакомства, поддержания эмоционального равновесия и обвинения); лечащие (тактика психологического регулирования состояния, тактики утешения, вразумления и угрозы) и рекомендуемые (тактика ориентации на материальные

возможности пациента). Однако, как отмечает М.И. Барсукова [Барсукова, 2007, с. 4], границы этих стратегических линий подвижны, отдельные типы редко существуют «в чистом виде». Взаимопроникновение и слияние коммуникативных стратегий является характерной особенностью МД.

4. *Способы общения* (канал и жанр общения). Коммуникация между врачом и пациентом часто протекает в вопросно-ответной форме, которая позволяет врачу и пациенту как участникам асимметричной коммуникации минимизировать возможные недопонимания и установить контакт. Так, Н.Ю. Сидорова [Сидорова, 2008, с. 15] условно подразделяет систему речевых действий участников общения в МД на информирующие, побудительные, оценочно-модальные, контактивные и метакоммуникативные. При этом важно отметить, что МД как институциональный вид дискурса характеризуется высокой степенью суггестивности, связанной с различным социально-профессиональным статусом и уровнем знаний коммуникантов.

Таким образом, МД как институциональный дискурс предполагает взаимодействие представителей определенных социальных групп в рамках социального института медицины. Участники МД реализуют в дискурсе свои социальные роли, отражая в языке их особенности.

Обращаясь к *функционально-коммуникативному подходу* изучения МД, отметим, что в его основе лежит речемыслительная деятельность, имеющая реализацию в медицинской сфере, которая объединяет специальные и бытовые знания о здоровье человека с позиций коммуникативной асимметрии.

Отметим, что в исследовании МД в рамках данного подхода используются понятия «подъязык», «язык для специальных целей», «специальный язык», «профессиональная речь». Так, изучение *языков для специальных целей (LSP)* является одним из приоритетных направлений в отечественной и зарубежной лингвистике на протяжении последних нескольких десятилетий. Исследованием языковых подсистем различных областей знания занимались такие отечественные ученые, как К.Я. Авербух [2005], С.Д. Береснев [1973], Е.Н. Димитриева [2010], Е.С. Закирова [2015], О.А. Зяблова [2005], З.И. Комарова [1996], В.М. Лейчик

[1986], И.М. Магидова [1999], В.А. Татарinov [2006], Т.Н. Хомутова [2008], М.Я. Цвиллинг [1989] и мн. др.

В современном языкознании LSP – подсистема функциональной стилистики, обозначающая «функциональную разновидность естественного языка, ограниченную специально-отраслевой сферой языкового общения» [Татарinov, 2006, с. 348].

Известно, что вся совокупность лексических средств языка подразделяется на лексику ограниченного употребления и общеупотребительную. Так, общеупотребительные слова занимают центральное положение, специальная лексика – периферийное. Отечественные терминологи рассматривают LSP как «один из типов подязыков, приспособленных для специальной коммуникации в области науки и техники» [Суперанская, 1989, с. 64] и традиционно именующийся терминологией.

Лингвисты едины во взглядах о независимом существовании языка для общих целей (LGP) и LSP, отмечая при этом расхождения, касающиеся характера взаимоотношений данных языков. Мы разделяем точку зрения К.Я. Авербуха и О.М. Карповой о миграции лексических единиц из LGP в LSP, однако в специфическом значении – с приобретением признаков терминов, профессионализмов, профессиональных жаргонизмов, присущих той или иной предметной области, и считаем правомерной точку зрения о взаимопроникновении этих подязыков.

Отметим, что с позиции коммуникации LGP и LSP считаются самостоятельными, поскольку используются в различных ситуациях общения. По причине своего функционирования в специальной сфере, LSP не имеют общего употребления и не проникают в другие сферы жизни общества. Выявлено, что использование LSP ограничено монофункциональностью специальной коммуникации.

1.2 Медицинская лексика в основе медицинского дискурса

Профессиональное общение в отличие от бытовой коммуникации предполагает использование специальной лексики, к которой традиционно относят *термины, номенклатурные обозначения, профессионализмы, профессионально-жаргонные слова.*

В медицинском дискурсе термин является носителем специального знания, необходимого для оптимизации познавательной деятельности специалистов, инструментом познания в сфере медицины и обозначает явления и процессы, коммуникативно и когнитивно значимые в медицинском пространстве.

1.2.1 Термин как единица специального знания

Проблемам теории термина, определению места термина в языке и системе знаний, лингвистической природе, функциональным особенностям различных отраслевых терминологий, анализу семантических процессов в терминологии, упорядочению и унификации терминологии в различных областях науки и техники посвящены работы ряда ученых (исследования Г.А. Абрамовой, К.Я. Авербуха, Л.М. Алексеевой, Л.Ю. Буяновой, М.Н. Володиной, Н.Б. Гвишиани, С.В. Гринева, Л.А. Капанадзе, С.Г. Казариной, Р.Ю. Кобрина, Н.З. Котеловой, И.С. Куликовой, В.М. Лейчика, А.В. Лимова, Д.С. Лотте, О.Д. Митрофановой, С.Л. Мишлановой, Н.В. Подольской, В.Н. Прохоровой, А.А. Реформатского, А.В. Суперанской, В.А. Татарина, Н.М. Шанского, С.Д. Шелова, Л.А. Шкатовой и др).

Отмечая достаточную разработанность проблемы специального языка, основной единицей которого является термин, подчеркнем, что в современном языкознании исследование терминологии проводится в рамках лингвистического, когнитивного, онтологического, дискурсивного, текстового и др. направлений, в связи с чем возникают различные подходы к определению такой лексической единицы, как термин.

Терминоведение как отдельное научное направление сформировалось лишь в XX веке. Так, в истории отечественного терминоведения с опорой на работы С.В. Гринева-Гриневича и В.М. Лейчика принято выделять следующие периоды: подготовительный, первый, второй и третий.

Подготовительный этап (начало XVIII в. – 1920 г.) характеризуется накоплением знаний, формированием принципов отбора терминов и их первичной обработки. В этот период появились сами понятия «термин» и «терминология». Значительный вклад внесли М.В. Ломоносов и Н.М. Карамзин, которые ввели в обиход такие специальные единицы, как *термометр, перегонка, чернозем, квадрат, эллипсис, расстояние, частица; гармония, промышленность, сцена, ответственность, эпоха* и мн. др., а также разработали основы систематизации терминологии. В 1780 г. К.А. Кондратовичем был составлен первый терминологический словарь.

Первый этап (1930 – 1960-е гг.) связан с накоплением терминологического материала, формированием основ теории и практики терминоведения. В 1931 г. в статье Д.С. Лотте «Очередные задачи технической терминологии» впервые были сформулированы предъявляемые к терминам требования однозначности, мотивированности, системности, эмоциональной и экспрессивной нейтральности, отсутствия модальности и нек. др. [Лотте, 1931, с. 883–891]. Вместе с тем ученый определил проблемы терминообразования, перевода научно-технической терминологии, выделил такие недостатки термина, как многозначность, наличие синонимии и омонимии, неточность, громоздкость ряда терминов, чрезмерное использование заимствованных единиц.

Проблеме упорядочения терминов посвящена работа К.Э. Дрезена «Стандартизация научно-технических понятий, обозначений и терминов», опубликованная в 1934 г. Ученый впервые обратил внимание на вопросы интернационализации терминов, способы терминообразования, а также международную терминологическую унификацию. Э.К. Дрезен отметил, что «каждому простому элементарному понятию должен соответствовать свой

словоэлемент, а каждому производному понятию – свое сочетание, наиболее полно и точно выражающих это производное понятие» [цит. по: Татаринов, 1994, с. 25].

Кроме того, работы Г.О. Винокура представляют большой исследовательский интерес. Ученый также исследовал признаки термина и выделил такие важные требования, как специализированность значения, стилистическая нейтральность, точность и системность. Лингвист подчеркивал, что «в роли термина может выступать всякое слово. Термины – это не особые слова, а только слова в особой функции, функции наименования специального понятия» [Винокур, 1939, с. 5]. Так, благодаря трудам Г.О. Винокура были заложены основы ономаσιологического терминоведения, связанного с исследованием семантики, морфологии, морфолого-синтаксического терминообразования.

А.А. Реформатский разграничил понятия терминологии и номенклатуры: «Терминология, прежде всего, связана с системой понятий данной науки, номенклатура же лишь этикетировывает ее объекты» [Реформатский, 1961, с. 47]. В своих работах ученый обращался к проблеме системности терминологии, ввел понятие *терминологического поля*: «...у каждого термина имеется свое поле в пределах данной терминологии, что можно и должно фиксировать точно. Поле для термина – это данная терминология, вне которой слово теряет свою характеристику термина» [Реформатский, 1961, с. 51].

На *втором этапе* (1970 – 1980 гг.) за терминоведением закрепился статус самостоятельной дисциплины. В этот период появился ряд исследований в области теоретического и прикладного терминоведения (О.С. Ахманова, Б.Н. Головин, В.П. Даниленко, В.М. Лейчик, В.Н. Прохорова и др.), структурно-семантического описания особенностей конкретных терминологий (А.С. Герд, С.В. Гринев-Гриневич, Л.К. Кондратьюкова, Ф.П. Сороколетов и др.). Внимание лингвистов в этот период было обращено к проблеме использования терминов, были отмечены варианты «терминоид», «предтермин», «квазитермин», «прототермин», «профессионализмы» и др. Термин начал изучаться как единица профессионального языка, появились терминоведческие школы (московская,

горьковская, ленинградская, воронежская, челябинская, омская и нек. др.), сформировались новые отрасли терминоведения и др. В.М. Лейчик считает, что именно на втором этапе «произошло долгожданное сближение терминологов-практиков и терминоведов-лингвистов» [Лейчик, 2009, с. 227].

Третий этап (конец 1980 гг. – наст. вр.) – период дальнейшего развития терминоведения – ознаменован решением целого ряда лингвистических и терминоведческих проблем. На данном этапе ведется работа по упорядочению, систематизации отраслевых терминологий, в то же время происходит снижение теоретической активности в сторону практической терминоведческой деятельности. Продолжают издаваться монографии (работы Л.Ю. Буяновой, М.В. Володиной, А.В. Суперанской, В.Н. Прохоровой, В.А. Татарина и др.), публикуются учебники и учебные пособия (труды О.С. Ахмановой, С.В. Гринева, Т.В. Жеребило, Ю.Н. Караулова, Ю.Н. Марчука, Н.В. Подольской, В.А. Татарина и др.). В 1994 г. образуется Российское терминологическое общество (Росстерм), в рамках которого проводятся ежегодные международные семинары и конференции.

Только в конце XX века за терминоведением закрепляется статус самостоятельной комплексной науки, частные направления которой позволяют рассмотреть терминологию в различных аспектах. Ведутся исследования в русле когнитивного (Л.М. Алексеева, Л.Ю. Буянова, М.Н. Володина, Л.А. Манерко, В.Ф. Новодранова, С.Д. Шелов и др.) и антрополингвистического направлений (С.В. Гринев-Гриневиц, Э.А. Сорокина, Л.А. Чернышова и др.).

Предметом исследования терминоведения является *термин*, который как единица специального знания имеет множество определений, что, по мнению В.М. Лейчика, «объясняется не только тем фактом, что к моменту их формулирования не сложилась научная дисциплина, но и тем, что термин представляет собой объект целого ряда наук, и каждая наука стремится выделить в термине признаки, существенные с ее точки зрения» [Лейчик, 2009, с. 20]. Согласно З.И. Комаровой, причина также заключается в том, что «одни исследователи пытаются дать ему достаточное логическое определение; другие – стараются описательно раскрыть содержание термина, приписав ему характерные признаки;

третьи – выделяют термин путем его противопоставления какой-либо негативной единице; четвертые ищут противоречивые процедуры выделения терминов, чтобы прийти затем к строгому определению этого понятия; пятые пытаются дать пока хотя бы «рабочее» определение» [Комарова, 1991, с. 7].

Так, сторонники субстанционального подхода выделяют отличительные особенности, которые позволяют отграничить специальную лексику от общеупотребительной. По мнению В.П. Даниленко, «термин – слово (или словосочетание) специальной сферы употребления, являющееся наименованием специального понятия и требующее дефиниции» [Даниленко, 1977, с. 15]. А.В. Суперанская полагает, что термин – «специальное слово (или словосочетание), принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях» [Суперанская, 1989, с. 14]. З.И. Комарова считает, что термин – «инвариант (слово или словосочетание), который обозначает специальный предмет или научное понятие, ограниченное дефиницией и местом в определенной терминосистеме» [Комарова, 1991, с. 17]. В.А. Татаринов определяет единицу науки следующим образом: «термин – слово или словосочетание, служащее для обозначения понятия или специального явления в профессиональной области знания» [В.А. Татаринов, 2006, с. 221].

Таким образом, субстанциональный подход предполагает понимание термина как особого знака, отличного от общеупотребительных слов. В качестве дифференциального признака ученые отмечают его способность выражать профессиональное знание, поскольку именно связь термина с понятием определенной отрасли науки делает его специальной единицей языка. Однако отметим, что субстанциональный подход к пониманию содержания понятия «термин» нередко подвергается критике, поскольку большая часть специальной лексики не отвечает всей совокупности предъявленных требований.

Другие лингвисты разделяют мнение Г.О. Винокура, полагающего, что «в роли термина может выступать любое слово. Термины – это не особые слова, а слова в особой функции» [Винокур, 1939, с. 5]. Сторонником функционального подхода, согласно которому термин не отличается от общеупотребительных слов

по своей структуре, но имеет отличие в функциональности, является и Б.Н. Головин, который подчеркивает, что «термин – это отдельное слово или образованное на базе имени существительного подчинительное словосочетание, обозначающее профессиональное понятие и предназначенное для удовлетворения специфических нужд общения в сфере определенной профессии» [Головин, 1983, с. 10]. Кроме того, М.И. Фомина считает, что терминами являются «слова или словосочетания, используемые для логически точного определения специальных понятий, установления содержания понятий, их отличительных признаков» [Фомина, 1983, с. 178]. Несмотря на то что функциональный подход достаточно логичен, отмечается, что перечисленные свойства термина могут быть присущи и общеупотребительной лексике.

К *требованиям*, предъявляемым к термину как особой лексической единице могут быть отнесены следующие:

1. **Точность термина.** Термин характеризуется ограниченностью своего значения. Иными словами, понятие, выражаемое специальной единицей, обычно имеет точные границы, устанавливаемые с помощью дефиниции – научного определения. С.Д. Шелов исследует варианты терминологической «мягкости», при которой допускаются различные интерпретации терминов, и считает, что в подобных случаях «речь идет не о языковой многозначности, полисемии в любых ее проявлениях, а именно о различной интерпретации одних и тех же языковых выражений» [Шелов, 2003, с. 69]. Отмечено, что большая часть подобных терминов встречается в гуманитарных науках. С.В. Гринев-Гриневиц номинирует такие единицы терминоидами: «Терминоид – специальная лексема, используемая для наименования так называемых натуральных понятий, т.е. недостаточно устоявшихся (формирующихся) и неоднозначно понимаемых понятий, не имеющих четких границ, а значит, и дефиниций» [Гринев-Гриневиц, 2008, с. 44].

Некоторые терминоведы (О.С. Ахманова, М.Н. Володина, Т.Л. Канделаки, Л.В. Морозова и др.) рассматривают наличие дефиниции как один из конституирующих признаков термина, отграничивающее его от других лексических единиц, в то время как «дефинитивность – одна из реализуемых им

функций» [Косова, 2004, с. 56–57]. Согласно М.Н. Лату, «каждый термин должен обладать дефиницией, а ее наличие обеспечивает точность восприятия и функционирование термина, поскольку очерчивает границы вербализуемого понятия» [Лату, 2017, с. 61]. Таким образом, дефиниция раскрывает значимые стороны научного понятия, его общие и специфические свойства в соотнесенности с пограничными элементами специального знания.

С позиции выражения содержания точность термина связана с понятием *мотивированности* – явления семантической прозрачности, при котором в дефиниции есть все необходимые и достаточные признаки обозначаемого понятия.

2. Однозначность (моносемантичность) термина. Под однозначностью подразумевается соответствие термина одному определенному значению, которое описывает конкретное понятие или объект в той или иной области научного исследования. Однако Л.Л. Кутина отмечает, что «принцип однозначности никогда не достигается во всей системе в целом, разные звенья терминологической цепи будут с необходимостью представлять разную степень выраженности изоморфных отношений...» [Кутина, 1970, с. 94].

Частично противоречащая понятию однозначности *синонимия терминов* отражает тенденцию знака к асимметрии его сторон – означаемого и означающего. Разновидностью синонимии терминов является дублетность, «при которой для обозначения одного и того же специального понятия наряду с исконным термином-словом или терминологическим сочетанием используются терминологические слова или словосочетания, заимствованные из другого языка» [Шелов, 2014, с. 11]. Н.В. Левандровская отмечает, что «в действительности термины, называющие концепты специальных структур знания, могут включать и варианты, и дублеты, и синонимы. Соотнесенные с одним и тем же понятием, такие термины неравноценны по устойчивости, частотности, сфере употребления» [Левандровская, 2007, с. 97].

3. Системность терминов. Системность терминов предполагает тесную взаимосвязь специальных единиц друг с другом, объединенных в структурированное целое. В конце XX в. системную организацию терминов

конкретной области науки обозначали понятием «*терминология*» (К.Я. Авербух, С.Г. Казарина, Р.Ю. Кобрин, В.Ф. Новодранова, В.Н. Прохорова и др.). В современных исследованиях чаще встречается термин «*терминосистема*» (Н.В. Виноградова, М.Н. Озолина, И.А. Пушкарева, А.К. Сулейманова, И.Б. Тихонова и др.).

В.М. Лейчик отмечает, что «терминосистема представляет собой более высокую ступень организации лексических единиц, чем терминология. Терминосистема образуется путем конструирования из естественных лексических единиц в результате отбора стихийно возникших единиц, а также путем сознательного их создания на основе использования закономерностей определенного естественного языка с учетом специфических закономерностей соответствующего ЯСЦ» [Лейчик, 2009, с. 137].

Отметим, что системность характерна как для терминосистемы, так и для терминологии в целом: специальные слова взаимосвязаны многоуровневыми иерархическими родо-видовыми и партитивными отношениями.

Р.Ю. Кобрин определяет терминопole как систему «научно-технических специальных понятий, которой в плане выражения соответствует терминология» [Кобрин, 2003, с. 39]. Согласно В.М. Лейчику, понятие терминопole является спорным вопросом терминоведения, «поскольку понятие терминопole совпадает с понятием терминосистема» [Лейчик, 2009, с. 200].

4. Краткость термина как факультативное требование предполагает использование лаконичного, но функционально равноценного термина. В современном терминоведении отмечается тенденция к образованию многословных терминов и усложнению структуры терминов-словосочетаний, при помощи которых становится возможной передача большего числа признаков обозначаемых ими понятий. На практике возникает необходимость использования краткого варианта вместо громоздкого неудобного наименования, что влияет на распространенность употребления термина в речи и приводит к вытеснению сложных для использования терминов.

5. *Нейтральность термина.* Данное требование связано с отсутствием эмоционально-экспрессивной окраски специальной лексики. А.А. Реформатский, В.П. Даниленко, А.И. Моисеев считают, что термин должен быть стилистически нейтральным, так как является единицей специального общения, исключающей двойное толкование, провоцирующее непонимание в процессе коммуникации.

6. *Интернациональность терминов.* Интернационалистами считаются термины, существующие более чем в двух языках, независимо от того, типологически близкими или далекими они являются. Под интернациональностью принято понимать сходство в форме и семантике терминов, функционирующих в нескольких национальных языках.

1.2.2 Лексические и словообразовательные особенности медицинской терминологии

Известно, что термины не существуют изолированно, а образуют совокупность – терминосистему (терминологию), имеющую ярко выраженный прагматический характер и предназначенную для обмена профессиональными знаниями специалистами-медиками. *Терминология медицины* – многоаспектная в плане содержания совокупность специальных средств, динамическая система, которая способна репрезентировать социальные изменения.

В современном языкознании отмечается значительное количество работ, посвященных изучению медицинской терминологии. Среди них можно выделить исследования Г.А. Абрамовой [2003], Е.В. Бекишевой [2007], В.С. Гусятинской [1998], Л.Н. Гущиной [2004], Ю.Б. Жидковой [2008], С.Г. Казариной [1999], Т.С. Кирилловой [1999], С.И. Маджаевой [2017], Е.Д. Макаренко [2008], Е.Д. Маленовой [2006], В.Ф. Новодрановой [1990], М.В. Оганисян [2003], Т.А. Трафименковой [2008], М.Н. Чернявского [1984] и мн. др.

Показательна история становления русской медицинской терминологии, формирование которой обусловлено рядом причин экстралингвистического и лингвистического характера. В работе Е.В. Бекишевой определены основные

этапы развития терминологии медицины [Бекишева, 2013, с. 260–261]. Исследователь отмечает, что первый этап становления медицинской терминологии (VIII в.) связан с формированием русского языка и появлением словарей, посвященных медицине. Второй этап (XIX в.) связан с именами С.П. Боткина, Е.О. Мухина, И.П. Павлова, Н.И. Пирогова, И.М. Сеченова и др. В это время происходит систематизация медицинской терминологии, появляется качественно новый подход к лексикографическому описанию данного подязыка науки. На третьем этапе (первая половина XX в.) появляются и формируются основы терминологической теории. Деятельность по упорядочению медицинской терминологии проводится учеными-врачами, появляются учебники и словари.

Отмечено, что становление медицинского терминоведения как самостоятельной дисциплины происходит лишь в 80-е годы XX века. Многовековая история терминологии медицины, существовавшая до этого времени, создает широкие возможности для изучения вопросов терминоведения.

Общетеоретическим вопросам медицинского терминоведения посвящены исследования Я. Заневски, В.Ф. Новодрановой; вопросами дидактического медицинского терминоведения занимались А.Г. Авксентьева, Т.Л. Бухарина, Н.И. Зуева, Т.А. Костромина, М.Н. Нечай, А.З. Цисык, М.Н. Чернявский, Ю.Ф. Шульц; проблема этимологии медицинских терминов разрабатывалась В.У. Петришиной, М.Н. Чернявским; когнитивное медицинское терминоведение – предмет исследования Е.В. Бекишевой, Л. Ельцовой, В.Ф. Новодрановой, Т.В. Рожковой, Л.С. Рудинской; вопросы типологического терминоведения – исследования С.Г. Казариной, С.И. Маджаевой; изучением дискурсивного аспекта языка медицины занимались В.В. Жура, С.И. Маджаева, С.Л. Мишланова, Ю.В. Рудова и др.

Установлено, что медицинский термин отражает специальное понятие медицины и является носителем научного знания, необходимого для коммуникации и оптимизации познавательной деятельности врачей, инструментом познания, а также обозначает важные в медицинском пространстве явления и процессы.

Как и специальные слова других областей знания, термины медицины характеризуется тенденцией к точности. Так, в структуре мотивированных терминов явно отражено содержание понятия или его характерные признаки (*лобная кость, коленный сустав, стоматология* и мн. др.), значение немотивированных единиц не извлекается из семантики входящих в них слов (*петушиный гребень, турецкое седло, астма, мигрень* и мн. др.). К таким лексемам относятся также эпонимические термины (*болезнь Альцгеймера, синдром Дауна, синдром Кушинга, болезнь Бойс* и мн. др.), которые не содержат прямого указания на отражаемое ими понятие. Широкое использование эпонимов в подъязыке медицины объясняется необходимостью лаконичного и краткого обозначения сложных понятий, а также выполнением мемориальной функции, благодаря которой закрепляется научный приоритет исследователей.

В отличие от терминов-эпонимов отыменные общеупотребительные слова характеризуются недолговечностью: они быстро входят в узус и также быстро выходят из употребления (*шалыпинка, вьетнамки, хемингуэйка, чемлевцы, румынки* и др.). Термины, включающие имя собственное (ИС-термины), являются полноправными номинациями, не зависящими от временного фактора (физические и другие единицы измерения – *ампер, ватт, герц, кулон, градус Фаренгейта* и др.; наименование минералов – *александрит, астраханит, захаровит* и др.; обозначение химических элементов – *самарий, менделевий, титаний* и др.; философские и общественно-политические термины – *кантианство, лютеранство, марксизм* и пр.; законы, гипотезы, методы, теории в точных и естественных науках – *закон Фарадея, закон Эммерта, теорема Вайсман*; понятия медицины, биологии, других наук – *отек Квинке, болезнь Лайм, Везалиева вена, гайморит, палочка Коха, Кугельберга-Веландера болезнь, жидкость Бурова, Корсаковский психоз, раствор Люголя* и мн. др.).

Место и значение эпонимов в медицине является весьма исследованной областью терминоведения (Н.А. Буданова, Е.В. Варнавская, А.А. Гаранин, Р.М. Гаранина, Т.Ф. Извекова, Е.А. Лаптева, Е.Е. Росткова, А.Н. Супрун,

Т.Д. Титаренко). В подъязыке медицины частотными являются эпонимические термины, служащие для номинации:

– болезней (*болезнь Альцгеймера, болезнь Бернара-Сулье, болезнь Бехтерева, болезнь Гентингтона, болезнь Кавасаки, болезнь Крона, болезнь Паркинсона* и мн. др.);

– симптомов (*симптом Бельского, симптом Горчакова, симптом Грефе, симптом Мебиуса, симптом Прозорова* и мн. др.);

– синдромов (*синдром Дауна, синдром Казабаха-Мерритта, синдром Марфана, синдром Паркса-Вебера-Рубашова, синдром Патау, синдром Рейно, синдром Элерса-Данло* и мн. др.);

– проб (*проба Аддиса-Каковского, проба Кумбса, проба Реберга, проба Розенталя, проба Штанге* и мн. др.);

– методов исследования (*тест Бека, рентгенография по Каковичу-Вангенстину, анализ по Нечипоренко, анализ микробиоты по Осипову* и мн. др.);

– анатомических и гистологических образований (*ядро Бехтерева, Виллизиев нерв, Гайморова пазуха, пучок Гиса, треугольник Пирогова, перекрест Фореля* и мн. др.);

– лекарственных средств (*мазь Вишневского, капли Зеленина, мазь Флеминга* и мн. др.) и др.

Согласно В.М. Лейчику, медицинские эпонимические термины наиболее изучены в семантическом плане. Ученый связывает это с тем, что «для пользователей специальной лексики интересно знать, кто открыл, изучил и начал впервые лечить разные заболевания человека» [Лейчик, 2011].

Понятие синонимии в медицинской терминологии имеет особое место. Так, Л.К. Граудина и Е.Н. Ширяев выделяют следующую классификацию:

– синонимы, обладающие одинаковым значением (абсолютные синонимы или дублиеты). Так, существующие в терминосистеме дублиеты, как правило, связаны с условиями ее функционирования. Установлено, что частотны случаи параллельного употребления термина национального языка и заимствованного

термина при условии, что один из них не может образовывать производные формы: *корпус – тело, фрактура – перелом* и нек. др.;

– частично совпадающие синонимы (варианты). В терминологии медицины наличие вариантов является достаточно распространенным явлением: *флюктуация – флуктуация, управление – регулирование – регуляция – контроль – наблюдение* и нек. др.

Известно, что существующая в подъязыке медицины синонимия терминов оценивается отрицательно, так как наличие вариантов способствует неоднозначному восприятию научной информации, недостаточному взаимопониманию, продуцирует ошибки при переводе научной медицинской литературы, а также является препятствием в упорядочении терминологии.

Обращаясь к требованию моносемантической и связанной с ним проблеме синонимии терминов, отметим, что в подъязыке медицины ряд терминов может обладать несколькими значениями, например: 1) *хирургия* – лечение; 2) *хирургия* – область медицины, изучающая заболевания, основным методом лечения которых является оперативное вмешательство. Другой пример – междисциплинарная полисемия термина «*альвеолит*»: 1) в пульмонологии: *альвеолит* – воспаление группы альвеол легкого без поражения бронхиального; 2) в стоматологии: *альвеолит* – воспаление стенок альвеолы зуба.

Проблема терминообразования и терминологической номинации – один из ключевых вопросов терминоведения. Исследованием образования медицинских терминов занимались Н.И. Данилина, Л.А. Динес, И.В. Духанина, В.Ф. Новодранова, О.Н. Полухина, В.Н. Федорцова и др.

Определяя содержание понятия терминообразования, следует учитывать, что процесс вербализации нового знания подразумевает, с одной стороны, адекватную словесную обработку; с другой – передачу информации коммуниканту. Процесс образования новых терминов рассматривается исследователями как специальная форма языковой коммуникации, а сам термин представляет собой производное от текста.

Основным содержанием терминообразования является создание специальных единиц. Являясь частью специального текста, терминологическая лексика одновременно входит в новое понятие. Таким образом, термин становится частью одного конкретного текста и одновременно всех последующих, в которых он может быть воспроизведен.

Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин в качестве основных источников терминообразования считают слова и словосочетания национального литературного языка, которые перешли в состав терминологии в результате семантического преобразования, причем структура слов и словосочетаний не подверглась каким-либо изменениям [Головин, Кобрин, 1987, с. 34]. Так, *шейка, бугорок, ложечка, лопатка, стремечко, молоточек, подушечки* и др. – термины, по форме и морфемной структуре совпадающие с общеупотребительными словами. Единицы специальной лексики с уменьшительно-ласкательными суффиксами признаются самостоятельными терминами. В отличие от слов неспециального языка данные единицы утратили лексическое значение нейтральных слов, что для медицинской науки является характерным: *сосочек, узелок, молоточек, пузырек, бороздка* и др.

Частотным случаем терминообразования является метафоризация общелитературной лексики: *наковальня, лопатка, дыхательный мешок, мозговой колодец, пещера желудка, крыша* пузырька и мн. др. В результате метафорического переноса слово общелитературного языка утрачивает свое лексическое значение и приобретает новое – терминологическое – значение, создавая варианты межстилевых омонимов. Возникающая при этом омонимия не носит отрицательный характер, так как не вызывает неоднозначного понимания, поскольку термин и слово обладают разной семантикой и сферой употребления. Отметим, что медицинские термины, образованные путем терминологизации общеупотребительных единиц русского языка, противопоставлены заимствованным терминам.

Путь развития подязыка медицины невозможно описать без анализа значительного числа терминов, заимствованных из других языков. В общей теории

терминообразования описаны пути пополнения лексики специальных подязыков, где наряду с привлечением ресурсов национального языка используются заимствования.

Заимствованные медицинские термины классифицируются следующим образом:

– иноязычные специальные единицы, закрепившиеся в языке и не воспринимающиеся как иноязычные: *астма* (от греч. *asthma*), *брекет-система* (от англ. *bracket*), *кушетка* (от фр. *couchette*), *пинцет* (от фр. *pincette*), *скальпель* (от лат. *scalpellum*) и мн. др.;

– иноязычные термины, не получившие широкого распространения: *папула* – *узелок* и др.;

– термины греко-латинских происхождения: *аускультация*, *блефаропластика*, *одонтометрия*, *панплегия*, *резектоцистоскоп*, *стетоскоп*, *тахипноэ*, *эзофагит*, *флюорография*, *хейлоз* и мн. др.

Отличительной особенностью медицинской терминологии является узкая закреплённость словообразовательных аффиксов за выражением определенных значений: *-ом-* – опухолевидные заболевания (*гематома*, *карцинома*, *липома*, *меланома*, *саркома*, *фиброма* и мн. др.), *-ур-* – результат действия (*апертура*, *комиссура*, *лигатура*, *фрактура* и мн. др.), *-оз* – заболевания невоспалительного характера (*дерматоз*, *некроз*, *пародонтоз*, *остеохондроз*, *фиброз* и мн. др.), *-ит* – название воспалительных процессов (*васкулит*, *гингивит*, *миозит*, *миокардит*, *радикулит*, *спондилит*, *холангит* и мн. др.), *-ин* – наименование препаратов (*анальгин*, *аспирин*, *ибуклин*, *супрастин* и мн. др.); *гипо-* – расположенный под чем-то, отклонение ниже нормы (*гипогликемия*, *гипоталамус*, *гипосаливация*, *гипотиреоз* и мн. др.), *гипер-* – отклонение выше нормального состояния (*гиперестезия*, *гиперлордоз*, *гипертрофия*, *гипертония*, *гиперфункция* и мн. др.), *а/ан-* – отсутствие признака, функции (*аносмия*, *анофтальмия*, *асиалия*, *атрофия*, *ахолия* и мн. др.), *дис-* – нарушение функции (*дисбиоз*, *дискинезия*, *дислесья*, *дистония*, *дистрофия* и мн. др.), *син-/сим-* – соединение, совместная функция (*синдактилия*, *синдесмоз*, *синергия*, *синхондроз*, *синостоз* и мн. др.), *пан-* –

затрагивающий весь орган, всю часть тела, всеохватывающий (*панангин, панплегия, пансинусит, панцитопения* и мн. др.) и др.

В результате анализа словообразовательных особенностей терминологии медицины выявлено, что наиболее продуктивными считаются те же словообразовательные средства, которые характерны и для общеупотребительных слов:

– суффиксация: *вакулит, инфантилизм, одонтома, псориаз, фертильность, серапартор* и мн. др.;

– префиксация: *антитела, гипертензия, дезинфекция, парапроктит, эндокардит, эндометрий* и мн. др.;

– префиксально-суффиксальный способ: *астигматизм, асфиксия, дислокация, трансплантация, ретромандибулярный* и мн. др.;

– сложение основ: *кровенаполнение, крыловидно-небная ямка, гидроцефалия, пиурия, одонтометрия, остеомалация* и мн. др.

1.2.3 Типологическое описание терминосистемы медицины

Известно, что классификация объектов науки является традиционным методом познания. Как отмечает К.Я. Авербух, «классификация – это распределение предметов какого-либо рода на взаимосвязанные классы согласно наиболее существенным признакам, присущим предметам данного рода и отличающим их от предметов других родов, при этом каждый класс занимает в получившейся системе определенное постоянное место и, в свою очередь, делится на подклассы» [Авербух, 2006, с. 167].

Первоочередной задачей систематизации объектов является построение иерархических систем классов и их подклассов на основе выделенных признаков. Такие характеристики терминов, как содержательные, формальные, функциональные, а также внутри- и внеязыковые, служат основой для их типологического описания, которое необходимо для выявления связей между изучаемыми объектами.

В зависимости от сферы употребления медицинской лексики выделяют несколько классификационных подходов. Так, всю лексику, составляющую язык науки, А.И. Моисеев подразделяет на *специальную терминологию*, понятную в большей степени специалистам, и *общеупотребительную*, которая известна всем носителям языка [Моисеев, 1970, с. 130].

В.П. Даниленко расширяет типологическое описание специальной лексики, предложенное А.И. Моисеевым, и выделяет *нетерминологическую лексику*, к которой относятся знаменательные и служебные слова литературного языка, *общенаучную* и *терминологическую* [Даниленко, 1977, с. 17]. Установлено, что при помощи нетерминологической лексики можно объяснить содержание научного понятия, выразить оценку, передать модальность и отношение автора, а также установить связи между объектами науки. Нетерминологическая лексика, будучи доступной и понятной широкой аудитории, способствует распространению сложных концепций и явлений.

Общенаучная лексика – специальные слова, которые используются в различных областях науки. Такие единицы обладают широким значением и используются для выражения универсальных научных понятий.

К терминологической лексике относятся специальные единицы, принадлежащие конкретным терминосистемам. Именно эта подгруппа, будучи отличной от общеупотребительной лексики, является наиболее информативной и отражает специфику подъязыка науки.

В сфере специальной лексики выделяются подгруппы: *общенаучные*, *межнаучные* и *узкоспециальные* термины [Граудина, Ширяев, 1999, с. 179–180]. Так, общенаучные термины обозначают понятия, обладающие гносеологической универсальностью (*система*, *функция*, *программа*, *информация*, *структура* и др.).

Современное развитие науки и интеграционные процессы привели к изменению подхода к классификации. Вместо дисциплинарного принципа возник проблемный, который поспособствовал формированию междисциплинарных комплексов, в результате чего увеличился объем межнаучной (межсистемной) терминологии. Согласно Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяеву, межнаучные термины

делятся на две категории. К первой группе относятся определенные структурированные объединения названий общих для различных наук базовых понятий, которые создают основу для более конкретных и специализированных терминов (*инструменты – медицинские инструменты*). Вторая группа включает принадлежащие различным научным отраслям термины, которые могут быть не связаны общим объектом или предметом. Например, термин «*агглютинация*» в подязыке медицины означает «*склеивание в комочки и выпадение из взвеси в осадок частиц (например: красных и белых кровяных телец, бактерий и т.п.)*» [БТС, с. 28], в то время как в лингвистике «*агглютинация – способ образования производных слов и грамматических форм посредством присоединения к корню различных аффиксов, имеющих самостоятельное значение*» [БТС, с. 28] и др. Авторы отмечают, что при анализе терминологии, связанной с конкретными областями профессиональной деятельности, существующая в языке междисциплинарная омонимия не носит отрицательный характер, поскольку термины-омонимы используются в различных подязыках и не затрудняют понимание в процессе коммуникации.

Узкоспециальная терминология – наиболее распространенная группа терминов, номинирующих уникальные для каждой области явления, понятия и категории. Внутри узкоспециальной терминологии типологизация может носить индивидуальный характер в зависимости от степени и полноты охвата отраслевой терминологией соответствующей области знания.

В зависимости от степени распространения терминов Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров выделяют: а) широко распространенные термины, которые не осознаются неспециалистами как собственно термины (*голова, перелом, желудок, операция* и др.); б) термины, имеющие специальный характер, однако понятные большинству носителей языка (*нашатырный спирт, язва желудка, венерические болезни* и др.), в) термины, известные только специалистам (*тампонада, офтальмоскоп* и др.) [Верещагин, Костомаров, 1980, с. 68].

В.П. Даниленко классифицирует специальную лексику по ее происхождению и выделяет: а) общелитературные слова (*человек, голова туловище, рука, нога* и

др.); б) диалектные термины (*щекотун, тягучка, свежун, почесуха* и др.); в) просторечные термины (*анатомичка, пузо, абстяга, гладилка* и др.) [Даниленко, 1977, с. 23].

Систематизация медицинских терминов, предложенная В.В. Шкариным, Ю.В. Григорьевой и Н.М. Гороховой [Шкарин, Григорьева, Горохова, 2004], включает следующие группы: а) термины, давно вошедшие в подъязык медицины и являющиеся частью профессионального языка специалистов (*резидуальный, фертильность* и др.); б) термины, часто используемые, но не представляющие необходимость в специальной коммуникации (*реестр, иммунные депозиты* и др.); в) термины-европеизмы (*верифицированный, гендерный, дефинирует, прецизионный* и др.); г) псевдонаучные термины (*менингеальная ретордация, флюктуирующий нистагм* и др.); д) термины – «измышления авторов», т.е. ошибочные терминологические сочетания (*половое оволосенение, популяции подростков* и др.); е) термины – «собственные изобретения авторов», т.е. имеющие сложную структуру и не отраженные в словарях единицы (*супернатант, агропедоценоз* и др.); ж) наиболее частотные термины, известные большинству носителей языка (*эпидемиология, скрининг* и др.).

Принимая во внимание эволютивные характеристики медицинских терминосистем, С.Г. Казарина выделяет в медицинской терминологии *гомегенные, контаминационные, филиационные и гетерогенные* группы [Казарина, 2023, с. 1397–1398].

К гомогенным терминологиям исследователь относит совокупности терминов, которые появились до н.э. на эмпирическом этапе врачевания (терминологии ортопедии, общей хирургии, общей терапии, травматологии и т.п.).

Контаминационная подсистема включает терминологии анестезиологии, гематологии и реаниматологии. С.Г. Казарина приводит историческую справку и отмечает, что данные группы терминов появились в результате смешения специальных единиц разных медицинских отраслей.

По филиационной модели образованы терминосистемы гастроэнтерологии, социальной гигиены, офтальмологии. Специальные слова этих дисциплин весьма

единообразны и преимущественно включают базовые термины исходной науки с немногочисленными заимствованиями из других областей знания.

Гетерогенные терминосистемы включают неоднородные по составу номинации (терминологии нормальной физиологии и общей гигиены). Данная группа характеризуется миграцией терминов из смежных наук. В частности, дисциплина «Нормальная физиология» включает данные математики, биологии, анатомии, физики и ряда других наук, что отражается на языковом уровне описываемых понятий.

Принимая во внимание различные подходы к типологизации медицинской лексики, универсальной считаем классификацию медицинской лексики, основанную на распределении специальных единиц в соответствии отраслевым терминосистемам. Именно выделение в макротерминосистеме медицины групп *анатомо-гистологической, клинической и фармацевтической* лексики наиболее полно описывает массив специальной лексики, ее характер и функциональную специфику.

С точки зрения количественных характеристик анатомо-гистологическая подсистема является наиболее малочисленной и замкнутой, так как анатомические и гистологические термины номинируют ограниченное количество органов и частей тела (*желудок, сердце, легкие, двенадцатиперстная кишка, вья, сошник, хрящ, сустав, верхнечелюстная пазуха* и мн. др.), и не имеет тенденции к пополнению.

Опираясь на работы М.Н. Чернявского [Чернявский, 1984, с. 48–49], отметим, что изучение анатомо-гистологической терминологии начало приобретать системный характер лишь в конце XIX в. Так, в 1895 г. была предложена Базельская анатомическая номенклатура, на основе которой в 1955 г. в Париже на VI Международном федеративном конгрессе анатомов был утвержден первый в истории науки перечень терминов, получивший международное признание как Парижская анатомическая номенклатура (*Nomina Anatomica*). Последняя номенклатура (*Terminologia Anatomica*), пересмотренная в 1998 г., включает 7428 терминов и является международным стандартом.

Аналогично шло становление Международной гистологической номенклатуры. Известно, что в конце 60-х годов XX в. советскими гистологами был предложен первый список терминов гистологии (более 3000 единиц), представленный на латинском языке, который и лег в основу Международной гистологической номенклатуры (*Terminologia Histologica*), утвержденной на IX Международном конгрессе анатомов в Ленинграде в 1970 г.

В настоящее время на международном уровне продолжается работа по систематизации и упорядочению терминов анатомии и гистологии. В лингвистике исследованием структурно-семантических, лексических, функциональных и др. особенностей анатомо-гистологических терминов занимались М.В. Веклич [1999], Л.Ф. Ельцова [2000], Л.Е. Князькина [2022], М.Л. Левченко [2021], М.В. Озингин [2010], Е.А. Слоева [2007] и нек. др.

Авторы отмечают, что современную анатомо-гистологическую терминологию можно охарактеризовать как достаточно упорядоченную, устойчивую и замкнутую макротерминосистему медицины.

К особенностям, отличающим эту группу от других, относят активность метафоризации как продуктивного способа терминообразования (*почечные столбы, ворота легкого, слезное мяско, небная занавеска, глоточный карман, сальниковая сумка и мн. др.*). Специальные слова, образованные путем метафорического переноса, функционируют в языке науки и способствуют более легкому восприятию знаний о строении человеческого тела, так как они связывают специализированное понятие с обыденно-практическими знаниями носителей языка, что упрощает его интерпретацию, и метафорическая природа терминов не осознается.

Клинические термины – самая многочисленная и динамичная по составу группа (более 60000 единиц [Топоров; Кондратьев, Хомич, 2014]), включающая названия медицинских наук, врачебных специальностей, патологических состояний организма, методов диагностики, лечения (*кардиология, рентгенолог, офтальмоплегия, инфаркт миокарда, холецистит, пародонтоз, цистоскопия, краниометрия, оксигенация, гидротерапия* и мн. др.). Число клинических

терминов постоянно растет в связи развитием медицинских наук и появлением новых нозологических форм, что является преградой на пути к унификации и систематизации терминов этой группы.

Так, в конце XX в. под руководством С.В. Гринева-Гриневича и Э.А. Сорокиной была предпринята попытка установить единые принципы упорядочения медицинской терминологии. В ходе эксперимента было систематизировано около 70000 терминов медико-биологических дисциплин, в том числе и единиц клинической группы, в результате чего были выделены следующие категории: абстрактные понятия; наука, дисциплина; теория; общие понятия; объект; пациент; орган; ткань; физиологическая система; среда; агент; медик; оборудование; лекарство; процесс; нозологические формы; синдромы; исследования; профилактика; диагностика; терапия; свойства; симптомы и др. [Гринева-Гриневич, Сорокина, 2015, с. 45–48]. При систематизации медицинской лексики отмечается подвижный характер границ некоторых понятий (например, трудность в разграничении явлений и симптомов), которая является преградой четкого разделения терминов на классы.

Логико-понятийное описание единиц клинической группы, имеющее практическое применение в области медицины и здравоохранения, представлено в Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10). Данное распределение терминов построено по родо-видовому принципу и является на сегодняшний день наиболее четко структурированной систематизацией клинических терминов.

В рамках лингвистического описания клинической терминологии особое внимание хочется уделить работам Г.А. Абрамовой [2003], А.Г. Авксеньевой [1989], Е.В. Бекишевой [2007], Л.К. Гордеевой [2022], С.Г. Казариной [1999, 2020], Т.А. Трафименковой [2008] и нек. др. В исследованиях отмечается, что клиническая терминология состоит преимущественно из терминов, образованных на базе греческих терминоэлементов. Русскоязычные морфемы в составе клинических единиц образуют профессионализмы, общенаучную и общеупотребительную медицинскую лексику.

Как анатомо-гистологическая, так и клиническая терминология включает большое количество эпонимических единиц (*зоны Захарьина-Геды, пучок Гиса, треугольник Пирогова, разрез по Пфанненштилю, фундопликация по Ниссену, синдром Иценко-Кушинга* и мн. др.). Так, в «Иллюстрированном словаре эпонимов в морфологии» Н.И. Гончарова зафиксировано около 2500 таких единиц.

Фармацевтическая группа представлена наименованиями лекарственных форм, лекарственных средств и веществ химического и животного происхождения (*парацетамол, аспирин, антибиотик, калия бромид, глюкокортикостероиды* и мн. др.). Фармацевтическая терминсистема постоянно пополняется в связи с развитием фармацевтической промышленности, и на сегодняшний день в России зарегистрировано более 13000 наименований лекарственных средств [БРЭ; Лазарева, 2023]).

Абсолютное большинство терминов фармации – однословные номинации готовых лекарственных средств, которые представлены в номенклатуре не под научным (систематическим) названием, а под тривиальным наименованием. Научное название, отражающее состав и структуру химического соединения, громоздко и сложно в использовании врачами и фармацевтами при выписывании рецептов, в аптечной торговле (например, научное название *этакридина – лактат2-этокси-6,9-диаминоакридин*). В связи с этим используются тривиальные (условные) наименования, не отображающие систематические признаки научной классификации, однако такие номинации кратки, доступны и удобны как для профессиональной, так и неспециальной коммуникации.

Вся информация о лекарственных веществах препаратах, выпускаемых в Российской Федерации, отражена в Государственной фармакопее Российской Федерации – основном нормативном документе, определяющем стандарты и показатели их качества.

Фармацевтическая терминология является одной из самых подвижных подсистем языка медицины. Анализируя фармакопею как фиксированную модель состояния фармацевтической науки, Б.Л. Парновский отследил динамику изменений ее терминологического состава в период с 1937 по 1968 гг. [Парновский,

1986, с. 86–88]. Было установлено, что общее количество терминов, используемых в Государственной фармакопее, увеличилось: в VII издании (1937 г.) количество единиц составляло 1568, а в X издании (1968 г.) – 2517 единиц, что свидетельствует о значительном расширении данной терминосистемы в течение рассматриваемого периода.

Полученные Б.Л. Парновским результаты важны как для методологии фармацевтической науки, так и в контексте терминологии. Данные подтверждают, что в течение 30 лет предметная область фармации значительно расширилась и качественно изменилась, что также наблюдается и в настоящее время.

На современном этапе терминологическая работа носит случайный характер и выполняется в основном специалистами в области фармацевтики и лингвистики отдельно друг от друга, что затрудняет продвижение к упорядочиванию терминов и номенклатурных обозначений. Только систематическая работа в области терминологии сможет улучшить текущее состояние отечественной фармацевтической терминологии.

1.2.4 Функциональная специфика медицинской лексики в научном дискурсе

Исследование особенностей функционирования специальной лексики является актуальным направлением изучения медицинского дискурса, так как способствует повышению качества профессиональной коммуникации и ускорению взаимопонимания ученых на различных уровнях. Функциональный аспект исследования терминологии позволяет выявить определенные закономерности использования специальных единиц в речи, что важно для определения коммуникативной значимости медицинской лексики в высказывании, особенностей их реализации и взаимодействия.

На современном этапе развития лингвистики исследование медицинской терминологии ведется в рамках ономаσιологического, когнитивно-дискурсивного, лексикографического, стилистического, функционального и нек. др. направлений. В связи с развитием лингвистики текста особое место в изучении медицинской

терминологии занимает исследование функциональных характеристик термина в различных видах дискурса. В.М. Лейчик отмечал, что «не сделаны все выводы о положении сферы фиксации и сферы функционирования терминов. А между тем именно при анализе терминов в тексте могут быть, по нашему мнению, выявлены их новые существенные признаки» [Лейчик, 1983, с. 127].

Активное функционирование терминологии происходит в первую очередь в рамках профессиональной деятельности специалистов, при этом термин, как правило, подвергается структурно-семантическим изменениям, устанавливая различные синтагматические связи как со специальными, так и общеупотребительными единицами. Анализ синтагматических характеристик специальной единицы включает в себя установление связей между единицами терминологического поля и другими языковыми системами и подсистемами. В рамках данного подхода исследуется контекст, ситуация и окружение термина – дистрибуция.

Отметим, что термин несет определенную когнитивно-дискурсивную нагрузку, и от точности его употребления зависит адекватность изложения медицинского знания, информативная презентабельность, степень соответствия научной позиции автора.

Медицинская лексика осуществляет функцию хранения и передачи в вербальной форме специальных знаний и содействуют обогащению и развитию знаний этой предметной области.

Так, у каждого термина существуют свои сфера функционирования и сфера фиксации. По мнению Л.Ю. Буяновой, «существует специфическая дистрибуция (дифференциация) структурно-семантических и функциональных параметров, деривационных механизмов генерирования (порождения, продуцирования) метаязыковых образований, систем терминов, детерминируемая когнитивно-гносеологической и логико-понятийной дивергенцией, концептуальной обособленностью и своеобразием каждого из стратифицированных ярусов научного стиля изложения, делимитацией (ограничением) сферы функционирования терминов и сферы их фиксации» [Буянова, 2012, с. 9].

Выявлено, что единицы научного медицинского дискурса могут быть представлены не только в устной, но и в письменной форме. Авторами таких текстов являются ученые и специалисты в области медицины, в качестве читателей выступают ученые, врачи, студенты-медики. Используя специальные единицы, авторы формируют и систематизируют знания о заболеваниях, оказывают медицинскую помощь, которая реализуется через советы и рекомендации. Однако с увеличением роли науки в обществе и ростом различного рода научных контактов, с развитием значимости в современном информационном пространстве средств массовой коммуникации увеличивается и доля устных жанров научной речи, которые предполагают участие в том числе и неспециалистов.

Так, основными функциями термина в научном дискурсе являются:

1. **Номинативная (репрезентативная) функция** – функция выражения, наименования, обозначения специальных понятий и их признаков. В «Словаре лингвистических терминов» дается определение номинативной функции как «назначение слова служить наименованием предмета» [Розенталь, 1987, с. 339]. Номинативная функция играет ключевую роль в процессе коммуникации, позволяя нам идентифицировать и различать предметы и понятия.

Известно, что лексика, в том числе и ограниченного употребления, репрезентирует специальные понятия и явления, а также их признаки и свойства. Так, Г.О. Винокур отмечал наличие номинативной функции у термина, считая, что «термин – это не особое слово, а только слово в особой функции, функции наименования специального понятия, названия специального предмета или явления» [Винокур, 1939, с. 49]. Точку зрения исследователя разделяет ряд ученых, признающих данную функциональную характеристику. Другие лингвисты, в том числе В.В. Виноградов, отрицают наличие у термина номинативной функции, считая, что он выполняет только дефинитивную.

2. **Сигнификативная (дифференциальная) функция** – «способность единиц языка обозначать и различать» [Жеребило, 2010, с. 323], тесно связана с номинативной функцией специальных единиц. Исходя из того, что лексическая единица в первую очередь служит для обозначения объекта, важно установить,

какие языковые средства помогают реализовать эту функцию. Следовательно, анализ сигнификативной функции термина включает в себя изучение методов обозначения и классификации языковых знаков в зависимости от их мотивированности по отношению к типам объектов.

3. *Дефинитивная функция* – специфическая функция термина, позволяющая считать его свернутым знанием. Именно она и определяет точность термина как его основной признак. Учитывая многообразие подходов к определению дефинитивной функции, отметим, что в первую очередь исследователи связывают данную характеристику с наличием у термина дефиниции – «краткого логического определения какого-л. понятия, содержащего наиболее существенные его признаки» [МАС, 1985, с. 394]. Так, согласно позиции А.В. Лимова, дефинитивную функцию специальной единицы можно рассматривать в качестве ее возможности самоопределяться.

Дефинитивность как присущая только термину особенность подчеркивается в определении Т.Л. Канделаки: «Под термином понимается слово или лексикализованное словосочетание, требующее для установления своего значения в соответствующей системе понятий построения дефиниций» [Канделаки, 1977, с. 7] и В. П. Даниленко: «Под термином мы понимаем слово (или словосочетание) специальной сферы употребления, являющееся наименованием специального понятия и требующее дефиниции» [Даниленко, 1977, с. 15]. К.А. Левковская [Левковская, 1962, с. 197] усматривает совмещение номинативной и дефинитивной функций термина.

Мы разделяем точку зрения Л.А. Капанадзе, которая отмечает, что «термин не называет понятие как обычное слово, а понятие ему приписывается, как бы прикладывается к нему. И в словарях термин не толкуется, а определяется, поэтому нельзя говорить о лексическом значении термина в общепринятом смысле этого слова. Значение термина – это определение понятия, дефиниция, которая ему приписывается. Если неизвестно определение, то неизвестен и термин, никакие ассоциации тут не помогут» [Капанадзе, 1965, с. 78]. В соответствии с данным подходом, принимаемым многими исследователями, содержание термина

признается точным, однозначным, лишенным эмоционально-экспрессивной окраски.

4. **Когнитивная функция** связана с тем, что термин является результатом процесса познания природы явлений и предметов окружающей нас действительности, их свойств и связей, вербализацией концепта, порожденного как мысленным, так и чувственным познанием, благодаря чему, в частности, открываются широкие горизонты для создания метафорических и метонимических связей в терминологии.

Когнитивная функция термина также включает в себя процесс категоризации знаний, поскольку термины служат основой для создания моделей и схем, которые помогают в анализе и интерпретации информации. Следовательно, изучение когнитивной функции терминов охватывает как механизмы знания, так и влияние терминологии на формирование научных концепций и представлений.

5. **Коммуникативная (информационная) функция** термина заключается в передаче некой специальной информации. Медицинская терминология необходима для обмена знаниями между участниками медицинского дискурса.

Прагматический потенциал терминов тесно связан с коммуникативной функцией и определяется соотносительностью знака с участниками, условиями и целями общения. Исследователи отмечают, что прагматический потенциал отчетливо прослеживается при использовании терминологии «в целях идеологической борьбы или дезинформации, т.е. намеренного сокрытия знания, однако далеко не все термины служат этой цели» [Финикова, 2012, с. 100].

Объем семантического пространства термина зависит от параметров коммуникации, от языковой картины мира участников общения, уровня их специальной подготовки и речемыслительных особенностей. Закономерное функционирование медицинского термина в научном дискурсе является естественной средой для данной единицы специального знания.

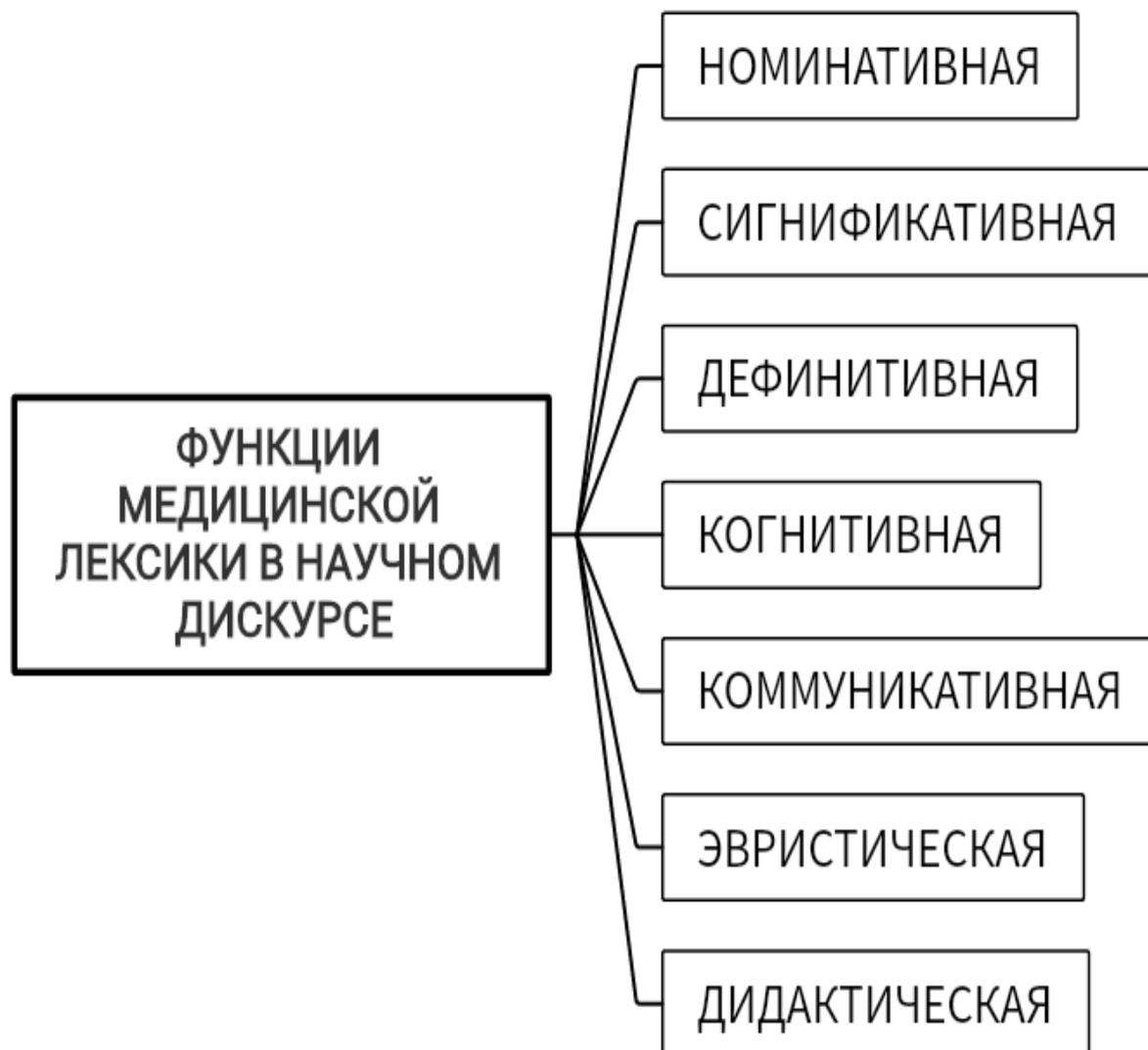
6. Кроме того, специальная лексика обладает специфической функцией – **эвристической** (открытия нового знания). Известно, что все изменения, происходящие в мире, зеркально отражаются в языке: появление знаний, ранее

неизвестных человеку, сопровождается развитием терминологического аппарата, отражающего новую познаваемую действительность. Благодаря терминам существует возможность проследить связь между объектами и явлениями на языковом уровне: взаимодействие лексики, которая репрезентирует специальные понятия, указывает на отношения между объектами, в связи с чем можно утверждать, что термин несет функцию открытия нового знания.

6. *Дидактическая функция* заключается в использовании терминологии в образовательном процессе в целях однозначной и точной передачи учебного материала, систематизации знаний, формирования профессионального языка и мышления и нек. др. В медицинских вузах особое внимание уделяется обучению языку специальности, так как знание семантики терминов, грамотное использование метаязыка специальности, умение свободно вербализовать свою мысль с помощью специальных единиц, возможность оперировать терминами в рамках профессиональной коммуникации – важные задачи, которые должен решать врач в процессе своей профессиональной деятельности.

Таким образом, функции, реализуемые специальной лексикой в научном дискурсе, можно представить в виде схемы 1:

Схема 1. Функциональная характеристика медицинской лексики в научном дискурсе

Отметим, что функциональная нагруженность термина связана со сферой его использования. Спектр функциональных характеристик подтверждает сложный характер системы функций терминов по сравнению с системой функций общеупотребительных слов. Выявлено, что некоторые функционально-прагматические свойства терминов взаимосвязаны и основные функции специальных слов позволяют четко определить их значение в системе лексических единиц естественного языка.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 1

Интеграция знаний, характерная для современной науки, позволяет выявить междисциплинарные и системные связи изучаемых понятий. Медицинская лингвистика, возникшая на стыке двух областей научного знания, была призвана установить связь между медициной и языком, изучить различные аспекты речевой деятельности в специальной коммуникации, что способствует точному определению специфики медицинского текста и дискурса. В русле исследований медицинской лингвистики остро стоит проблема многостороннего описания медицинского дискурса как особого когнитивно-коммуникативного пространства.

Исследователи выделяют ряд направлений в изучении медицинского дискурса, которые не противоречат друг другу, а дают возможность более полно описать данный объект исследования с разных сторон. Так, в первую очередь рассматривают два подхода: 1) институциональный, в основе которого медицинский дискурс рассматривается как коммуникация обособленных социальных групп в рамках социального института медицины; 2) функционально-коммуникативный, направленный на исследование подязыка специальной области, языка для специальных целей, специального языка, профессиональной речи. Изучение языков для специальных целей (LSP) как набора языковых единиц разных уровней, с помощью которых осуществляется коммуникация специалистов, является одним из приоритетных направлений отечественной и зарубежной лингвистики в последние десятилетия.

Профессиональное общение в отличие от бытовой коммуникации предполагает использование специальной лексики, к которой традиционно относят термины, номенклатурные обозначения, профессионализмы, профессионально-жаргонные слова. Несмотря на достаточную изученность проблемы термина, на современном этапе все еще не сформирована общепринятая дефиниция данного понятия. Проанализировав различные подходы к определению данной единицы, мы ориентируемся на широкое понимание термина, которое не претендует на универсальность. Считаем, что в рамках нашего исследования актуально

понимание термина как слова/словосочетания, обладающего рядом конститутивных признаков, в определенной области знания обозначающего предмет или выражающего конкретное научное понятие. Традиционными требованиями, предъявляемыми к «идеальному» термину, считаются следующие: соотнесенность с понятием специальной области знания, точность, однозначность, системность, стилистическая нейтральность, интернациональность и нек. др. – которые специальная единица реализует в научном дискурсе.

Терминология медицины – многоаспектная в плане содержания совокупность специальных средств, динамическая система, которая способна репрезентировать социальные изменения. Медицинские термины, как и специальные единицы других областей знания, обладают тенденцией к точности и однозначности. Выделяют мотивированные термины, которые явно отражают содержание научного понятия или его характерные признаки (*лобная кость, коленный сустав, стоматология* и др.) и немотивированные единицы, значение которых не извлекается из семантики составляющих их компонентов (*петушиный гребень, турецкое седло* и др.). Не содержат прямого указания на фиксируемое понятие и эпонимические термины (*болезнь Альцгеймера, синдром Дауна, синдром Кушинга* и др.). Активное употребление терминов-эпонимов объясняется необходимостью лаконичного наименования сложных понятий, явлений и их признаков, а также выполнением мемориальной функции, благодаря которой закрепляется научный приоритет ученых разных стран.

Омонимия и многозначность терминологических единиц в подязыке медицины оцениваются отрицательно, поскольку способствуют неоднозначному восприятию научной информации, создают трудности при переводе научной медицинской литературы и провоцируют недостаточное понимание.

Особое значение приобретает проблема изучения терминообразования и терминологической номинации. Известно, что язык медицины включает большое число заимствований из других языков: греческого и латинского (*аускультация, блефаропластика, панплегия, резектоцистоскоп, стетоскоп, тахипноэ, эзофагит, флюорография* и др.), французского (*кушетка, кюретка, пинцет, акушер* и др.),

английского (*брекет-система, клиренс-тест, аттачмент, гаспинг-дыхание* и др.), немецкого (*шпатель, шприц, бор* и др.) и иных языков.

Несмотря на то что макротерминосистема медицины обслуживает специальное общение, включающее в том числе и ориентацию на его интернациональный аспект, терминология этой области знания характеризуется лексико-семантическими и лексико-грамматическими процессами, свойственными русскому национальному языку. Особенность медицинской терминологии заключается в том, что она узко закрепляет словообразовательные аффиксы за выражением определенных значений. Продуктивным способом терминообразования в языке медицины также является частичная метафоризация значения единицы общеупотребительной лексики (*наковальня, лопатка, дыхательный мешок, мозговой колодец, пещера желудка, крыша пузырька* и др.).

Принимая во внимание различные подходы к типологизации медицинской лексики, универсальной считаем ее классификацию, основанную на распределении специальных единиц в соответствии с отраслевыми терминосистемами, а именно выделение в макротерминосистеме медицины групп анатомио-гистологической, клинической и фармацевтической лексики.

С точки зрения количественных характеристик анатомио-гистологическая подсистема является наиболее малочисленной и замкнутой (около 10 000 единиц), так как анатомические и гистологические термины номинируют ограниченное количество органов и частей тела.

Клинические термины – самая многочисленная, динамичная по составу и постоянно пополняемая группа, включающая названия медицинских наук, врачебных специальностей, патологических состояний организма, методов диагностики и лечения. Число клинических терминов (более 60 000 специальных слов) постоянно растет в связи развитием медицинских наук и появлением новых нозологических форм, что является определенной преградой на пути к унификации и систематизации терминов этой группы.

Фармацевтическая группа, как и клиническая, характеризуется тенденцией к пополнению и представлена наименованиями лекарственных форм, лекарственных

средств и веществ химического и животного происхождения и составляет более 13000 терминов.

В связи с развитием лингвистики текста особое место в изучении медицинской терминологии занимает исследование функциональных характеристик термина в различных видах дискурса. Так, медицинские термины осуществляют функции хранения и передачи информации и содействуют обогащению и развитию терминосистемы специальной области. Отметим, что от правильного использования терминов в научном дискурсе зависит точность передачи медицинского знания, информативная презентабельность, степень корректности научной позиции автора. Таким образом, термин несет определенную когнитивно-дискурсивную нагрузку.

Спектр функциональных характеристик подтверждает сложный характер системы функций терминов по сравнению с системой функций общеупотребительных слов. Хотя не каждый термин охватывает полный набор специфических характеристик, можно с уверенностью утверждать, что основные функции терминов позволяют четко определить их роль в системе лексических единиц естественного языка, включая LSP.

ГЛАВА 2 МЕДИЦИНСКАЯ ЛЕКСИКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Медицинская терминология как совокупность слов и словосочетаний, назначение которых – быть вербальным знаком научных понятий, является базовым компонентом информационного поля медицины. Уточним, что, хотя термин в первую очередь является единицей научного дискурса и его основная функция – номинация понятия, входящего в ядро сферы специального знания, область науки не является единственно возможной «средой» его функционирования. Известно, что терминологические единицы могут включаться в художественные тексты нестрогих стилей, в частности, художественный.

Изучение особенностей употребления терминов в специальной и неспециальной литературе уже было предметом анализа. Так, Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин (1987 г.) отмечают, что в научном дискурсе специальная лексика употребляется в терминологическом значении и выражает научное понятие, а в художественном – термин вербализует общее понятие или элемент наивной картины мира.

Изучение функционального аспекта медицинских терминов в неспециальном дискурсе является актуальным направлением современной лингвистики. Исследователи (В.М. Лейчик, В.Н. Прохорова, А.А. Реформатский, Д.Н. Шмелев и др.) считают, что термин, попадая в иностилевое окружение, может утрачивать свои конституциональные свойства и проявлять дополнительные.

2.1 Процессы миграции специальной лексики в художественный дискурс

Подробно рассмотрев в предыдущей главе различные подходы к классификации терминов, а также лексико-семантические и функциональные характеристики специальных единиц, отметим, что исследователи выделяют две группы специальной лексики: *узкоспециальную*, ограниченную рамками общения специалистов, и *общеупотребительную*, известную большей части носителей языка.

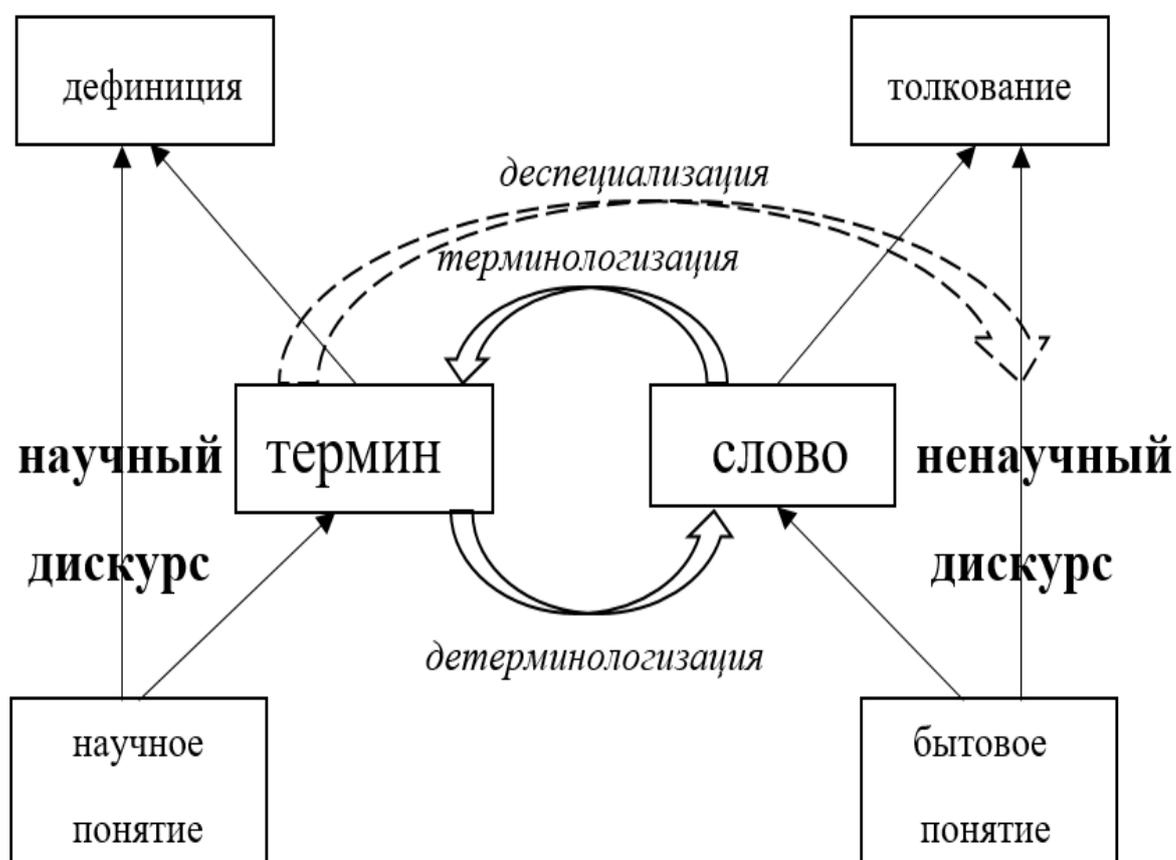
Переход специальной единицы в язык общего употребления связан с широким вхождением обозначаемого термином научного понятия в общественное сознание. Длительность и период миграции специальной лексики в разряд общеупотребительных слов зависит от актуальности и значимости понятия, находящего отражение в специальном знаке, а также от того, насколько часто человек соприкасается с терминологией определенной области знаний в повседневной жизни. Так, Ю.С. Сорокин пишет, что возникшее в 30-е гг. XIX в. проникновение специальной лексики в литературный язык связано «с глубоким интересом со стороны демократической интеллигенции к данным точных и естественных наук, с широкой популяризацией естественно-научных знаний» [Сорокин, 1965, с. 35].

Традиционно к первоочередным причинам экспансии медицинских терминов в язык общего употребления относят экстралингвистические, что обусловлено особым статусом медицины, повышенным интересом к данной предметной области, стертой профессиональной принадлежностью. Терминология медицины играет особую роль, так как входит в повседневный лексикон человека. Обеспокоенность людей своим здоровьем порождает интерес к просмотру медицинских телепередач, чтению книг, газетных и журнальных статей, интернет-ресурсов медицинской направленности.

Таким образом, интервенция терминов в неспециальный дискурс способствует усвоению специальной лексики неспециалистами, в результате чего, согласно Ю.В. Акинину, «"слова для специалистов" превращаются в "слова для всех"... постепенно становясь вместе с этим компонентом "культурной грамотности"» [Акинин, 2010, с. 13].

Тесная связь и взаимовлияние терминологической и общеупотребительной лексики находят свое выражение в двух противоположных процессах: *терминологизации* и *детерминологизации* (схема 2):

Схема 2. Процессы взаимодействия терминологии и
 общеупотребительной лексики

А.В. Суперанская, Н.В. Подольская и Н.В. Васильева [Суперанская, Подольская, Васильева, 1989, с. 133] определяют детерминологизацию как процесс, при котором единица «теряет свою строгую концептуальность, системность, однозначность и приобретает прагматические свойства, которых он прежде был лишен, т.е. возникает новое слово с терминологическим значением, требующее уже не дефиниции, а толкования».

Д.В. Салмина и И.Н. Куликова подробно исследуют вопрос перехода термина из ограниченного употребления в общее и предлагают четырехступенчатую типологию детерминологизации:

- функциональную детерминологизацию, при которой сохраняется содержательное ядро термина, однако специальная единица обрывается коннотациями в аксиологическом контексте;

- частичную функционально-содержательную детерминологизацию, которая характеризуется смысловым варьированием термина в различных дискурсах;
- полную окказиональную содержательную детерминологизацию – не зафиксированная словарями метафоризация термина;
- полную узуальную содержательную детерминологизацию, заключающуюся в словарной фиксации нетерминологизированного значения [Салмина, Куликова, 2022, с. 14–15].

Отметим также, что термин, в отличие от детерминологизированной единицы, независим от лексического окружения: «термин не нуждается в контексте, как обычное слово, так он: 1) член определенной терминологии, что и выступает вместо контекста, 2) может употребляться изолированно, например в текстах реестров или заказов в технике, 3) для чего и должен быть однозначным не вообще в языке, а в пределах данной терминологии» [Лотте, 1961, с. 73].

М.А. Амер, С.В. Гринев-Гриневич, Н.П. Кириленко, В.М. Лейчик, Д.З. Сулейманова, кроме того, обращают внимание на то, что детерминологизацией принято считать приобретение переносного значения термином, перешедшим в литературный язык. Миграция специальной лексики в разряд общеупотребительной часто происходит в условиях ее функционирования в различных видах дискурсов. В первую очередь термины распространились в публицистику и художественную литературу, особую роль которой, в частности, отмечает С.В. Гринев-Гриневич.

Так, еще на ранних этапах исследования функциональных характеристик терминов в художественных текстах ученые выделили две функции: номинативно-описательную и художественно-образную, причем последняя отличается тем, что термин теряет качества, характерные для специальной единицы, и приобретает все признаки, характеризующие общеупотребительную лексику.

Отметим, что детерминологизацию следует отграничивать от процесса *деспециализации* – расширения области применения специальной лексики, т.е. употребление термина в его основном – терминологическом – значении за пределами сферы науки. Деспециализированная единица может быть введена в

контекст общего употребления без пояснения, если понятна носителям языка вследствие ее частого использования [Суперанская, Подольская, Васильева, 1989, с. 387].

Так, Ю.В. Акинин отмечает, что «деспециализация и детерминологизация, являясь двумя следующими друг за другом этапами освоения терминологической лексики общеупотребительным языком, преследуют разные цели. Для деспециализации свойственно расширение сферы применения специальной единицы, что интеллектуализирует неспециальный текст. А при детерминологизации термин, получая новое значение, участвует в создании аддитивных образов явления, предмета, действия и так далее в несвойственном для нее регистре или отражает события, происходящие в мире» [Акинин, 2010, с. 26].

Вслед за Ю.В. Акининым [Акинин, 2010, с. 26] и Л.Н. Лубожевой [Лубожева 2006, с. 13–16] мы понимаем процесс *деспециализации* как *функционирование термина в общелитературном языке с сохранением основного значения* и отличаем его от процесса *детерминологизации*, *который предполагает функционирование специальных единиц в языке общего употребления, сопровождающееся формированием нового – нетерминологического – значения.*

Отмечено, что детерминологизированные лексемы, используемые за рамками научного дискурса, характеризуются наличием толкования, а не дефиниции, иногда с существенными трансформациями первоначального значения термина. При этом толкование является вторичным по отношению к дефиниции. Таким образом, специальная единица трансформирует свое значение и функции, будучи погруженной в ненаучный дискурс, в результате чего единица языка обрывает коннотациями и приобретает характеристики, чуждые термину как единице научного знания.

Переход терминов из языка науки в общее употребление – длительный процесс, необходимой предпосылкой которого является использование термина в коммуникативной ситуации неспециалистов. Специальная лексика входит в узуз, прочнее закрепляется в языке благодаря приемам разъяснения, раскрытия значения. Это необходимо, так как не каждый человек, встречающий термин в

неспециальной литературе, точно может определить его значение. Кроме того, немотивированные медицинские единицы, например, эпонимические (*синдром Аспергера, зубы Пфлюгера, болезнь Пика* и мн. др.) или греко-латинские наименования (*панофтальмит, цервикалгия, одонтодисплазия* и мн. др.), не всегда ориентирует на содержащееся в нем понятие, так как не имеют прозрачного словообразовательного строения.

В связи с этим в текстах, ориентированных на широкого читателя, термины поясняются, так как специальная единица должна быть содержательно понятна, чтобы оградить читателя от возможных затруднений при восприятии текста. Приемы экспликации медицинских терминов в неспециальном дискурсе представлены на схеме 3.

Схема 3. Приемы экспликации медицинских терминов в художественном дискурсе

Так, один из продуктивных способов экспликации медицинского термина в неспециальном тексте – *интерпретация значения термина*: «Сомневаться не приходится: у девочки **высокая степень легочной гипертензии (повышенного давления в легочной артерии)**» [Ф. Углов. Сердце хирурга]; «Подобрались, наконец, к **матриксу – месту исходного роста опухоли**» [П. Рудич. Не уверен – не умирай! Записки нейрохирурга]; «При осмотре живота через **специальную трубку, подключенную к телевизору – лапароскопу**, удается <...> 60–70 процентов органов» [Д. Правдин. Хирург возвращается]; «Не знаю, как сейчас, но в семидесятых годах <...> иногда делали **операцию гемикорпорэктомии: удаляли всю нижнюю часть туловища с ногами**» [П. Рудич. Не уверен – не умирай! Записки нейрохирурга] и др.

В зависимости от целей, которые преследует автор, толкование может быть введено непосредственно перед термином, если внимание акцентировано на выражаемом понятии, так и после него (инверсия), особенно при многократном использовании специальной единицы: «**Шумно дышит через дырку в горле (трахеостома)**» [П. Рудич. Не уверен – не умирай! Записки нейрохирурга]; «От этого в **брюшной полости скапливается большое количество жидкости – асцит**» [П. Рудич. Не уверен – не умирай! Записки нейрохирурга] и др.

Писатели также прибегают к включению сноски в текст художественного произведения, как правило, для интерпретации значения узкоспециальных терминов: «*Действительно, что это за больной, которого не нужно подключать к аппарату ИВЛ...*», далее в тексте: «**Аппарат ИВЛ – аппарат искусственной вентиляции легких**» [А. Моторов. Юные годы медбрата Паровозова]; «**Глиома левой лобной доли головного мозга... Глиома – злокачественная опухоль мозга**» [П. Рудич. Не уверен – не умирай! Записки нейрохирурга] и др.

В художественном дискурсе встречаются примеры пояснения значения терминов медицинской области посредством **включения этимологической справки**: «*Исследовав ребенка, врачи обнаружили у него микроцефалию. <...> От греческих слов: «микро» – малый, «цефал» – мозг. Это значило, что, если бы он остался жить, он был бы полным идиотом*» [Ф. Углов. Будни хирурга] и др.

Данный способ актуален для терминологии медицины, включающей большое число греко-латинских заимствований. Однако такая экспликация специальной лексики встречается довольно редко и, на наш взгляд, может усложнять восприятие художественного произведения читателем.

Приведение синонима – общеупотребительного термина, простого для восприятия читателем – еще один вариант раскрытия значения узкоспециального термина в специфическом для него контексте: «**Резекция (удаление) желудка** – это потолок желудочной хирургии в районе» [Д. Правдин. Записки районного хирурга]; «**Крутит конечности в суставах, мнет грудную клетку, щупает (пальпирует!) живот**» [П. Рудич. Не уверен – не умирай! Записки нейрохирурга] и др. Как правило, при синонимизации общепонятное слово заключено в скобки и имеет значение «попутного замечания», не перегружая повествование текста.

Смешанная экспликация подразумевает одновременное включение нескольких способов передачи значения термина, например его интерпретация и этимологическое описание: «**В кино не любят показывать кабинеты экспертов, предпочитая им секционные залы – помещения, где непосредственно проводят вскрытие тел умерших (от латинского *sectio*, «рассекать»)**» [А.М. Решетун. Вскрытие покажет] и др.

Так, различные способы раскрытия значения медицинских терминов способствуют оперативной и интенсивной миграции специальных единиц в общее употребление, их «вживаемости» в язык и отражают один из путей взаимодействия терминологической и общеупотребительной лексики.

2.2 Функционирование лексики подъязыка медицины в художественном тексте

Известно, что художественный текст обладает рядом специфических свойств, к которым исследователи в первую очередь относят способность устанавливать аналогии с действительностью и наличие эстетических характеристик. О специфике функционирования слова в художественном тексте писали Л.В. Бабенко, Н.Г. Благоева, Н.Н. Бочегова, Н.С. Валгина, В.В. Виноградов,

Г.О. Винокур, В.П. Григорьев, Н.И. Головченко, Л.А. Исаева, Ю.В. Казарин, Л.А. Капанадзе, М.М. Ниршман, А.М. Пешковский, В.И. Тюпа, Д.Н. Шмелев и мн. др., подчеркивая, что слово в тексте данного типа благодаря особым условиям функционирования семантически преобразуется, раскрывает дополнительные смыслы, приобретая коннотации и ассоциации. Взаимодействие прямого и переносного значения слова в произведении как раз и образует эстетический и экспрессивный эффекты, создавая собственно художественную реальность. Как утверждает Д.С. Лихачев, «над текстом витает еще некий сверхсмысл, который и превращает текст из простой знаковой системы в систему художественную» [Лихачев, 1985, с. 205].

Функциональные связи и значение единиц естественного языка определяются не лексическими и грамматическими связями, а характером их участия в создании общего художественного смысла образа. Так, для создания образов используются тропы, фигуры речи, а также структурно-семантические, подтекстовые и композиционные приемы.

Отметим, что на современном этапе развития лингвистики текста вопрос функционирования терминологической лексики в классической литературе изучен достаточно подробно. Среди работ, посвященных данной проблеме, выделим исследования Н.В. Ефремовой [2017], Ю.Б. Жидковой [2008], С.В. Лобанова [2003], С.И. Маджаевой [2019] Е.В. Панаевой [2005] и нек. др.

Анализ теоретической литературы приводит к выводу, что погруженные в неспециальный дискурс термины могут выполнять ряд специфических функций, которых специальная единица лишена в строгом научном дискурсе.

Исходя из положения, что термины нехарактерны для художественного дискурса, обратим внимание на понятие актуализации, «которое привлекает внимание само по себе и воспринимается как необычное, лишенное автоматизма» [Гавранек, 1967, с. 355]. В.А. Кухаренко считает, что «при нарушении предсказуемости контекстуальной реализации исходных значений, единица языка обязательно актуализируется, т.е. приобретает дополнительную емкость» [Кухаренко, 1978, с. 26]. Подобная трансформация содержания возможна только в

контексте литературного произведения. Как указывает Р.Г. Пиотровский, «термин, вырванный из терминологической системы, перестает выполнять свою терминологическую функцию и, обрстая дополнительными коннотативными значениями, может стать средством передачи эмоциональных и даже эстетических смысловых оттенков» [Пиотровский, 1981, с. 134].

Кроме того, необходимо принять во внимание и те изменения, которые происходят при восприятии термина читателем. В художественном тексте термин понимается более упрощенно, поверхностно, как элемент наивной языковой картины мира.

Таким образом, можно предположить, что специальная единица в художественном дискурсе теряет характеристики свернутого знания и не является ожидаемым компонентом текста, чем, соответственно, привлекает особое внимание читателя. В ряде случаев появление термина в художественной литературе может быть предсказуемо, если произведения посвящены описанию определенной сферы профессиональной деятельности.

2.2.1 Терминологические единицы в литературных произведениях XIX-XXI вв.

Развернутый анализ функционирования медицинской терминологии в художественных произведениях представлен в работе Ю.Б. Жидковой, в рамках которой исследователь достаточно полно рассматривает употребление медицинских терминов в произведениях русских писателей. В отдельную группу выделены произведения авторов, которые по образованию были врачами (А.П. Чехов, М.А. Булгаков, В.В. Вересаев). Ю.Б. Жидкова приходит к неоспоримому выводу, что знание языка профессии и специальное образование повлияли на широту, точность и органичность включения специальных единиц медицины в тексты их произведений. Как справедливо отмечает И.Е. Лихтенштейн, «специфика врачебной профессии требует предельной наблюдательности и внимания. Это является связующим звеном между литературой и медициной. Независимо от того, оставил ли писатель-медик лечебную практику или нет,

полученный им опыт настолько цепок, что даже независимо от воли автора он отражается на характере произведений» [Лихтенштейн, 1988, с. 149].

В ходе анализа специальной лексики, включенной отечественными писателями в художественный текст, мы отметили несколько классификационных подходов. Так, в основу типологизации и собственно анализа медицинской лексики могут быть положены различные принципы. С опорой на труды Л.А. Морозовой выделим следующие группы терминов подъязыка медицины в художественной литературе:

– **Термины в прямом значении:** *грудная клетка, ножницы, скальпель, гепатит, цирроз, резекция* и мн. др. Установлено, что большую часть составляют специальные единицы, вводимые писателями без пояснения – общеизвестные термины, которые номинируют специальные понятия медицины и являются компонентами художественного текста: *«Возможно, предстоит большая операция – резекция поджелудочной железы и желудка с двенадцатиперстной кишкой»* [Ю.З. Крелин. Хирург]; *«Трахеостому не стали делать, подозреваю, из суеверия»* [А.М. Моторов. Юные годы медбрата Паровозова]; *«Без сомнения, проникающее колото-резаное ранение брюшной полости с внутренним кровотечением»* [Д. Правдин. Хирург возвращается]; *«Ввели в наркоз. Обработал я операционное поле»* [П. Рудич. Не уверен – не умирай! Записки нейрохирурга] и др. В литературных произведениях также встречаются термины с включением толкования или дефиниции: *«На этот случай подошел бы комиссуротом – острый нож, который разрезал бы спайки...»* [Ф.Г. Углов. Под белой мантией]; *«Многие склонны объяснять это нарушением обмена веществ. Однако в большинстве случаев <...> есть простое несоответствие между количеством потребляемой пищи и расходом энергии. Проще говоря, имеет место переедание»* [Ф.Г. Углов. Человек среди людей]; *«При осмотре живота через специальную трубку, подключенную к телевизору – лапароскопу, удастся осмотреть в лучшем случае 60–70 процентов органов, и то только тех, что на поверхности»* [Д. Правдин. Хирург возвращается] и др.

– **Термины в переносном значении**, т.е. специальные единицы с экспрессивной-эмоциональной окраской, к которым относятся:

– производные терминов с трансформированным значением: «–*А если мы вам поставим **трубочку** в желудок, чтобы вы могли питаться через нее?*» [Ф. Углов. Сердце хирурга]; «*Какой такой **укольчик**? – подобралась вся жительница канавы. – Как называется?*» [А.М. Моторов. Юные годы медбрата Паровозова]; «*Точно, он! Нам его и вводили, когда **зубик** вырывали*» [Д. Правдин. Записки районного хирурга] и др.;

– термины в составе:

а) сравнения: «... ***бородавка, похожая** издали на **большую муху***» [А.П. Чехов. Хирургия]; «*Осторожно, словно **кашмирскую шаль**, хирург рассек **сердечную сорочку***» [Ю.З. Крелин. Хирург] и мн. др.;

б) метафоры: «*се... **страстная любовь** есть **психоз**...*» [А.П. Чехов. Три года]; «*Профессор сорвал одним взмахом **галстук**, оборвал пуговицы на **сорочке**, **побагровел страшным параличным цветом** и, шатаясь, с совершенно тупыми **стеклянными глазами**, ринулся куда-то вон*» [М.А. Булгаков. Роковые яйца] и др.;

в) метонимии: «*Доктора говорят – **нервы**, но, когда она была маленькой, доктора ей **золотуху** внутрь вогнали, так вот, думаю, может, от этого*» [А.П. Чехов. Случай из практики]; «***Скальпель** хирурга вызвал к жизни новую **человеческую единицу***» [М.А. Булгаков. Собачье сердце] и мн. др.;

г) олицетворения: «*Во рту у него горело, в ногах и руках **стояли тянущие боли**, в отяжелевшей голове бродили туманные образы...*» [А.П. Чехов. В аптеке]; «*Лежат внутри красивые **полушария** с **извилинами** и **молчат***» [М.А. Булгаков. Воспаление мозгов] и мн. др.;

д) гиперболы: «– *И вы не боитесь **вращаться среди ядов!***» [А.П. Чехов. Аптекарь] и др.

Другая классификация, предложенная Г.Н. Аксеновой, Н.Е. Кожуховой и А.А. Шарапой [Г.Н. Аксенова, Н.Е. Кожухова и А.А. Шарапа, 2004, с. 8], основана на характере восприятия терминов адресатами. Исследователи выделяют в художественных произведениях русских писателей следующие группы терминов:

– **Широкоупотребительные**, т.е. понятные большинству читателей (анестезиолог, пересадка органа, санитарка, палата и др.): «На всю больницу было только два *скальпеля* и ни одного *термометра*, в ваннах держали картофель» [А.П. Чехов. Палата № 6]; «Комиссар Веретилин заболел: вдруг заломило *затылок*, колени, руки, по спине побежал *озноб*, под левую *лопатку* словно кто-то сунул острое шило» [Ю.П. Герман. Рассказы о Дзержинском] и мн. др.

– **Узкоспециальные**, известные в большинстве только специалистам (аневризма, выбухание мозга, фибриновая пленка и др.): «Ей впрыснут под левую лопатку полный *правацовский шприц* молока сифилитички» [В.В. Вересаев. Записки врача]; «Это она, опять она, непобедимая, ужасная болезнь *гемикрания*, при которой болит полголовы» [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита]; «Стало ясно, что у девочки не *лигатурный свищ*, а *кишечный*» [Д. Правдин. Хирург «на районе»] и др.

Кроме приведенных типов терминов, отметим, что произведениях писателей-медиков часто встречаются **термины-эпонимы**, относящиеся к сфере медицины: *капли Пьерро*, *капли Адельгейма*, *гофманские капли*, *зельтерская вода*, *рентген*, *панacea*, *поворот Иммельман*, *гайморова полость*, *корона Венеры*, *эсмарховская кружка* и нек. др.: «Третий год вношу денежки, чтобы больную *базедовой болезнью* жену отправить в этот рай» [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита]; «И я, на выпускном экзамене артистически сделавший на трупе *ампутацию колена по Сабанееву*» [В.В. Вересаев. Записки врача] и мн. др.

Еще одной лексической особенностью художественных текстов А.П. Чехова, В.В. Вересаева, М.А. Булгакова, Ф.Г. Углова, Ю.П. Германа, Н.М. Амосова, Ю.З. Крелина, П. Рудича, А.М. Моторова и Д. Правдина является включение характерных для речи врачей **латинских терминов**. Отметим, что отнюдь не все встречающиеся в тексте латинизмы приведены с переводом или с пояснением: «... У него сократился *glutaeus maximus*, теперь – *guadriceps femoris*; эта выпуклость на шее обусловлена мускулом *sternocleidomastoideus*...» [В.В. Вересаев. Записки врача]; «На складе я разжился шикарнейшей аптечной банкой <...> на которой поллатыни было написано: *Spiritus aethylicus*» [А. Моторов. Юные годы медбрата

Паровозова]; «*Anamnesis vitae*» [П. Рудич. Не уверен – не умирай! Записки нейрохирурга] и др. Некоторые латинские термины передаются транслитерацией: «*При падении ударился головой о ножку стула. Тинктура валериана*» [М.А. Булгаков. Собачье сердце], «*...Вспомнилась болезнь – паралич. “Парализис”, – отчаянно мысленно и черт знает зачем сказал я себе*» [М.А. Булгаков. Полотенце с петухом] и др.

В некоторых случаях латинские термины вводятся в художественный текст для достижения комического эффекта: «*Тем же недостатком страдает и mater feminae – теща [из разряда mammalia] млекопитающих*» [А.П. Чехов. Два романа] и др.

Приведенные примеры позволяют отметить устойчивую традицию использования в художественных произведениях терминов-эпонимов и специальных единиц на латинском языке, которые, на наш взгляд, обеспечивают достоверность повествования, способствуют раскрытию образа персонажа, отражают социально-культурную среду. Органичное включение эпонимических единиц и латинских слов, по нашему мнению, подчеркивает профессиональную принадлежность писателей.

Так, представленные в художественных произведениях русских писателей медицинские термины номинируют части тела, органы человека, системы органов, заболевания, синдромы, симптомы, патологические состояния, инструменты, науки, специальности, диагностические процедуры, медицинские помещения, методы лечения, операции, лекарственные формы, вещества, средства и мн. др. Опираясь на анализ текстов, в художественном дискурсе можно выделить три наиболее представительные группы терминов: *анатомо-гистологические, клинические и фармацевтические.*

Художественные произведения русских писателей отражают профессиональную деятельность врачей, поэтому авторы описывают проведение лечебных мероприятий, хирургических вмешательств, диагностики, общения врача с пациентом, что отражается в характере и частотности использования терминов клинической группы.

Лексика, принадлежащая областям анатомии и фармации представлена в меньшей степени. Анатомо-гистологические термины встречаются в текстах при описании локализации патологии, оперативного вмешательства, процесса обучения студентов-медиков. Единицы фармацевтические группы используются при выписывании рецептов больным, назначении лекарственных препаратов, а также встречаются в описании производственной атмосферы фармацевтов.

В нашей картотеке, составленной по текстам русских писателей, было выделено 1189 медицинских терминов, которые представлены в таблице 1, разделенной на тематические группы в соответствии с отраслевой классификацией. Подсчет показал, что к анатомо-гистологической группе терминов можно отнести 192 термина, к фармацевтической – 112 единиц, клиническая группа включает 885 единиц.

Таблица 1. Медицинские термины, функционирующие в произведениях писателей XIX–XXI вв.

Анатомо-гистологические термины	Клинические термины	Фармацевтические термины
<p>бедренная артерия (1), блуждающие нервы (2), большой сосок двенадцатиперстной кишки (1), ботталов проток (1), бровь (1), бронхи (3), верхняя губа (1), верхняя доля легкого (1), глазное яблоко (2), голова (9), головка бедра (1), головные нервы (1), грудная стенка (4), диафрагма (5), дуга аорты (3), дыхательное</p>	<p>автоклав (1), акушер (2), акушерка (4), акушерские щипцы (2), акушерство (1), амбулатория (1), амбулаторные пункты (1), ампутация (6), анатомический театр (1), анатомия (4), ангина (3), аневризма (2), анестезиология (3), анестезист (1), аппарат искусственного кровообращения (2), аппаратная (1), аппендицит (4), аптека (6), аптекарь (5), атерома (1), атеросклероз (3), базедова болезнь (1), бактериология (1), биопсия (2), больница (19), вакцинировать (2), вводить (18), венеролог (1), венерология (2), ветряная оспа (2), воспаление легких (3), воспаление легкого (3), впрыснуть под кожу (1), врач (37), вскрывать (5), вырвать зуб (2), выслушать (9), высокая клизма (1), гангрена (4), гемикрания (1), геморрой (2), геронтология (2), гинеколог (4), гинекологическая клиника (2), гинекология (2), главный врач (6), глазник (1), гнойные заболевания легких (1), гомеопат (1), госпиталь (3), грипп (6), дантист (2), деменция (1), десну подрезать (1), детская больница (2), детское</p>	<p>азотнокислое серебро (1), антидифтерийная сыворотка (1), антипирин (2), аспирин (8), бальзам (2), бромистый калий (2), бромистый натрий (1), вакцина (4), вытяжка (1), инсулин (3), йодоформ (3), каломель (1), капли (4), колоквинта (1), компресс (2), мазь (7), настой (4), настойка (5), нашатырный спирт (4),</p>

<p>горло (2), дыхательные мышцы (1), евстахиевы трубы (2), желудок (7), желчные пути (2), заднее средостение (1), затылочная кость (2), зубы (4), кишечник (5), край печени (1), кровь (16), левая лопатка (1), легочная артерия (3), лимфатический узел (3), лобная кость (2), межжелудочковая перегородка (1), межреберные мышцы (2), мостовидный отросток черепа (1), надпочечники (2), нижняя губа (1),</p>	<p>отделение (3), диабет (5), дизентерия (2), дифтерит (1), доктор (19), долото (1), дренирование мочевого пузыря (1), жгут (1), женская клиника (1), зажим (5), замораживание (2), заразное отделение (1), зеркало (10), золотуха (1), зонд (8), зондирование (3), инфаркт (10), инфекционист (2), инфлюэнца (1), испанка (3), исследовать чувствительность (3), каменная болезнь (2), капельница (6), кардиология (11), кардиосклероз (7), катар желудка (1), клизма (4), клиника (15), комиссуротом (2), кровопускание (3), лаборантка (2), лаборатория (7), лазарет (2), ланцет (1), ларингит (2), лейкемия (4), лейкоз (5), лекарь (2), лечебница (1), лигатура (4), лихорадка (6), мазок (3), малокровие (1), малярия (1), массаж (3), медицинская сестра (17), механическая желтуха (1), микробиология (3), миокардит (3), молоток (2), морг (8), морфинизм (1), наблюдение (9), наркоз (8), наркозный аппарат (1), наркомания (2), неврастения (2), неврология (3), невропатолог (2), нервное отделение (1), ножницы (4), обследование (20), общая патология (11), окулист (3), онкология (8), операционная (16), ординатор (4), осмотреть (16), острая кишечная непроходимость (1), острый аппендицит (2), отделение городской больницы (1), отоларинголог (1), отсос (1), паралич (3),</p>	<p>пантопон (1), пенициллин (4), пирамидон (1), пластырь (2), полоскание (2), порошки (3), противодифтерийная сыворотка (1), раствор (8), салициловая кислота (1), сальварсан (1), стрептоцид (2), таблетки (11), тинктура (2), фенацетин (1), фенол (1), хинин (1), хлороформ (2).</p>
---	--	---

<p>околоушная железа (1), палец (4), печень (5), пищевод (4), плевра (5), плевральная полость (2), плечевой сустав (1), подбородок (2), подвздошная кость (2), поджелудочная железа (2), подреберье (1), почки (4), придаток (2), прямая кишка (3), роговица(1), рот (5), рука (15), селезенка (3), семенные канатики (1), сердце (21), слезные каналы (1), таз (1), толстая кишка (2), угол рта (1), шейный позвонок (2),</p>	<p>патологическая анатомия (2), патолого-анатомическое отделение (2), патологоанатом (3), педиатр (5), педиатрия (3), перевязка (13), переливание крови (2), перкуссионный молоточек (1), пинцет (8), плеврит (1), пневмония (2), подагра (2), поддиафрагмальный абсцесс (1), поликлиника (12), положить лекарство (3), почечная колика (1), правацовский шприц (1), приемное отделение (10), приемный покой (2), прозектор (1), профилактическая хирургия (1), процедурный кабинет (3), психиатр (5), психиатрическая клиника (3), психиатрия (8), психолог (4), психология (2), псориаз (2), пульмонолог (4), пульмонология (1), пункция (6), районная поликлиника (2), рак (16), расширитель (4), реанимационно-анестезиологическое отделение (1), реанимационное мероприятие (1), реанимация (2), ревматизм (2), рентгеновский кабинет (5), рентгенолог (3), родильное отделение (3), родовспомогательное заведение (1), рожистое воспаление (2), санитар (7), санитарка (3), саркома (4), сделать анализы (2), сделать инъекцию (9), сепсис (4), сибирская язва (2), сифилидолог (1), сифилис (3), сифонная клизма (1), скальпель (20), скарлатина (2), слуховые трубки (1), слушать легкие (4), смотровая (7), сосудистые иглы (1), специалист по массажу (1), специалист-реаниматор (1), спринцевать</p>	
--	---	--

<p>эндокринные железы (1), яичник (2).</p>	<p>(1), стационарное отделение (6), стенокардия (4), стернотом (1), стетоскоп (4), стригущий лишай (1), судебная медицина (2), сыпной тиф (1), терапевт (9), терапевтическое отделение (10), терапия (14), термометр (8), тиф (2), топографическая анатомия (2), трепан (2), туберкулез (7), уролог (1), фармакология (3), фармация (2), фельдшер (4), фельдшерский пункт (1), фибрилляция (3), физиолог (3), физиология (3), физиотерапия (4), хирург (32), хирургическая эндокринология (1), хирургический пинцет (1), хирургическое отделение (7), хирургия (27), холера (1), холецистит (2), хронические пневмонии с бронхоэктазами и абсцедированием (1), цинга (3), чахотка (2), чистить рану (2), чума (5), шизофрения (3), шок (7), шпатель (3), шприц (12), щипцы (8), эмбриология (2), эмфизема легких (2), эндокринолог-диабетчик (1), эпидемиолог (1), эхинококк почки (1).</p>	
<p>Всего терминов в художественных текстах</p>		
<p>192</p>	<p>885</p>	<p>112</p>

Выявлено, что к числу наименований анатомических и гистологических образований относятся: *голова, дуга аорты, диафрагма, кровь, печень, почки, рот, рука, сердце и др.* Фармацевтическая группа представлена названиями лекарственных форм (*компресс, вытяжка, раствор мазь, порошки, настой, таблетки, бальзам, пластырь* и др.) и лекарственных средств (*бромистый калий, бромистый натрий, аспирин, пенициллин, фенол, инсулин* и др.).

Поскольку клиническая номенклатура наиболее частотна, целесообразно ее разделить на подкатегории, которые могут быть представлены следующим образом:

– номинации дисциплин: *венерология, геронтология, профилактическая хирургия, фармакология, хирургия* и др.;

– названия медицинских учреждений: *больница, детская больница, клиника, лаборатория, операционная, рентгеновский кабинет* и др.;

– наименования нозологических форм: *атеросклероз, кардиосклероз, миокардит, рак пищевода, плеврит, пневмония, псориаз, саркома, стенокардия, стригущий лишай* и др.;

– названия инструментария: *скальпель, перкуссионный молоточек, пинцет, термометр, наркозный аппарат, щипцы* и др.;

– названия врачебных манипуляций, методов исследования и лечения: *выслушать, спринцевать, вакцинировать, сделать инъекцию, переливание крови, переливание крови, положить лекарство, чистить рану* и др.

Степень частотности использования отдельных медицинских терминов в текстах писателей XIX–XXI вв. можно представить в виде следующего «облака» терминов:

2.2.2 Функциональная специфика медицинской лексики в художественном дискурсе

Исследование текста представляет собой многогранный процесс, охватывающий различные аспекты. Одно из актуальных направлений, позволяющее интерпретировать текст в полной мере, является его рассмотрение с позиции прагматических характеристик, или выполняемых текстом функций.

И.Н. Пономаренко и Н.А. Сегал анализируют выделенные Ю.М. Лотманом три основные функции текста [Пономаренко, Сегал, 2023, с. 59–65] и отмечают, что первая функция текста – *передача константной информации*. Текст представляется как одноканальное, внутренне однородное и моноструктурное сообщение, выполняющее роль носителя некоторого неизменного смысла. Текст, который получатель декодирует и воспринимает, и исходное сообщение, отправляемое адресантом, в рамках данной концепции должны быть тождественны. Расхождения между первоначальным содержанием сообщения и конечным продуктом является основным источником недопонимания, что может привести к трудностям в процессе коммуникации. Именно поэтому основная ценность при передаче информации заключается в эффективности трансляции исходного сообщения без потерь и искажений, поскольку такая система ориентирована на обеспечение абсолютного взаимопонимания.

Таким образом, функция передачи константной информации зиждется на понимании текста как пассивного носителя определенной информации. Текст при этом является посредником между отправителем и получателем, и первоочередная задача заключается в передаче смысла без каких-либо изменений. Особую роль при этом играет план содержания.

Другая функция текста – *выработка новых смыслов (творческая функция)*. Согласно позиции Ю.М. Лотмана, смыслообразование и связанные с ним механизмы – способ развития культуры, в связи с чем текст

представляется как источник новых смыслов. Если при описании первой функции текста разница между исходным и конечным сообщением способна возникнуть в результате помех в канале связи и воспринимается как техническое несовершенство системы, то функция выработки новых смыслов основана на представлении текста как семантического генератора. Таким образом, то, что в первом случае было дефектом при передаче информации, во втором – норма.

Так, при передаче информации от отправителя получателю происходит значительный сдвиг в значении, в результате чего возникает новое сообщение. Таким образом, новообразованные тексты не соответствуют существующим правилам и, в некотором смысле, являются «неправильными». Однако в более широком культурном контексте именно такие тексты оказываются ценными и необходимыми, так как они содержат новую информацию, которая требует дальнейшего анализа и интерпретации. К подобным текстам применимо предположение о наличии смысловой нагрузки, что позволяет на их основе вырабатывать новые правила формирования высказываний.

Второй вариант функционирования текста обладает важной особенностью: как адресат, так и адресант используют разные коды, которые хотя и пересекаются, но не являются идентичными. Это различие необходимо, так как именно оно порождает саму возможность взаимодействия. В то же время определенная степень схожести обеспечивает возможность коммуникации, при полной утрате которой общение становится невозможным.

Ю.М. Лотман считает, что «при сложных операциях смыслопорождения язык неотделим от выражаемого им содержания. В этом последнем случае мы имеем уже не только сообщение на языке, но и сообщение о языке, сообщение, в котором интерес перемещается на его язык. Это и есть направленность сообщения на код, в котором Р. Якобсон видел основной признак художественного текста» [Лотман, 1996, с.17–18].

Еще одна функция текста – *функция памяти*, которая связана со способностью текста не только передавать информацию, порождать новые смыслы, но и способствовать сохранению культурной памяти. Создаваемая текстом семиосфера представляет собой динамическое образование, которое претерпевает изменения в связи с актуальностью преобладающих в тот или иной период культурных кодов.

Так, Л.А. Исаева [Исаева, 1996, с. 45–48] отмечает, что художественный текст обладает общетекстовыми характеристиками и включает систему универсальных скрытых смыслов, основанных на различных видах универсальных препозитивных компонентов (лингвистических, экзистенциальных, логических, коннотативных). Кроме того, особенность художественного текста состоит в том, что он функционирует по особым «эстетическим» законам и более сложен по своей структуре, нежели любой иной текст. В художественном произведении присутствует «свобода языкового употребления», выраженная в многоуровневых синтагматических и парадигматических взаимосвязях между языковыми компонентами. Особенно важным здесь является «лингвистический вертикальный контекст» автора, который, актуализируя слова, придает им особые «приращенные» значения, позволяя передавать «многое в малом».

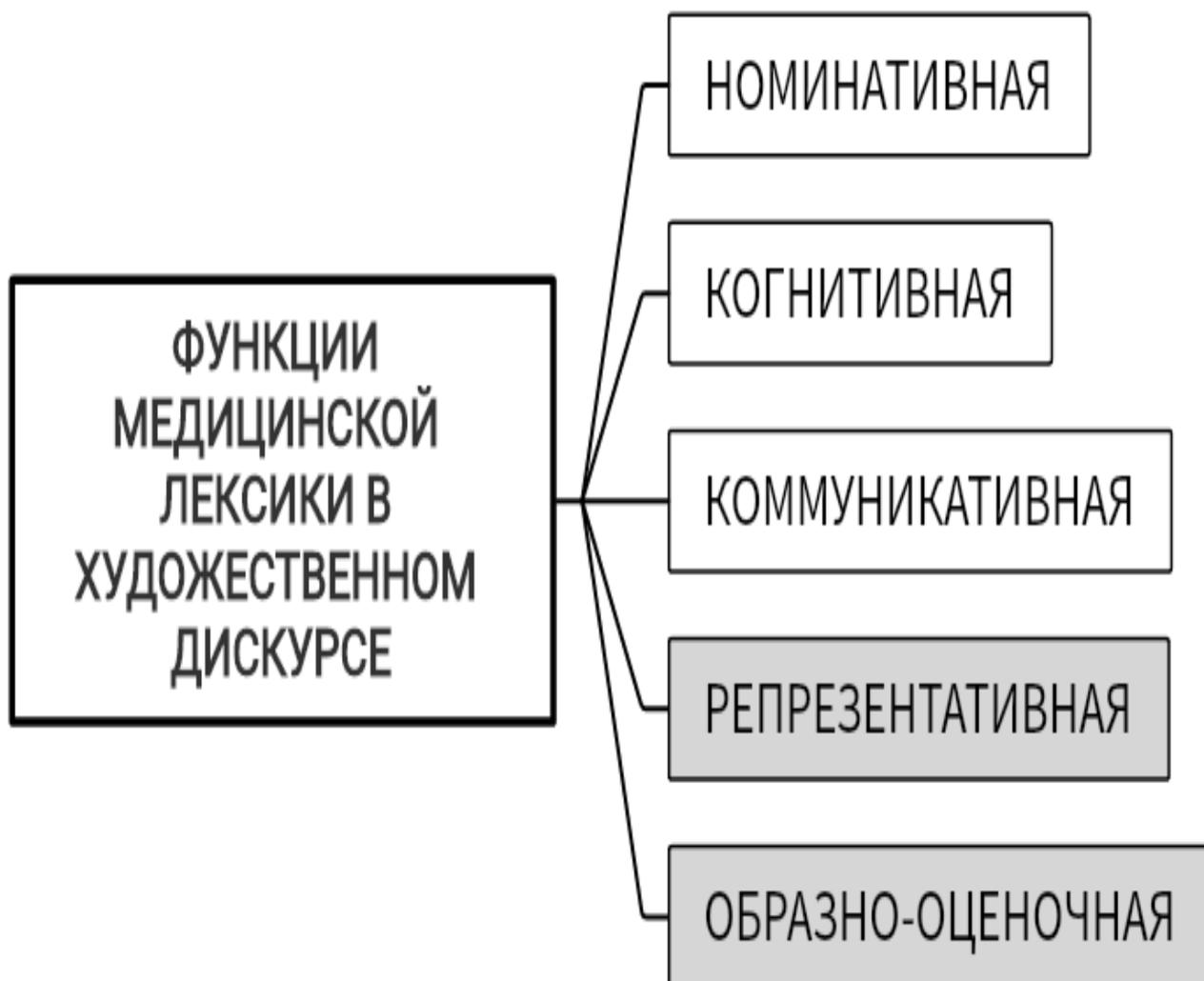
Таким образом, художественный текст создает специфический контекст, который не только «раскрывает» свои существующие свойства, но и создает новые. Этот контекст формируется благодаря взаимодействию частей текста друг с другом, а также в результате включения каждой языковой единицы как в синтагматические, так и в парадигматические отношения в рамках художественного целого.

Анализ функций специальных единиц подъязыка медицины в произведениях русских писателей-врачей показал, что термины, включенные в художественный текст, расширяют функциональный диапазон, выполняя при этом как характерные, так и специфические для них функции. Термины усиливают информационный потенциал художественных произведений,

позволяя авторам наиболее точно отражать специфику медицины, с целью придания художественному произведению достоверности.

В ходе исследования были выделены пять основных функций, которые в художественном дискурсе выполняют медицинские термины (схема 4):

Схема 4. Функциональная характеристика медицинских терминов в художественном дискурсе

1. **Номинативная функция.** Номинативная функция медицинской терминологии заключается в «назывании» специального понятия, требующего дефиниции. Степень актуализации объема понятия и его специфических черт варьируется в зависимости от жанровой специфики текста.

Исследователи указывают на случаи частичной реализации значения термина в художественном тексте. По мнению ряда ученых, «термин, употребляясь в художественном тексте, способен: 1) реализовать не специальное, профессиональное, но бытовое понятие, или общее представление; 2) частично реализовать собственное значение, обычно соотносясь с предметом, но не с понятием» [Головин, Кобрин, 1987, с.39–40]. Ю.Б. Жидкова определяет «частично номинативную» функцию терминов, «когда медицинская терминология становится стилистическим средством, изображающим трудовую деятельность медиков» [Жидкова, 2008, с. 37].

Сюжеты произведений писателей-медиков часто описывают деятельность врачей, студентов, что позволяет авторам включать термины в прямом значении. Специальные единицы в художественные тексты вводятся как с раскрытием содержания, так и без пояснения: «*Действительно, имелась незначительная гипертензия около ста пятидесяти и тахикардия девяносто шесть ударов в минуту*» [А.М. Моторов. Юные годы медбрата Паровозова]; «*К примеру, ты неделю готовил к операции пациента с язвенной болезнью*» [Д. Правдин. Хирург возвращается]; «*Томограф этот приобретен за государственные деньги*» [П. Рудич. Не уверен – не умирай! Записки нейрохирурга] и мн. др.

2. **Когнитивная функция** связана с расширением границ познания у читателя. Поскольку при восприятии понятий, выражаемых терминами, происходит познание мира, то особую роль приобретает когнитивная функция.

Когнитивный потенциал медицинских терминов в художественном дискурсе заключается в установлении связей между понятиями медицины, с одной стороны, и концептами, принадлежащими наивной и художественной картинам мира – с другой. Как отмечает Д.А. Кожанов, «единицы языка науки в пространстве художественного текста обеспечивают трансфер концептов между удаленными друг от друга областями знания, что позволяет систематизировать имеющиеся в распоряжении носителя языка знания,

уточнить границы познанного мира и определить основные векторы развития научной мысли в ближней и дальней перспективе» [Кожанов, 2024, с. 167].

Таким образом, когнитивная функция медицинской лексики в художественной литературе представляет собой многогранный инструмент, способствующий более глубокому пониманию тем, связанных с человеческим состоянием, здоровьем и жизнью в целом.

3. Коммуникативная функция. Диалогичность художественного произведения предполагает необходимость его анализа во взаимодействии с читателем. Только в сознании реципиента художественный текст обретает реальное существование. При чтении текста создается особая «рамка», способствующая «совпадению» смысловой нагрузки текста и его интерпретации читателем. Данный подход предполагает, что «горизонты ожидания» (по определению Х.Р. Яусса) должны пересекаться, только в таком случае может возникнуть понимание.

Как отмечает А.В. Кузнецова [Кузнецова, 2019, с. 119], «корреляция читателя и текста не существует изначально, до чтения, она возникает и функционирует только в процессе восприятия, воздействие текста на читателя заставляет его вновь и вновь возвращаться к ранее воспринятому и производить автокоррекцию эстетического впечатления». Чтобы читатель смог понять автора и войти с ним в диалог, необходима минимальная исходная общность между адресатом и адресантом, которая включает социально-исторический, культурный, языковой фон и контекст, в рамках которого существуют как автор, так и читатель.

4. Репрезентативная функция. Медицинская терминологическая лексика, включенная в тексты литературных произведений, в первую очередь способствует созданию ситуации специального общения героев, позволяя авторам усилить степень достоверности. По мнению Д.Н. Шмелева, роль терминов в художественном тексте состоит в создании приближенной к действительности производственной атмосферы, т. е. специальные единицы

«помогают воспринять специальную работу как бы глазами производящих ее людей» [Шмелев, 1973, с. 78].

А.Г. Смирнова рассматривает использование терминологической лексики «как особый стилистический прием, который опирается на противопоставление общенародной и профессиональной лексики» [Смирнова, 1985, с. 49]. Писатели-медики очень точно, лаконично, емко и сообразно включают в свои тексты узкоспециальные термины, не всегда понятные неспециалистам. Авторы не перегружают произведения сложными понятиями, а как раз используют терминологические единицы для создания особого колорита и производственной атмосферы, усиливая реальность повествования: «*Слабенькая она какая-то <...> да и моча темновата... Гемолиз, похоже! – пошутил Орликов. – Небось кардиохирурги **иногруппное переливание** устроили!*» [А.М. Моторов. Юные годы медбрата Паровозова]; «*Он протягивает мне серый бумажный прямоугольник документа, где скачущими крупными буквами выведен диагноз направившего учреждения: «**Острый хирургический живот**»* [Д. Правдин. Хирург возвращается]; «*Ее посмотрел интерн из урологии, поставил диагноз «**Ушиб почек. Гематурия**»* [П. Рудич. Не уверен – не умирай! Записки нейрохирурга]; «*И тогда возникает третий голос <...> не оставляя ни сантиметра пустого пространства: «**ОН ПРОСЫПАЕТСЯ. ЕЩЕ ФЕНТАНИЛ!**»* [А.М. Моторов. Юные годы медбрата Паровозова]; «*Дежурный кардиохирург спунктировал плевру, откачал жидкость, и расправившееся легкое снова задышало»* [А.М. Моторов. Юные годы медбрата Паровозова] и др.

Известно, что речь является важнейшим средством создания образа и характера литературного персонажа его. Функционирование специальных слов в речи героев может указывать на уровень образования, принадлежность к той или иной сфере деятельности, раскрывает его круг интересов, усиливает психологические и характерные черты. Речевой портрет персонажа, по мнению Е.В. Панаевой, могут раскрывать как специальные слова, так и

просторечные выражения, профессионализмы, которые придают повествованию большую живость и естественность [Панаева, 2005, с. 111].

Специальные единицы подъязыка медицины, взаимодействуя с художественными средствами, позволяют создать более достоверного героя с убедительными характерными чертами.

5. Образно-оценочная функция. Термины в научном дискурсе имеют специфические характеристики, к которым относят отсутствие эмоциональной и экспрессивной окраски. Однако в художественном дискурсе указанная особенность специальных единиц теряет обязательность, появляются эмоциональные и стилистические приращения, и термин в художественном тексте приобретает черты изобразительного средства.

В литературном произведении единицы специального подъязыка способны выполнять образную функцию за счет метонимического и метафорического переноса, языковой игры, а также в структуре сравнений, олицетворений и др. средств выразительности: *«На носу бородавка, похожая издали на большую муху»* [А.П. Чехов. Хирургия]; *«Исчезла мраморная сыпь, как потухают звезды на заре, подсохли кондиломы»* [М.А. Булгаков. Звездная сыпь]; *«Один раз ударил тонкий фонтан крови, чуть не попал в глаза профессору и окропил его колпак»* [М.А. Булгаков. Собачье сердце] и др.

Особое значение в художественном дискурсе имеет метафора, понимание которой сводится к следующему определению: «Употребление слова в переносном значении на основе сходства в каком-либо отношении двух предметов или явлений» [Розенталь, Теленкова, 1985, с. 176]. Как лексико-семантическое средство выразительности метафора не только расширяет смысловой диапазон слова, привнося в него общеязыковые метафорические значения, но и усиливает экспрессивные характеристики художественной речи.

Как отмечает Л.И. Волошина, включение термина в состав метафоры возможно также потому, что «метафора – необычное употребление слова – не уничтожает обычное, более постоянное значение слова-термина, метафора –

новое увиденное в термине. Отдаленность сопоставляемых понятий обеспечивает непредсказуемость образов, создаваемых на основе стилистического использования терминов» [Волошина, 1986, с. 10].

Языковая игра связана с реализацией категории определения комического и традиционно считается стратегией экспрессивизации речи, которая связана с порождением комического эффекта на основе осознанного нарушения функционально-семантических закономерностей использования языковых форм. Приобретение терминами экспрессивности в качестве средств выразительности придает особое звучание повествованию.

Кроме того, термины в художественных произведениях способны быть средством выражения оценки, что выражается в положительном или отрицательном отношении говорящего к предмету речи, несущее добавочную информацию о предмете мысли, одновременно характеризую его и передавая авторское отношение к нему.

С целью достижения юмористического эффекта также могут быть использованы единицы медицинской терминосистемы. Авторы для создания комического эффекта используют специальные слова в несвойственном им контексте: «Благодаря ее болтливости я страдаю *гиперестезией правого слухового нерва*» [А.П. Чехов. Два романа]; «*Вот и у меня случилось такое заболевание под названием «Гуманное отношение начальства к персоналу»*» [А. Моторов. Юные годы медбрата Паровозова] и др. Комический эффект может быть усилен транслитерацией: «*Тинктура валериана*» [М.А. Булгаков. Собачье сердце]; «*Парализис*», – *отчаянно мысленно и черт знает зачем сказал я себе*» [М.А. Булгаков. Полотенце с петухом] и др.

Реализация последних двух функций является особенностью художественного дискурса, отличающей его от научного. Так, только в иностилевом окружении термины могут быть употреблены в переносном значении с утратой характерной для научного стиля свойства стилистической нейтральности.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 2

К особенностям художественного текста традиционно относятся способность устанавливать аналогии с действительностью при наличии эстетических характеристик. В художественной литературе слова семантически преобразуются, раскрывая дополнительные смыслы и приобретая коннотации и ассоциации. Взаимодействие прямого и переносного значения слова в произведении образует эстетический и экспрессивный эффекты, создавая собственно художественную реальность.

Хотя художественный дискурс не является естественной средой для функционирования терминов, возникшая в 30-е гг. XIX в. миграция специальной лексики в литературный язык связана с интеллектуализацией общества и популяризацией научных знаний. Данные процессы характерны и для медицинской терминологии, вышедшей в язык общего употребления, что обусловлено особым статусом медицины, повышенным интересом к данной предметной области и стертой профессиональной принадлежностью.

Процесс миграции специальных единиц в язык общего употребления находит свое отражение в процессах детерминологизации и деспециализации. Соглашаясь с общепринятым определением, мы понимаем под деспециализацией процесс использования термина в языке общего употребления с сохранением основного значения и отличаем его от детерминологизации, которая предполагает функционирование специальных единиц в языке непрофессионального употребления, сопровождающееся формированием нетерминологического значения.

Выявлено, что детерминологизированные лексемы, используемые за рамками научного дискурса, характеризуются наличием толкования, а не дефиниции (как у термина), иногда с существенными трансформациями денотативной соотнесенности значения термина. Специальная единица преобразует свое значение и функции, будучи погруженной в ненаучный дискурс, в результате чего единица языка обрывает коннотациями и

приобретает характеристики, специфичные для термина как единицы научного знания.

Переход терминов из языка науки в общее употребление – длительный процесс, необходимой предпосылкой которого является использование термина в коммуникативной ситуации неспециалистов. Термин входит в узус, прочнее закрепляется в языке благодаря приемам разъяснения, раскрытия значения. К продуктивным способам экспликации терминов в художественных текстах относятся реализуемые на лексическом уровне приемы интерпретации значения, включения этимологической справки, приведения синонима и нек. др.

В основу типологического анализа терминологической лексики могут быть положены различные принципы. Мы предлагаем три классификационных подхода к описанию медицинской лексики в произведениях А.П. Чехова, В.В. Вересаева, М.А. Булгакова, Ф.Г. Углова, Ю.П. Германа, Н.М. Амосова, Ю.З. Крелина, П. Рудича, А.М. Моторова и Д. Правдина, особое внимание уделяя отраслевой типологизации терминов медицины.

Так, с позиции рассмотрения семантики медицинской лексики в художественных произведениях можно выделить термины в прямом значении, термины в переносном значении и производные терминов с трансформированным значением.

В результате анализа выявлено, что наиболее частотны в художественном дискурсе термины в прямом значении, поскольку сюжеты произведений писателей-медиков посвящены деятельности врачей, студентов, что позволяет авторам включать данную группу терминологии, причем специальные единицы вводятся как с раскрытием содержания, так и без пояснения. Установлено, что термины в переносном значении встречаются в произведениях не всех авторов.

По степени распространенности в художественных произведениях специальные единицы подъязыка медицины делятся на

широкоупотребительные, т.е. понятные большинству читателей, а также узкоспециальные – термины, известные специалистам. Так, в художественных текстах преимущественно встречаются широкоупотребительные термины, ориентированные на массового читателя. Если автор включает в повествование узкоспециальную единицу, как правило, ее значение эксплицируется, чтобы оградить читателя от возможных затруднений при восприятии текста.

Мы выделили 1189 медицинских терминов, разделив их на тематические группы в соответствии с отраслевой классификацией. Подсчет показал, что к анатомо-гистологической группе можно отнести 192 термина, к фармацевтической – 112 единиц, клиническая группа включает 885 единиц.

Отдельно в художественных текстах было проанализировано употребление терминов-эпонимов, а также терминов на латинском языке. Включение эпонимов и латинизмов обеспечивает достоверность повествования, способствует раскрытию репрезентативной составляющей текста и созданию убедительного портрета героев с акцентным отражением характеристик языковой личности.

Анализ функциональных особенностей медицинских терминов в художественном дискурсе показал, что погруженные в неспециальный дискурс термины могут выполнять новые функции, которых специальная единица лишена в строгом научном дискурсе. Регулярно появляясь в неспециальных текстах и продолжая оставаться элементом своей терминосистемы, что выражается в выполнении номинативной, когнитивной и коммуникативной функций, термин приобретает характеристики, свойственные лексическим единицам художественного стиля. Это в первую очередь репрезентативная, служащая целям усиления степени достоверности описания и воссоздания подлинной производственной атмосферы, а также образно-оценочная функции, что в целом усиливает информационный потенциал художественных произведений.

3 МЕДИЦИНСКАЯ ЛЕКСИКА В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Межъязыковая и межкультурная интерференции, наблюдаемые в эпоху глобализации и цифровизации, определили интернациональный характер медиадискурса, аккумулирующего знания и представления носителей различных языков, а значит, и различных картин мира. Развитие в эпоху всемирного общения привело к глобализации медиадискурса, обусловленной сильнейшим взаимовлиянием СМИ разных стран мира. Именно глобальность может считаться определяющим свойством медиадискурса, отличающим его от остальных видов дискурса.

Известно, что СМИ являются не только средством формирования общественного мнения, одним из основных каналов воздействия на человека и появления идеологических концепций, но и популяризатором научного знания, что на языковом уровне отражается в проникновении терминов в язык общего употребления.

Миграция специальной лексики в язык СМИ в первую очередь связана с активно продолжающейся научно-технической революцией, реализацией общей тенденции к интеллектуализации медийного текста, широкой пропагандой научного знания и возрастанием значимости роли научного знания в жизни социума.

Установлено, что именно медицинская терминология наиболее активно проникает в медийное пространство. И это вполне объяснимо, ведь сведения из области медицины в той или иной степени интересуют каждого. Несомненный риск неполного понимания значения терминов, функционирующих в неспециальном дискурсе, определяет тот факт, что словарь современного носителя русского языка постоянно пополняется единицами сферы LSP, а значит, исследование подобных языковых фактов требует все большего внимания.

3.1 Актуальный медийный дискурс

Известно, что активное научное изучение *медиадискурса* началось во второй половине XX века, когда российские и зарубежные ученые заинтересовались различными аспектам исследования языка СМИ: от лингвостилистических и прагматических до функционально-семиотических. В связи с этим актуализировалось изучение медиапространства, единицей которого является медиатекст – «динамическая сложная единица высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций» [Кузьмина, 2011, с. 6].

Само понятие «медиа» впервые было предложено для использования в научном дискурсе канадским философом и исследователем массовой коммуникации М. Маклюэном в середине XX века. Понимая под «медиа» широкий ряд средств, «вносящих существенные изменения в коммуникацию человека с окружающим миром и реорганизующих его способ мировосприятия и образ жизни» [цит: по Дзялошинский, 2015, с. 8], ученый постулировал идею о неразрывной связи контента и способов его оформления и передачи. Развивая идеи М. Маклюэна, можно заключить, что понятия «медиа» и «коммуникация» являются синонимами и в полной мере могут быть определены в границах институционального подхода.

Современное понимание термина «средства массовой коммуникации» (СМК) заключается в представлении о нем как непрерывном процессе подачи и передачи информации через СМИ (интернет, радио, реклама, телевидение, печать и т.д.). Следовательно, для СМК характерно общение в больших социальных группах и их публичный характер, который предусматривает открытость, множественность адресатов, опосредованность коммуникации, субъективное воздействие со стороны адресанта, а также наличие современных технических средств, которые обеспечивают регулярное тиражирование текстов.

Массовая коммуникация неразрывно связана с понятием «массового сознания», что отражается на характере оказываемого воздействия на общество и формировании определенной системы ценностей. Так, с помощью различных языковых средств автор медийного текста корректирует эмоциональное состояние читателя, пытаясь опосредованно изменить взгляды на определенную тему, напрямую воздействуя методами убеждения, внушения и пропаганды, явной или скрытой.

Известно, что изучение дискурса СМИ – предмет исследования медиалингвистики. Дж. Корнер отмечает, что «медиалингвистика объединила широкий спектр исследований, относящихся к такой динамично развивающейся области, как язык средств массовой информации» [цит. по: Добросклонская, 2008, с. 33]. Посвященные исследованию языка СМИ работы (А.Н. Васильевой, Т.Г. Добросклонской, В.Г. Костомарова, О.А. Лаптевой, С.И. Сметаниной, Г.Я. Солганика, Г.В. Степанова, Д.Н. Шмелева, Ю.В. Рождественского, Т. ван Дейка и др.), носят преимущественно междисциплинарный характер. Многоаспектное функционирование средств массовой информации объединяется в особый тип дискурса, который характеризуется дистантностью, ретиальностью, индивидуально-коллективным субъектом и массовым адресатом.

Так, согласно определению Л.Р. Дускаевой, медиадискурс – это «тип институционального дискурса, объективирующего в медиаречи журналистской, рекламной и PR-деятельности, ориентированные на массовое воздействие через передачу информации» [Дускаева, 2018, с. 55]. С.С. Борисова отмечает, что в основе медиадискурса находится «общественная деятельность по передаче актуальной социальной информации через медиа» и отмечает, что так или иначе любой материал СМИ может быть отнесен к медиадискурсу [Борисова, 2016, с. 19].

По мнению В.А. Марьянчика, медиадискурс синкретичен и включает другие типы дискурса: «в медиадискурсе функционируют различные субдискурсы – политический, профессиональный (медицинский,

педагогический, философский, спортивный и др.), религиозный, гламурный, рекламный, feature-дискурс и др.» [Марьянчик, 2011, с. 6].

При описании и интерпретации существующих точек зрения интересной представляется теория А.А. Кибрика. Ученый ставит под сомнение обоснованность выделения понятия «медийный дискурс», считая, что отдельные виды дискурсов «должны постулироваться не ситуативно, а на основе ясных критериев, демонстрирующих отличие данного типа от других», однако в то же время исследователь считает, что «вполне возможно, что отдельные медийные жанры имеют достаточно устойчивые характеристики. Если это так, то набор таких жанров и может быть взят за основу при определении понятия "дискурс СМИ"» [Кибрик, 2008].

Учитывая предлагаемые подходы, мы принимаем определение Т.Г. Добросклонской, которая под медиадискурсом понимает «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская, 2008, с. 153]. Поскольку в нашем исследовании не ставится задача дифференциального описания терминов «дискурс СМИ», «медиадискурс», «медийный дискурс», считаем их синонимичными, а базовой конструкцией данных концептов считаем *медиатекст – комплексную коммуникативную единицу данного дискурса*.

Основная информация, представленная в текстах СМИ – сообщение о фактах, сопровождающееся комментариями и содержащее оценки. Так, важнейшей характеристикой медийного дискурса является категория информационного поля, под которым понимается информационное пространство, охватывающее тот или иной объем фактов в контексте интерпретации событий и отраженное в определенном наборе тем. Понятие информационного поля тесно связано с информационной нормой. Считается, что в СМИ должны по возможности отражаться все стороны действительности, однако объем поля ограничен рамками институционального и конвенционального характера. Институциональные

ограничения связаны с деятельностью социальных институтов, в первую очередь – государства. Конвенциональные рамки основаны на требовании соответствия этическим нормам.

Так, в современном мире особое место занимает проблема достоверности/недостоверности публикуемой информации. Если в прошлом ложная информация, передаваемая СМИ, носила глобальный характер и была следствием воздействия государственной идеологии, в современном пространстве ложные факты, публикуемые в СМИ, приобретают статус дезинформационных универсалий, присущих медиадискурсу как социальному институту. Н.А. Сегал, А.Н. Мищенко, И.В. Уварова отмечают, что причиной появления недостоверной информации в медиа является «нежелание СМИ проверять поступающую информацию, либо, наоборот, желание привлечь внимание потенциального читателя сенсационным заявлением, преимущественно для разного рода политических или финансовых целей» [Сегал, Мищенко, Уварова, 2022, с. 35].

Е.С. Солнцева также отмечает, что в структуре медийного дискурса особенно важно учитывать свойства *системности/иерархичности, виртуальности, гипертекстуальности, поликодовости и интердискурсивности* [Солнцева, 2019, с. 147-153].

Системность/иерархичность выступает в качестве основного принципа организации дискурса в целом. Говоря о медиадискурсе, можно выделить как аспект анализа, с одной стороны, синтаксические структуры на уровне словосочетаний и предложений, а с другой – элементы прагматики, определяющие композицию медиатекста. Так, структура и наполнение медийного текста зависят от его жанра: от заметки ждут краткости и информативности без субъективизации, от интервью – диалога в виде вопросно-ответной формы изложения, от репортажа – нарратива и определенности авторской позиции.

Технологизация и компьютеризация всех сфер современной жизни определила и другое специфическое свойство современных СМИ –

виртуальность, т.е. их включенность в мировое интернетпространство, существование вне осязаемого носителя. Виртуальность связана с другими свойствами медиадискурса – гипертекстуальностью и поликодовостью. Так, Е.С. Солнцева акцентирует внимание на том, что «именно виртуальность становится важнейшим условием глобализации медиадискурса и его выделения в особую лингвистическую категорию» [Солнцева, 2019, с. 150]. На современном этапе более популярными становятся различные интернет-платформы, онлайн-ресурсы, состоящие не только из новостных блоков, но и социальных сетей или поисковых сайтов.

Актуальная в контексте приведенного выше тезиса гипертекстуальность представляется как способ организации медиадискурса, при котором различные единицы информации в результате их взаимодействия образуют сложную систему медиатекстов. Гипертекстуальность реализуется за счет использования гиперссылок – интерактивных фрагментов электронного текста, которые позволяют соединить в единую сеть множество документов.

Традиционное понимание интертекстуальности и прецедентности сводится к следующим определениям: «Гипертекстуальность – транслируемый код культуры как системы традиционных для человечества ценностей материального и духовного характера, прецедентность – явление жизни, которое может стать или не стать фактом культуры. Специфика медиадискурса связана более с прецедентностью, чем с интертекстуальностью, и именно прецедентные тексты выступают как "тексты влияния" в современном социуме» [Кузьмина, 2011, с. 1]. Н.А. Кузьмина отмечает, что интертекстуальность связана с эстетической ценностью, культурной значимостью, для нее характерна вневременность, интертекстуальные знаки представляют собой определенный культурный код, существующий в течение жизни не одного поколения людей. Прецедентность – явление, ограниченное во времени и связанное с теми людьми, ситуациями и событиями, которые актуальны и значимы на современном этапе, но необязательно будут значимы в дальнейшем. Для

прецедентных феноменов важно широкое распространение среди представителей лингвокультурного сообщества, что обеспечивается СМИ. Источниками прецедентных текстов могут быть фразеологизмы, цитаты, крылатые выражения, игра слов и др. Прецедентные тексты обычно используются в целях аттракции в стилистически значимых частях текста, например заголовке, подзаголовке и др.

Виртуальный характер реализации медиадискурса и гипертекстуальность сопряжены с еще одним его свойством – поликодностью, т.е. неоднородностью текстов СМИ. Медiateкст нередко включает, помимо текстового компонента, визуальные, вербальные и др. элементы. Современные медийные тексты, размещенные в интернете, пестрят самыми разными видами информации, что предполагает возможность активной коммуникации и практически мгновенную реакцию на события, их немедленное обсуждение в социальных сетях. Такая неоднородность медийного дискурса требует от читателя восприятия информации не только в когнитивном поле, но и в единстве интуитивного и творческого подходов.

Поликодность связана с понятием интердискурсивности, которая предполагает определенное соотношение различных видов дискурса. Интертекстуальное взаимодействие, предполагающее взаимопроникновение структурных компонентов, кодов, сценариев и фреймов, лежит в основе появления новых видов интегративного дискурса. В первую очередь этот процесс характерен для медиадискурса, который включает вторичные тексты разной тематической направленности, что изначально создает основу для расширения его информативного потенциала.

Современная ориентированность медиадискурса на существование в виртуальном пространстве предполагает наличие множества гипертекстуальных и поликодовых характеристик. Медиадискурс интердискурсивен по сути, представляя собой мозаику самых разных элементов. Сам факт наличия различных тематических рубрик и постоянная возможность их изменения в зависимости от важности и актуальности

представленной в них информации провоцирует создание мобильной структуры, отвечающей интересам читателей.

При изучении лингвистического аспекта организации медиапространства традиционно анализируются приемы построения текста, лексическое наполнение и использование стилистически маркированных единиц, которые позволили бы создать эффективный медиапродукт. Именно целевая установка на убедительность и воздействие определяет выбор языковые средства, позволяющих не только донести до массовой аудитории нужную информацию, но и полностью принять позицию автора.

3.2 Медиатизация медицинской терминологии

В профессионально построенном тексте прагматика его воздействующей силы может определяться и самой описанной ситуацией, и системой фоновых знаний, которые участвуют в создании оценочности текста. Медийные тексты, без сомнения, содержат такое количество имплицитной информации, которая может передаваться при включения вербальных знаков, реализующих механизм воздействия. Аспектное структурирование действительности позволяет достичь убедительности и сформировать желательную оценку воспринятого. Выделяются определенные грани явления, процесса или факта, связанные с важными сторонами жизни человека, в нашем случае с лечением, профилактикой или сохранения здоровья, т.е. со сферой медицины. При описании взаимодействия специального и неспециального знания в медиапространстве нельзя оставить без внимания процесс *медиатизации терминов* – использование специальных единиц в медийном дискурсе, сопровождающееся семантическими и прагматическими трансформациями [Куликова, 2024].

В современной лингвистике одним из вариантов медиатизации может считаться включение в медийный дискурс терминологических единиц,

характерных для научного дискурса, особенно в случае употреблении интернациональной терминологической лексики. Исследователи связывают данный процесс с тенденцией к интеллектуализации, которая привела к включению медицинской лексики не только в рекламные, но и социально-политические тексты, ориентированные на массовую аудиторию. Однако при этом не исключается повышение риска непонимания и создания ситуаций коммуникативной неудачи в том случае, если единицы подъязыка медицины не известны широкому кругу адресатов и не входят в его активный словарь.

Отметим, что термин «медиатизация» может пониматься широко, определяясь как процесс взаимовлияния медийного пространства и других социальных институтов. В то же время под «медиатизацией» в узком смысле понимают лингвистическое явление, в результате воздействия которого трансформируется семантика и принципиально изменяется прагматика отдельных лексических единиц.

Таким образом, медиатизация в науке оценивается как комплексное многоуровневое явление, при котором глобальные социальные процессы взаимовлияния общественных институтов мотивируют взаимовлияние соответствующих дискурсов, что обуславливает пересечение их языковых кодов, миграцию в медийные тексты единиц, принадлежащих другим видам дискурса.

А.Н. Гуреева и В.С. Кузнецова, ссылаясь на концепцию Ф. Кротца, подчеркивают эту многоуровневость, рассматривая медиатизацию на макроуровне, мезоуровне и микроуровне: «При рассмотрении феномена медиатизации политики на макроуровне могут учитываться рост и автономия медиа, на мезоуровне – изменения в партийной системе, на микроуровне – восприятие политической информации аудиторией медиа» [Гуреева, Кузнецова, 2021, с. 198]. Языковые процессы, в частности: формирование лексикона, появление в активном словаре новых единиц, трансформацию семантики слова, провоцирующую определенные изменения статуса единицы, – с полным правом можно связывать с влиянием медиатизации.

В лингвистике для обозначения функционирования терминов в медиатекстах, сопровождающееся семантическими и прагматическими трансформациями, также используется термин «детерминологизация». Однако в более поздних исследованиях понятия медиатизации и детерминологизации разграничиваются и отмечается, что «медиатизация терминов далеко не во всех случаях сопровождается детерминологизацией» [Ковтунова, Езан, 2022, с. 56].

Ю.О. Соловьева считает, что включение терминов в медийные тексты может приводить как к их детерминологизации, так и к обратному процессу – уточнению семантики отдельных единиц в рамках терминосистемы: «В медийном пространстве термины подвергаются разновекторным преобразованиям: часть слов и словосочетаний утрачивает статус термина, переходя в разряд общеупотребительной лексики, а другая часть, репрезентирующая современную правовую реальность, наоборот, конкретизируется» [Соловьева, 2022, с. 17]. Таким образом, термин «медиатизация» является более широким по своему содержанию, чем «детерминологизация».

Отсутствие единого терминологического аппарата связано с тем, что явление медиатизации является достаточно новым направлением исследования, а также с наличием разных подходов к изучению данного нового явления у представителей разных лингвистических школ. В рамках нашего диссертационного исследования под термином «медиатизация» в первую очередь понимается как процесс миграции специальной лексики в медиадискурс.

Как и в художественных, так и в медийных текстах используются различные приемы разъяснения, раскрытия значения термины, так как не каждый человек, встречающий термин в неспециальной литературе, точно может определить его значение. В связи с этим в медиатекстах, ориентированных на широкую аудиторию, термины поясняются, так как используемая специальная единица должна быть понятна, содержательно

раскрыта, чтобы оградить читателя от возможных затруднений при восприятии текста.

Медиатизированные термины, используемые за рамками научного дискурса, характеризуются наличием толкования, а не дефиниции, иногда с существенными трансформациями первоначального значения термина. При этом толкование является вторичным по отношению к дефиниции. Так, автор медиатекста при интерпретации значения может сузить/расширить значение специальной единицы, ориентируя на восприятие термина неспециалистом, а также ввести неточное его определение.

В качестве примера обратимся к термину «агранулоцитоз» и приведем дефиницию, зафиксированную в «Кратком медицинском терминологическом словаре»: *«Агранулоцитоз – резкое уменьшение количества нейтрофильных гранулоцитов (один из видов лейкоцитов) или их отсутствие в крови. Приводит к лихорадке, стоматиту, ангине, некрозам слизистой оболочки полости рта, кровотечениям, сепсису»* [Айрапетян, 2010, с. 5]. В «Большой медицинской энциклопедии» дано следующее определение: *«Агранулоцитоз (от греч. а – отриц. част., лат. granulum – зерно, греч. kytos – клетка), резкое уменьшение, вплоть до отсутствия, гранулоцитов – зернистых лейкоцитов (нейтрофилов, эозинофилов и базофилов) как в периферической крови, так и в кроветворных органах»* [БМЭ, 1970].

Примечательно, что в «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова медицинский термин не встречается, что, вероятно, связано с тем, что в толковых словарях репрезентируется понятия, актуальные и понятные для непрофессионалов. Можно свидетельствовать, что отсутствие термина в толковом словаре может свидетельствовать об ограниченном использовании этой лексической единицы. Тем не менее, в медийном дискурсе значение термина представлено следующим образом: *«... Лекарство способно вызывать изменения в составе крови – агранулоцитоз – когда белых телец в крови человека становится больше, чем нужно»* [Челябинск // Новый регион 2, 17.05.2022]. Так, автор допускает ошибку, вводя толкование в

неспециальный текст.

Другой пример – сужение репрезентации обозначаемого термином понятия. В «Малой медицинской энциклопедии» дана следующая дефиниция термина «амилоидоз»: *«Амилоидоз – разнородные по происхождению нарушения белкового метаболизма, характеризующиеся внеклеточным отложением в тканях разных органов особого гликопротеида – амилоида, основным компонентом которого являются фибриллы белкового вещества»* [ММЭ].

В медийном дискурсе термин «амилоидоз» эксплицируется с сужением значения: *«Время от времени такая хворь косит российских мужиков при отравлении спиртными суррогатами; атрофия нервных рецепторов при сахарном диабете; амилоидоз (изменение структуры нервных волокон)»* [«Комсомольская правда», 22.03.2020]. Таким образом, интерпретация термина в ненаучном дискурсе может приводить к погрешностям, связанным с пониманием семантики специального понятия. На наш взгляд, такая проблема наиболее характерна при включении в ненаучные тексты узкоспециальных медицинских терминов.

Другие приемы и примеры экспликации медицинских терминов в медийном дискурсе представлены в таблице 2.

Таблица 2. Приемы экспликации медицинских терминов в медийном дискурсе

<i>Способ экспликации</i>		<i>Пример</i>
Экспликация на лексическом уровне	интерпретация значения	<p>«Врачи диагностировали у него амиотрофический боковой склероз – прогрессирующее заболевание центральной нервной системы» [https://aif.ru, 11.07.2022]; «Малярия – это группа инфекционных заболеваний, вызываемых паразитическими одноклеточными организмами рода <i>Plasmodium</i>» [lenta.ru, 21.02.2021] и др.</p>
	этимологизация	<p>«Название COVID-19 образовано от словосочетания "<i>coronavirus disease 2019</i>" (от англ. "коронавирусная болезнь 2019"). Соответственно, в аббревиатуре CO – "корона", VI – "вирус", а D – "болезнь"» [https://aif.ru, 12.02.2020]; «Уровень гемоглобина (в переводе с др.-греч. αἷμα – кровь и лат. <i>globus</i> – шар) в крови является одним из важнейших показателей состояния здоровья человека» [https://aif.ru, 11.01.2022] и др.</p>
	синонимизация	<p>«Нанизм (дwarfизм, карликовость, наносомия, микросомия) – так называется это отклонение в работе человеческого организма – нынче лечится» [Ковчег, 2021]; «Не положен санаторий и слабовидящим детям – в списке есть миопия (близорукость) максимум средней степени» [Известия, 25.12.2023]; «Например, липома (жировик) не представляет серьезной угрозы для здоровья» [Комсомольская правда, 26.10.2023].</p>

	смешанная интерпретация	<p><i>«Канистерапия (от лат. canis – собака + греч. θεραπεῖα – лечение) – разновидность энималтерапии – метод лечения и реабилитации, с использованием специально отобранных и обученных собак»</i> [Парламентская газета, 2022]; <i>«Дебильность (от лат. debilis – слабый, хилый; IQ – 30-50) – легкая степень олигофрении, отличающаяся характерными чертами интеллектуальной недостаточности в виде рутинности мышления, отсутствия способности к абстрактному мышлению»</i> [https://aif.ru, 15.02.2022] и др.</p>
Экспликация на синтаксическом уровне	использование вводных и вставных конструкций	<p><i>«Норовирус, или, как его еще называют, желудочный грипп, передается при прямом контакте с больным или фекально-оральным способом через зараженную еду либо воду»</i> [Известия, 16.10.2023]; <i>«Защитной (нейтрализующей) функцией обладают другие антитела – IgG к S-белку (спайк-белку), а точнее – к его рецептор-связывающему домену (RBD)», – уточнил Лебедев»</i> [Ведомости, 12.05.2021]; <i>«Во-вторых, дикие бизоны разносят инфекции (например, бруцеллез), которые могут подхватить собаки, домашний скот и даже люди»</i> [https://vesti.ru, 19.11.2022] и др.</p>

Экспликация на синтаксическом уровне	инверсия	<p>«Также эксперты указали на такие признаки тяжелой формы как посинение кожного покрова и слизистых – цианоз» [Известия, 16.05.2021]; «Болезнь эндокринной системы – инсулинозависимый сахарный диабет, классифицируемая в соответствии с Международной классификацией болезней – 10 (МКБ-10) по диагнозу E10» [Парламентская газета, 10.04.2021] и др.</p>
	приложение с уточняющим значением	<p>«Порядка 30–35% – это люди, которым правомерно ставить диагноз "ожирение", то есть когда индекс массы тела превышает 30» [https://postnauka.org/faq/78662, 25.08.2017]; «Если человек с дивертикулезом кишечника получит струю воды, как из брандспойта, дивертикулы – мешочки, образующиеся в стенке кишки, – могут прорваться, и перитонит обеспечен» [https://aif.ru, 2022.05.24] и др.</p>
	моделирование сложного синтаксического целого	<p>«Если же болезнь протекает длительно и организм успевает приспособиться к закупорке сосудов, развивается поражение сердечной мышцы (сначала гипертрофия, а затем – атрофия миокарда, что приводит к хронической сердечной недостаточности), почек (альбинурия – потеря белка с мочой, нарушение почечной функции и в итоге -- почечная недостаточность) и нарушение обмена веществ</p>

		<i>(непереносимость глюкозы, а потом сахарный диабет)» [Наука и жизнь, 2008] и др.</i>
Другие виды экспликации	контекстуальная догадка	<i>«По мнению авторов статьи, сегодня геронтология вышла за рамки традиционной борьбы с болезнями и "паллиативной заботы" о стариках, перейдя в разряд научного направления, изучающего процессы старения человеческого (и не только) организма, известного под названием "биogerонтология"» [https://ria.ru/, 2006] и др.</i>
	развернутое описание	<i>«При очень длительном воздействии солнечного света и тепла на коже образуется ожог, длительное пребывание на солнце без применения защитных средств может привести к появлению такого опасного онкологического заболевания, как меланома кожи, а если загорать без бюстгалтера — к меланоме кожи молочной железы» [https://aif.ru, 2021.05.11] и др.</i>

Таким образом, выбор способа введения в текст объяснения определен уровнем фоновых знаний автора и, несомненно, субъективен. Приведенные примеры показывают способы введения в ненаучный дискурс медицинских терминов, многие из которых в данное время находятся на положении потенциальных слов, представляя перспективу их освоения в сфере общеупотребительного языка. Для их полноправного существования в качестве составной части словарного состава языка необходимо вхождение в узус, что практически должно иметь отражение в частотности употребления в неспециальной коммуникации.

Различные приемы экспликации медицинской лексики способствуют оперативной и интенсивной ее миграции в общее употребление, лексико-семантической «адаптации» и отражают один из путей интегративного взаимодействия терминологической и общеупотребительной лексики.

3.3 Медицинская лексика в медиадискурсе

Появление специальных единиц, в частности медицинских, в медийном дискурсе объясняется включением в сферу познавательных интересов современного человека вполне естественной заботы о своем здоровье, повышением уровня информированности и имеет социокультурные причины. С одной стороны, это обусловлено проникновением медицинских знаний в сферу непрофессионального, повседневного общения, поскольку широкая доступность медицинской информации привела к высокой степени ангажированности непрофессионала в узко специализированную функциональную сферу. С другой стороны, сама природа медиадискурса предполагает его широкие инклюзивные возможности. Медийный дискурс является посредником между самыми различными областями человеческой деятельности (политика, наука, образование, культура и т. д.) и социумом как непосредственным адресатом медиатекстов.

Л.П. Крысин указывает, что ситуация изменения ролевой коммуникации «профессиональное общение/непрофессиональное общение» может сопровождаться как полным речевым переключением, так и неполным: «При полном речевом переключении говорящий совершенно не использует в своей речи языковые средства, характеризующие проигрывание им профессиональной роли. При неполном переключении профессионально-языковые средства в большей или меньшей степени присутствуют в речи говорящего и тогда, когда он играет роли, не связанные с его профессией» [Крысин, 1975, с. 46].

Можно утверждать, что медицинская лексика – наиболее активный источник пополнения медийного дискурса новыми стилистическими ресурсами. В медийном дискурсе термин приобретает значение, основанное на ненаучном представлении. Семантическое пространство специальных единиц в дискурсе СМИ расширяется, изменяется денотативная соотнесенность, формирующая новые связи, которые выходят за пределы ограниченных рамок профессионального употребления, трансформируя природу термина.

Степень частотности употребления некоторых медицинских терминов, выделенных из медийных текстов 2021–2024 гг. методом сплошной выборки из газет и медиаплатформ, представлена в таблице 3:

Таблица 3. Степень частотности медицинских терминов в медийных текстах 2021–2024 гг.

<i>Анатомо-гистологические термины</i>	<i>Клинические термины</i>	<i>Фармацевтические термины</i>
<p>аорта (6), волосы (17), гипофиз (6), голова (32), головной мозг (43), гортань (2), грудная клетка (6), грудь (33), губы (10), двенадцатиперстная кишка (3), диафрагма (2), желудок (24), желчный пузырь (9), капилляры</p>	<p>COVID-19 (>50), абляция (2), аборт (14), абсцесс (3), авитаминоз (30), акне (5), анамнез (12), ангиома (2), андрология (2), анемия (8), анестезиология (19), анорексия (6), антиковидный (>50), антитела (>50), аортокоронарное шунтирование (3), артериальная гипертензия (34), артралгия (3), астения (3), аутизм (7), афалия (1), бальнеотерапия (4), бельмо (2), бесплодие (23), бессонница (26), биоревитализация (2), биохимическая беременность (1), блефаропластика (11), болезнь Альцгеймера (19), болезнь Паркинсона (15), болезнь Пейрони (1), боль (>50), ботулинотерапия (4), брадикардия (7), брекететы (7), бронхиальная астма (29), вакцинация (>50), вегето-сосудистая дистония (5), винотерапия (1), вирус (>50), вирус Марбург (1), внутрибольничные инфекции (10), ВОЗ (35), волна коронавируса (18), гастрит (34), гемоглобин (5), геморрой (19), гемофилия (3), гепатит С (4), герпес (14), гидроцеле (1), гингивит (6), гинекология (33), гипергидроз (5), гиперемия (14), гипертензия (16), гипертония (>50), гипогонадизм (2), гипоксия (34), глаукома (14), голодание (9), гонорея (2), госпиталь (5), грыжа (17), грязная зона (3),</p>	<p>аминокислоты (6), антибиотики (>50), антигистаминные препараты (9), антидепрессанты (16), антикоагулянты (9), антиоксиданты (12), антиретровирусные препараты (2), антисептик (>50), аспирин (7), блокаторы Са-каналов (3), ботокс (9), валериана (4), валидол (18), витамин В12 (34), витамин Д</p>

<p>(10), кишечник (17), кожа (35), кости (27), кровь (>50), молочная железа (30), небо (2), нервы (29), ногти (10), палец (4), пищеварительная система (19), пищевод (8), половые органы (29), прямая кишка (4), рот (17), сердечно-сосудистая система (43), сердце (>50), склера (2), сосуды</p>	<p>давление (>50), деградация (14), депрессия (36), диарея (3), диетолог (40), диплопия (2), дисбактериоз (15), дислипидемия (2), дисменорея (1), дистресс-синдром (1), жировик (2), запор (7), ИВЛ (>50), иммунитет (>50), импотенция (14), инсульт (>50), инъекция (>50), инфаркт (>50), ишемическая болезнь сердца (24), карантин (>50), кардиохирург (18), кариес (20), кесарево сечение (45), китайский вирус (3), климакс (23), ковид (>50), ковид-больница (2), кома (41), контрактура Дюпюитрена (1), контрацепция (12), коронавирус (>50), коронавирусная инфекция (>50), коронарография (11), косметолог (>50), крипторхизм (1), лечебный массаж (9), либидо (29), липолиз (2), локдаун (7), мастопатия (7), мезотерапия (2), меланома (14), менопауза (14), метаболизм (11), метаболический синдром (2), метеоризм (5), мигрень (22), микоз (1), микст-инфекция (8), миома матки (12), морщины (44), наркоз (>50), невролог (28), нутрициолог (34), ожирение (38), омикрон (>50), онкология (>50), ОРВИ (>50), ортодонтия (2), ортопноэ (1), орхоэпидимит (1), остеомиелит (3), отдышка (>50), пандемия (>50), панкреатит (23), папиллома (17), паралич (22), пародонтоз (5), перитонит (9), ПМС (20), пневмонит (2), пневмония (46), полурия (6), постковидный синдром (>50), посттравматическое расстройство (10), похудение (13), прививка (>50), простатит (14), психолог (>50), психосоматические симптомы (3), псориаз (8), пульмонолог (26), ПЦР (>50),</p>	<p>(>50), глицерин (5), глюкокортикостероиды (20), гормональные контрацептивы (26), диклофенак (2), диуретики (11), кальций (8), камфора (3), компресс (3), космецевтика (3), маска (>50), кислород (47), нейролептики (9), ноотропы (9), обезболивающее (35), оземпик (12), панангин (3), пантенол (9), противовирусные (43), санитайзер (6), снотворные (23), Спутник-лайт (>50),</p>
---	--	--

<p>(27), суставы (13), тестостерон (6), трахея (3), ухо (18), череп (3), шея (10), щитовидная железа (19), яичники (4).</p>	<p>рассеянный склероз (7), реанимация (>50), ремиссия (35), рубец (4), сатурация (16), сахарный диабет (>50), селфхарм (2), сердечная недостаточность (34), сифилис (5), стеноз гортани (1), стоматология (17), страбизм (1), стресс (>50), тахикардия (1), телемедицина (15), тиреотоксикоз (16), толерантность к глюкозе (3), тонзиллит (28), тремор (16), тромб (>50), уретрит (2), усталость (>50), физиотерапевт (7), фимоз (1), химиотерапия (34), хламидиоз (3), ХОБЛ (9), холестерин (15), холецистит (17), целлюлит (23), церебральный паралич (4), цирроз (17), цистит (19), чистая зона (5), шрамы (13), штамм (44), шунтирование (5), экзема (2), ЭКО (25), ЭКГ (11), эндокринолог (38), эндометриоз (6), эпидемия (>50), эрозия шейки матки (1).</p>	<p>Спутник-V (>50), статины (26), транквилизаторы (5), фенибут (4).</p>
~667	~3276	~731

Группы медицинской лексики, представленной в медийных текстах, разнообразны по количеству входящих в них компонентов. Наиболее многочисленными являются единицы, номинирующие нозологические формы (болезни, симптомы, синдромы), методы лечения и диагностики, отрасли медицины, – иными словами, тематические группы, связанные с патологией (*клиническая терминология*).

Выявлено, что процесс проникновения специальных единиц в медиадискурс проявляется по-разному. Некоторые из востребованных в научном дискурсе терминов не подвергаются медиатизации (напр., *крипторхизм, тахикардия, микоз, стеноз гортани* и др.). Появление других, напротив, иллюстрирует активную медиализацию – миграцию слов из сферы медицины в центральные зоны повседневного общения. Так, медицинская лексика стала источником расширения сферы общеупотребительной лексики во время пандемии коронавируса. Исследователи отмечают, что за короткое время значительное количество медицинских терминов утратило статус единиц научного дискурса. Термины *сатурация, оксигенация, антитела, контагиозность, вирулентность, ПЦР-тест* и мн. др. быстро вошли в обиходно-разговорную сферу, а медицинские знания заметно упростили свое положение в медийном дискурсе.

Так, медицина стала ведущим источником пополнения общелитературного языка новыми лексическими средствами, поскольку сам характер эпохи коронавируса определен языковой реакцией общества, постоянно подвергающегося воздействию информации, связанной с пандемией, вынужденного использовать специальные единицы в повседневной коммуникации.

Наиболее актуальными для периода 2021–2024 гг. являются термины эпидемии коронавирусной инфекции (*COVID–19, ковид, вирус, инфекция, ПЦР, омикрон, легкие* и др.), кардиологии (*кровь, сердце, гипертония, инфаркт, инсульт* и др.), гинекологии (*ЭКО, кесарево сечение, аборт, бесплодие* и др.), неврологии и психиатрии (*бессонница, депрессия, нервы,*

Проведенный нами анализ еще раз подтверждает тот факт, что язык отражает все, что происходит в жизни общества. Наиболее «чувствительным» является язык СМИ, освещающий самые актуальные события, нововведения, изменения во всех сферах жизнедеятельности человека.

3.3.1 Медицинская терминология в рекламном дискурсе

Реклама в современных СМИ занимает особое место, являясь как активным компонентом медиaprостранства, так и наиболее динамичной сферой взаимодействия различных видов дискурса. Основные функции рекламы известны: референтивная, эстетическая, фатическая, манипулятивная. Из этого следует, что основа рекламных текстов – корреляции между чувствами, ощущениями, представлениями и материальными объектами.

Сегодня рекламу принято рассматривать как своеобразный код общения, включающий, не только вербальные единицы передачи информации, но целый арсенал изобразительно-графических, цветовых, музыкальных средств креолизации; использование схем, диаграмм, таблиц, графиков. Именно поэтому рекламный дискурс – важный и актуальный объект сегодняшних лингвистических исследований, о чем свидетельствует появление такого раздела языкознания, как медиалингвистика.

Особый статус медицинской рекламы и ее специфика связаны с ее уникальной сферой влияния, поскольку реклама медицинских товаров затрагивает не только социальную жизнь человека, но и непосредственно касается вопросов здоровья.

Реклама медицинских товаров во многом соотносится с коммуникативным взаимодействием врача и пациента, копируя медицинский дискурс. Известно, что медицинский рекламный дискурс отличается и от научного, и от традиционного рекламного, сочетая признаки обоих. Таким образом, интенциональный – несомненно, рекламный – аспект часто

реализуется в коммуникации, моделирующей ситуацию общения врача и больного.

Структуру и содержание рекламных текстов из сферы медицинских товаров и услуг определяют особенности аудитории, которой адресована реклама. Именно она диктует выбор стратегии и подбор аргументов, убеждающих в необходимости приобретения данного товара.

В качестве письменных жанров медицинского рекламного дискурса выделяются рекламные листовки, интервью с врачами, информация о новых лекарственных средствах в виде статьи. Устные жанры представлены в резюме фармацевта, сообщении маркетолога, в диалоге врача и пациента.

Эффективным способом аттрактивного воздействия можно считать рекламные слоганы, которые традиционно разделяются на две группы: *информативные и воздействующие*. Так, к информативным слоганам в рекламе лекарственных средств относятся следующие: *«Двухслойные таблетки "Гевискон" гасят изжогу и тяжесть с двух сторон»*; *«"Персен": успокоительное средство растительного происхождения»*; *«"Но-шпа" устраняет спазм»*. Воздействующие слоганы характеризуются особой степенью манипулятивного воздействия на потенциального покупателя с целью продвижения рекламируемого товара: *«"Коделакс": скажи кашлю... Тссс!»*; *«Гипертония – невидимый убийца. Приведите давление в норму с "Cardiowell" за 10 минут и навсегда без вреда для здоровья!»* и др.

Как показал лингвистический анализ рекламных слоганов, эффективность речевого воздействия напрямую связана с использованием широкого спектра не только образных средств, но и просодии как варианта ритмики. *Ритм* в рекламе создается с помощью мелодии, акцентов, ударения и тембральных характеристик. Благодаря ритму рекламный слоган становится более структурированным, что позволяет облегчить восприятие и запоминание: *«"Фестум-гель": жить без боли – наша цель»*; *«"Амбробене", "Амбробене" – средство из Германии. "Амбробене" – жить без кашля правильнее»*; *«Кашлю скажем дружно нет, если с нами "Бронхипрет"»* и др.

Кроме того, языковая игра, использование слова в несвойственном ему значении, намеренная замена одной единицы другой – все это приводит к созданию особой речевой конструкции.

Языковая игра как важнейшее средство аттракции можно включать каламбур и создание парадоксальной ситуации: «"Фито-муцил": со мной выходит лучше»; «Ждете, когда рак на горе свистнет? Не ждите. Проверьте свое здоровье»; «"Импаза": для тех, кто идет домой... или по делам» и мн. др.

Использование **фразеологизмов**: «"Лофлатил" – и диарею как ветром сдуло»; «"ТромбоМаг": пусть люди живут долго и счастливо»; «"Пиносол". Чихать на насморк!» и мн. др.; **глаголов в форме повелительного наклонения** (императивы «купи...», «прими...», «намажь...» «поверь...», «придай...», «начни использовать», «пользуйся», и т. д.): «"Вольтарен". Скажи чистым рукам – да, а боли – нет»; «"Коделмикст". Боль и жар? Туши пожар» – обеспечивает максимально эффективную подачу информации о лекарственном средстве, подчеркивая его действенность, убеждая в лечебном эффекте. Таким образом, императивные слоганы авторитарного характера придают тексту динамичность, привлекают внимание потребителя, побуждают его к покупке лекарственного средства: «Беспокоят проблемы с пищеварением? Дискомфорт после еды? Примите "Креон"!»; «Когда болит голова, выбирай "Нурофен Экспресс форте"»; «Не забудь "Омез" перед едой, чтобы день прошел без изжоги»; «"Берокка". Приведите нервы в порядок», «"Зовиракс". Верни улыбку» и др.

Цель авторов рекламных слоганов – передать в сжатой форме всю информацию о препарате и сформировать у потенциального покупателя выгодное представление о предлагаемом лекарственном средстве. Одним из самых ярких приемов выразительности в тексте рекламы является **метафора**, которая способствует быстрому запоминанию торгового названия фармацевтического средства: «"Эссенциале Форте Н". Ремонтные работы для Вашей печени»; «"Магне В6": секрет железных нервов»; «Против вирусов

отряд – спрей и капли "Деринат"»; «Еда на бегу, в животе дискомфорт. Отряд "Аципола" придет. "Аципол": бактерии быстрого реагирования»; «"Супрастин" – аллергия отступает на глазах»; «Боль схватила за горло? Разожми ее железную хватку!»; "Септолете"!»; «"Бронхо-мунал": простуда без призраков осложнений!»; «"Linex". Революция в животе отменяется»; «"Микомакс". Море проблем возьмет на себя и мн. др.

Включение в состав рекламы таких средств выразительности, как **сравнение, эпитет, гипербола, литота** повышает аттрактивный эффект: *«Для нежных носиков есть бережный "Виброцил"»; «"Ломилан". Теперь можно все»; «От желудочных проблем "Неосмектин" поможет всем!»; «"Пробифор": быстрее "скорой помощи"»; «"Дип Хит": теплое избавление от боли в мышцах» и др.*

Еще одна особенность рекламного слогана – использование **эвфемизмов** в целях смягчения нежелательных слов, которые могут показаться грубыми. Особенно частотны эвфемизмы в рекламе средств личной гигиены, лекарств от диареи, запоров, импотенции, грибковых заболеваний: *«Если в прошлом году ты устал и на женщин смотреть перестал, ситуацию в корне смени. "Сеалекс" с новым годом прими!»; «"Always ultra": уверена в защите – уверена в себе»; «Вздутие живота? Чувствуете себя неловко? Испытываете неудобства? Пытаетесь скрыть симптомы? Попробуйте "Эспумизан"»; «Если каждый день никак – принимайте "Дюфалак"»; «"Импаза": и к гадалке не ходи» и мн. др.*

Термины подъязыка медицины, включенные в рекламный текст, также способствуют привлечению внимания целевой аудитории. Помимо фармацевтических терминов, которые являются ожидаемым компонентом рекламы медицинских препаратов, в рекламных текстах используются специальные слова клинической и анатомической подгрупп. Так, благодаря включению данной группы лексики дает представление о том, на какой орган направлено действие лекарственного средства и в каких случаях его следует применять.

В рекламном дискурсе наибольшую распространенность получили широкоупотребительные термины. Узкоспециальные единицы, как правило, затрудняют восприятие, поэтому включаются в тексты рекламы в меньшей степени. Приведем примеры рекламы, в которой функционирует специальная лексика подъязыка медицины:

– анатомической группы: «"Алмаг-01": погаси пожар в **суставах**»; «"Тантум Верде форте" убивает микробы в **горле**»; «"Сустафлекс": с болями в **суставах** покончено»; «"Фитомуцил". **Кишечник** работает как часы»; «"Панангин": питание для **сердца**»; «Для **сердца и сосудов** "Микардин"» «В **животе** шум и гам? Принимай "Эспумизан"»; Овесол: способствует бережному очищению **печени**» и мн. др.;

– клинической группы: «"Релиф": активное лечение **геморроя**»; «"Синупрет": не затягивайте с **насморком**»; «Если **дисбактериоз**, "Аципол" решит вопрос»; «"Коделак" борется с **кашлем и воспалением** в бронхах»; «"Арбидол" активен против **вирусов**»; «"Кагоцел" позволяет снизить количество **бактериальных осложнений ОРВИ** и уменьшить назначение антибиотиков»; «"Псорисил": комплексное средство от **псориаза**» и мн. др.

Таким образом, функционирующие в рекламных текстах медицинские термины обладают особым воздействующим потенциалом, различные приемы организации рекламных слоганов обладают мощным манипулятивным эффектом в целях продвижения рекламируемого препарата.

3.3.2 Термины медицины в политическом дискурсе

В настоящее время отмечается возрастающий интерес лингвистов к проблеме дискурса активных социальных групп, и прежде всего – политиков. Исследование национальных политических дискурсов с целью выявления особенностей политической картины мира стала актуальной лингвистической реальностью.

Хотя термин «политический дискурс» вошел в научный обиход с появлением когнитивных исследований и стал базовым понятием для нового направления лингвистики, он не получил общепринятого толкования. Так, общепринятое понимание политического дискурса сводится к его определению как текстов, «погруженных» в политическую жизнь; «весь комплекс взаимосвязей между человеком и обществом»; «особый вид аргументативного дискурса, целью которого является пропаганда политических идей для коррекции системы ценностей адресата» [Черская, 2000, с. 133]. Сложность определения понятия, по мнению В.З. Демьянкова, состоит в том, что «политический дискурс лежит на пересечении разных дисциплин – политологии, социальной психологии, лингвистики и связан с анализом формы, задач и содержания дискурса, употребляемого в определенных («политических») ситуациях» [Демьянков, 2002, с. 68]. Таким образом, политический дискурс представляет собой особый вид дискурса, ограниченный сферой политики.

Широко политический дискурс понимает Н.Н. Миронова. В своем исследовании «Оценочный дискурс: проблемы семантического анализа» Н.Н. Миронова говорит о том, что политический дискурс представляет собой «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях» [Миронова, 1997, с. 55]. По мнению Е.И. Шейгал, в широком смысле под политическим дискурсом понимаются «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [Шейгал, 2004, с. 23]. В одной из своих статей О.В. Эпштейн также дает широкое определение политическому дискурсу, трактуя его как «совокупность всех речевых актов, а также публичных правил, традиций и опыта, ситуативно детерминированных и выраженных в форме речевых образований, содержание, субъект и адресат которых относятся к сфере политики» [Эпштейн, 2008, с. 151].

Большинство ученых, таких как А.А. Кибрик, А.А. Купина, А.А. Казанцев, М.В. Ильин, полагают, что политическое действие,

политическое мышление и языковая форма находятся в тесной взаимосвязи, признавая тем самым, что политический дискурс является объектом междисциплинарных исследований.

Многие лингвисты рассматривают политический дискурс в узком смысле. Политический дискурс, с данной точки зрения, рассматривается как явление исключительно публичной или социально-политической сферы. Этому подходу придерживается профессор Амстердамского университета, один из ведущих исследователей данной проблематики, выдающийся нидерландский ученый Т. ван Дейк. Он считает, что «дискурс является политическим, когда он сопровождает политический акт в политической институциональной обстановке» [Дейк, 2013, с. 11]. Австрийский лингвист, профессор Ланкастерского университета Р. Водак утверждает, что «критерием включения текста в поле политического дискурса должна выступать идентичность интенциональной природы этого текста с целью дискурса, то есть завоевание, сохранение и осуществление политической власти» [Водак, 1997, с. 37].

Ю.А. Сорокин, соотнося политический дискурс с идеологическим, отмечает, что «политический дискурс есть разновидность – видовая – идеологического дискурса. Различие состоит в том, что политический дискурс эксплицитно прагматичен, а идеологический – имплицитно прагматичен. Первый вид дискурса – субдискурс, второй вид дискурса – метадискурс» [Сорокин, 1997, с. 57]. Таким образом, в узком смысле политический дискурс – разновидность дискурса, цель которого – сохранение, завоевание и осуществление политической власти.

Ученые также выделяют *институциональный политический дискурс*, в котором используются тексты, созданные политиками и *масс-медийный политический дискурс*, в котором используются тексты, созданные журналистами и распространяемые посредством СМИ [Будаев, 2011, с. 49]. Вслед за А.П. Чудиновым и Э.В. Будаевым в нашей работе мы используем институциональный и масс-медийный политический дискурс.

Таким образом, политический дискурс представляет собой широко информационное понятие, отражающее важную роль в социальной жизни. Политический дискурс насыщен разного рода метафорами – строительными, театральными, зооморфными, сексуальными, криминальными, медицинскими и нек. др.

В политическом дискурсе выделяются лингвистические средства, которые способны влиять на мнение общественности. Одним из таких средств является *политическая метафора*. Политическая метафора, цель которой – манипуляция и управление – ярко отражает современную действительность и передает сложную политическую информацию в более простой форме. На сегодняшний день исследование политической метафоры является одним из наиболее перспективных направлений лингвистики.

Метафора является весьма распространенной в когнитологии формой интерпретации знаний о мире. Ее изучением занимались А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, М.В. Никитин, З.Ю. Петрова, Н.А. Сегал, Г.Н. Складарская, А.П. Чудинов и многие другие. Исследование метафоры, функционирующей в политическом дискурсе все чаще привлекают внимание специалистов.

Традиционно под метафорой понимают «употребление слова или выражения в переносном значении, основанном на сходстве, сравнении, аналогии; слово или выражение таким образом употребленное» [БТС, с. 537]. Словарь лингвистических терминов определяет метафору как «способ выражения, рассматриваемый как перенос абстрактного понятия в конкретный план путем своего рода сокращенного сравнения или, скорее, подстановки» [Марузо, 2004, с. 155]. По мнению Н.Д. Арутюновой, метафорой в широком смысле «может быть назван любой способ косвенного выражения мысли» [Арутюнова, 1990, с. 296].

Как отмечает Н.А. Сегал, «появление новых образов и сценариев, трансформация языковых и культурных кодов, определение новых констант и категорий приводит к расширению метафорического потенциала политического текста» [Сегал, 2017, с. 56]. Лексическая система языка

является одной из наиболее подвижных, в связи с чем все изменения, происходящие в обществе, в первую очередь отражаются на этом уровне. А.В. Васильев считает, что «слова и устойчивые выражения, отражающие и запечатлевающие многообразные явления в сознании людей, способны при определенных условиях воздействовать на носителей языка, выступая стимуляторами, которые вызывают довольно прогнозируемые реакции» [Васильев, 2000, с. 47].

Среди зарубежных исследователей политической метафоры следует назвать такие имена, как Дж. Лакофф и М. Джонсон, М. Осборн, К. де Ландтсхеер, А. Муссолф, В.О. Реган, А. Ченки, И.Р. Гоцци, Т. Ван Дейк. В отечественной лингвистике большой вклад в изучение метафоры внесли Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, И.М. Кобозева, Е.С. Кубрякова, Н.А. Сегал, А.П. Чудинов и др.

Ведущую роль в исследовании метафоры занимает американские лингвисты Дж. Лакофф и М. Джонсон. По мнению ученых, метафора является «важным средством представления и осмысления действительности» [Лакофф, 2004, с. 20]. Исследователи подчеркивают, что политическая метафора является важным инструментом конструирования общественного сознания.

Одним из видов метафор в политическом дискурсе является так называемое «речевое воздействие с целью формирования у реципиента либо положительного, либо отрицательного мнения о той или иной политической единице (политике, партии, программе, мероприятии)» [Баранов, 1991, с. 189]. Исследователи указывают на такие свойства политических метафор, как «подсказывать, настраивать, наводить на определенный тип решения и поведения» [Баранов, 1991, с. 17]. Анализ используемых политиком метафор позволяет выявить его скрытые установки и цели, воспроизвести реальный портрет его личности: «скажи мне, какие метафоры ты используешь, и я скажу тебе, кто ты» [Баранов, 1991, с. 190]. Ученые отмечают, что «политическая

метафора занимает значительное место в политическом диалоге в поиске альтернатив развития общества» [Баранов, 1991, с. 189–190].

Как небезосновательно полагает Н.В. Козырева, к признакам политической метафоры можно отнести «наличие мощного классифицирующего образа, его обобщенность до степени символа, наличие глубокого информационного пласта задействованной культуры и исторической подоплеку, а также его политической мотивированности и антропометрической аксиологичности» [Козырева, 2013, с. 89].

Исследователь И.М. Кобозева говорит о том, что «метафорами, или, выражаясь более осмотрительно, метафороподобными выражениями, все образные построения, имеющие в качестве когнитивной основы уподобление объектов, относящихся к разным областям онтологии» [Кобозева, 2001, с. 136–137]. По ее справедливому замечанию, основными функциями метафоры в политическом дискурсе являются эвристическая и аргументативная.

Отмечается, что в политической речи метафора выполняет также «интерактивную функцию сглаживания наиболее опасных политических высказываний, затрагивающих спорные политические проблемы, минимизируя ответственность говорящего за буквальную интерпретацию его слов адресатом» [Кобозева, 2001, с. 134].

Так, ученые выделяют следующий набор функций, которые реализует метафора в политическом дискурсе: прагматическая, когнитивная, репрезентативная, экспрессивно-эмоциональная, комулятивная, ориентированная на особенности национального самосознания, традиции и культуру этносоциума.

Существуют различные подходы к классификации метафор в политическом дискурсе. Так, А.Н. Баранов противопоставляет органистические и неорганистические метафоры. А.Н. Баранов считает, что «одной из важнейших задач по изменению общественного сознания после октября 1917 года была попытка совмещения органистического способа мышления, которое имело глубокие корни в русском социуме, с

механистическим рациональным мышлением. Цель была очевидна – по возможности снизить значимость органистической модели, поскольку задачи индустриализации требовали иного типа мышления» [Баранов, 1991, с. 190].

А.П. Чудинов выделяет в политическом дискурсе следующие модели метафоры [Чудинов, 2001, с. 2–5]: субсфера «человек» (физиологическая метафора, морбиальная метафора, метафора родства); субсфера «социум» (спортивная метафора, игровая метафора, театральная метафора, криминальная метафора, милитарная метафора); субсфера «природа» (зооморфная метафора, фитоморфная метафора); субсфера «артефакты» (метафора дома, метафора механизма).

В рамках нашего исследования с опорой на концепцию А.П. Чудинова внимание уделяется анализу морбиальной и физиологической метафор, в основе которых лежит нехарактерное для ненаучного дискурса употребление термина подъязыка медицины, который используется для характеристики политических и общественных явлений и ситуаций на основании сходства с данным классом объектов.

Так, выявлено, что морбиальная метафора достаточно распространена в политическом дискурсе. В основе ее семантической структуры лежит сопоставление больного организма человека с политической системой государства и существующим в стране обществом. Истоки появления морбиальных метафор в медийных текстах «восходят к идее уподобления общества живому организму со всеми его особенностями» [Ермакова, 2000, с. 51].

Физиологическая метафора – сопоставление устройства государства с организмом человека. В составе морбиальной метафоры как обязательный компонент выделяется термин клинической подгруппы, номинирующий определенную нозологическую форму, а физиологическая метафора включает термин анатомо-гистологической номенклатуры.

Как подчеркивает Г.Я. Солганик, «традиционность и регулярность использования многих медицинских и биологических терминов в переносном

значении, и употребление «медицинских» метафор носят нередко серийный характер. Если в XIX веке употребление этих слов носило характер новизны и образности и они использовались в художественной литературе, литературно-критических статьях, в публицистике, то в середине XX века рассмотренные «медицинские» метафоры стали языковыми; на первый план в значении анализируемых слов выступил оценочный элемент, что привело к преимущественному использованию их в газетно-публицистическом стиле» [Солганик, 2005, с. 78–79].

Медицинская лексика в политическом дискурсе указывает на негативные характеристики социально-политического явления, стимулируя его устранение. Э.В. Будаев считает, что «метафоры болезней на протяжении долгого времени используются в разных обществах для представления «чужого, угрожающего здоровью общественного организма. В современном политическом дискурсе морбиальные метафоры – значимое средство осмысления действительности и дискредитации политических оппонентов во многих странах» [Будаев, 2008, с. 110].

Так, некоторые морбиальные метафоры обрели статус устойчивых сочетаний в языке экономики, политики, социологии (*голландская болезнь, шоковая терапия* и др.).

В числе метафор группы «*политика/болезнь*» достаточно частотны словосочетания, содержащие лексему «*диагноз*»: «**Диагноз власти – невроз. Украинские эксперты о том, что общество готово к протестам и не готово простить**» [<https://ukraina.ru>, 29.10.2024]; «**Диагноз общества – аполитичность: чем это чревато для России?**» [<https://vk.com>, 15.06.2018]; «**Украина – это диагноз**» [<https://smotrim.ru/audio/2610753>, 17.01.2022]; «**Власть как диагноз. Какими расстройствами страдают политики. Лечить это должны не врачи, а общество**» [Новые известия, 19.08.2019] и мн. др.

Использование единиц словообразовательного гнезда «*боль*»: *болеть, боль, болезнь, переболел* и др. – один из продуктивных способов метафоризации в русскоязычных медиатекстах. При этом денотативная

область функционирования затрагивает практически все сферы политической сферы: *«Но уже сейчас ясно, что американская политика больна»* [www.inosmi.ru, 15.07.2022]; *«Образовательная политика больна насквозь. Православные священнослужители о Едином государственном экзамене»* [www.zyorna.ru, 06.06.2023]; *«Политика больна, очень больна, по крайней мере, в Латинской Америке. Есть исключения, но в целом она скорее больна, чем здорова»* [https://tass.ru/obschestvo/4890992, 21.01.2022]; *«Болезнь налицо. Правда ли, что многие политики переболели проказой?»* [https://aif.ru, 22.05.2020] и мн. др.

Очень часто экономика, отдельные регионы, отрасли хозяйства метафорически обозначаются как *тяжело больной организм*: *«Экономика Украины – это очень больной пациент с целым букетом хронических заболеваний»* [https://aif.ru, 17.05.2021]; *«Россия – «больной человек»?»* [https://monocle.ru, 20.04.2020]; *«Экономика США – пациент в состоянии клинической смерти»* [https://argumenti.ru, 07.10.2020]; *«Украина напоминает пациента в реанимации – врачи собрали все оборудование и медикаменты, чтобы спасти жизнь, но у больного отказали почки»* [https://lenta.ru, 18.10.2024] и мн. др.

Если страна и власть представляются *пациентами*, нуждающимися в срочном оказании медицинской помощи, то люди, партии и социальные институты, активно меняющие действительность – с *медицинским персоналом*. В текстах подчеркивается, что именно они призваны вернуть пациенту утраченное здоровье: *«Россия – "больной человек"? При этом необратимые международные последствия для "государства-больного человека" могут наступить далеко не сразу.* [https://expert.ru, 20.04.2020]; *«Санитары в пыльных шлемах. Как силовики сделали "ковидную" статью УК инструментом политических репрессий»* [https://mbk-news.ew.r.appspot.com, 09.02.2021] и мн. др.

Этиологическими факторами заболеваний, которые могут даже привести к смерти являются вирусы, яд, отравления и связанные с этим

обмороки: «Аутентичный Патриотизм против яда либерализма, прозападного диссидентства и интернационал-социалистического большевизма» [https://dzen.ru, 23.12.2022]; *«Политический обморок. 30 лет назад началось разрушение Берлинской стены»* [https://www.ng.ru, 28.10.2019]; *«При власти Порошенко вся Украина оказалась в обморочном состоянии»* [https://cont.ws, 31.05.2017]; *«Лавров рассказал об «отравленных» российско-американских отношениях»* [https://www.gazeta.ru, 12.09.2018] и др.

При описании изменений и особенностей политических процессов метафорообразующими также часто становятся термины *вирусы, аллергены, микробы, бактерии* и др. Таким образом, подчеркиваются причины политических изменений: *«ЕС заразился "вирусом" и решил самоизолироваться от России, заявил МИД»* [https://ria.ru, 19.11.2022]; *«Посол Китая: «Политический вирус» страшнее эпидемии. Ложь не зайдет далеко, истина восторжествует»* [https://www.mk.ru, 12.04.2020]; *«Вирусная политика: Неожиданной жертвой коронавируса стала демократия»* [https://tsargrad.tv, 18.03.2020]; *«Вирус власти и пандемия кризиса»* [https://delrussia.ru/, 14.04.2020]; *«Политическая аллергия: почему США так бурно реагируют на инцидент со сбитым дроном»* [https://dzen.ru/a/ZBGuKarZFBokpcC9, 15.03.2023]; *«У россиян аллергия на власть»: более половины населения РФ против закона об оскорблении власти»* [https://newdaynews.ru, 08.04.2019] и мн. др.

В политической метафоре органы государственной власти, экономика часто страдают от инфекционных заболеваний: *«Пир политической чумы. Сначала губернатор обманул поверивших в него избирателей, а теперь хочет окончательно забить последний социальный "гвоздь" в сердца тех, кто ему еще верит при этом выдвинув свою кандидатуру на новый срок»* [https://m.ok.ru, 16.07.2022]; *«Примечательно, что сегодня Франция тоже столкнулась с чумой, только политической, в чем окончательно убедились ее граждане. Как вы думаете, кто загнал Францию в тупиковое положение?»*

[<https://dzen.ru>, 17.03.2023]; *«**Политическая корь**. Существует ли связь между отказом от прививок и голосованием за популистские партии при выборах в Европарламент?»* [<https://hij.ru>, 21.09.2020]; *«**Чукотский политический столбняк**. За последние пять лет на Чукотке политические деятели как будто впали в спячку»* [<https://www.ng.ru>, 17.07.2017] и мн. др.

Современная общественно-политическая ситуация воспринимается массовым сознанием как «душевно» нездоровая, что находит свое отражение в медиатекстах: *«**Политическая шизофрения** в XXI веке стала ведущей силой»* [<https://proza.ru>, 25.03.2018]; *«У властей Германии началась **политическая шизофрения**, такое мнение высказал главный редактор швейцарского еженедельника Die Weltwoche Роджер Кенпель»* [<https://ria.ru>, 03.02.2023]; *«В Госдуме назвали возможный запрет на выдачу шенгена россиянам **паранойей**»* [<https://ria.ru>, 26.07.2022]; *«Однако самым ярким примером продолжительного **маразмирования** первого лица государства был генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев»* [<https://www.kommersant.ru>, 14.11.2021]; *«**Психоз коллективного Запада** окончательно принимает глобальные формы»* [<https://aif.ru>, 19.02.2022]; *«**Политический маразм**». Эксперт оценил отказ ЕС и ООН от зерна из России»* [<https://aif.ru>, 06.06.2024] и мн. др.

В представленных метафорах часто встречается терминология области психиатрии. Политические деятели, социум представляются страдающими от некоторых форм ментальных нарушений, а также врожденного физического отклонения: *«К сожалению, **дебилизация общества** уже состоялась, и нам нужно отыгрывать ситуацию назад»* [<https://iz.ru>, 24.12.2017]; *«После этого олигарх Игорь Коломойский назвал министра **дебил**ом и призвал его уйти в отставку. «Я этого не скрываю, что я **дебил**. Так, я прошу... Я шучу», – прокомментировал его слова Милованов»* [lenta.ru, 31.10.2019]; *«**"Имбецилы"**: экс-премьер Великобритании разнес уход американцев из Афганистана»* [<https://www.mk.ru>, 22.08.2021]; *«**Слабоумие** и единство – визитная карточка Украины на внешнеполитической арене»*

[<https://www.mk.ru>, 11.09.2021]; *«Власть идиотов как угроза: американская или глобальная проблема»* [<https://ria.ru>, 04.03.2017]; *«Идиотизм: Эпидемия среди западных политиков»* [<https://tsargrad.tv>, 22.09.2022]; *«Карлики во власти: на Западе политиков-однодневок меняют так часто, как раньше дамы меняли перчатки»* [<https://vm.ru>, 10.11.2022]; *«Очень злобные карлики: В Совфеде отреагировали на высылку российских дипломатов странами Прибалтики»* [<https://life.ru/p/1393007>, 23.04.2021]; *«Гиганты и карлики: Байден и Картеры сфотографировались и стали объектом насмешек»* [<https://www.mk.ru>, 06.05.2021] и др.

Общество и правящая в нем элита часто сравнивается с женским организмом: *«Политическое бесплодие. Навальный способен только на провокации»* [antimaidan.ru, 12.06.2017]; *«Политическая беременность Путина»* [<https://pioneer-lj.livejournal.com>, 12.08.2019]; *«В Ульяновской области власть родила орган справедливости»* [<https://aif.ru>, 20.11.2020] и мн. др.

В некоторых случаях метафорический перенос сопровождается окказиональным словообразованием, отражающим актуальные социальные явления, например эпидемию коронавируса: *«А поскольку действия государства пока что менее безумны, чем в прошлые разы, то экономический ущерб, наносимый коронабесием, пока оказывается меньше, чем в прошлую волну»* [<https://regnum.ru>, 24.11.2020]; *«Коронамаразм. Массовый психоз. Как защититься от вируса»* [<https://www.youtube.com/watch?v=a42BYeK1Pl4>, 18.04.2022]. Введенные единицы создают особый эмоциональный фон, передавая иронию и сарказм авторов текста и вызывая эмоциональную реакцию у читателя.

Так, в современном медийном политическом дискурсе медицинская метафора привлекает внимание к социальным и политическим проблемам. Образы, создаваемые при помощи метафоры в медиатекстах, оказывают мощный воздействующий эффект на читательскую аудиторию. Использование термина – особый прием, способствующий созданию особого

образа, помогая автору подчеркнуть свое отношение к предмету речи. Действительно, если заменить термин на общеупотребительный синоним, стилистический эффект ослабляется, снижается градус остроты и масштабности обсуждаемой в публикации проблемы.

Анализ приведенных примеров позволяет сделать вывод, что власть и государство сравниваются с живым организмом, и изменения, происходящие в политике, уподобляются заболеваниям человека. Медицинская терминология преимущественно описывает патологические процессы, которые имеют отрицательные коннотации, впоследствии транслируемые в метафору.

Выявлено, что наиболее распространенная группа специальной лексики в составе метафоры в российском политическом номинирует виды заболеваний, патологических процессов и состояний, что отражается в описании общественной ситуации в стране как однозначно отрицательной и пессимистичной. К наиболее частотным медицинским терминам можно отнести единицы групп *«физические болезни»* и *«психические болезни»*, которые из-за отсутствия своевременного и должного лечения могут сопровождаться *«осложнениями»*: *«Захарова: выборы в Молдавии прошли, а осложнения для народа остались»* [<https://ria.ru>, 05.11.2024].

Исследуя субсферу «человек» как базу политической метафоры, А.П. Чудинов выделяет *физиологическую метафору* на основе включения терминов «части тела (органы) человека и физиологические действия». Физиологическая метафора – одна из наиболее традиционных метафор в языке СМИ. Наиболее характерный для данной метафорической модели группы «физиологические органы» – различные объекты и реалии действительности могут обозначаться как единый организм.

Голова – часть тела живого организма, которая традиционно ассоциируется с интеллектом и мышлением: *«Лондонская ветвь Ротшильдов лишилась "головы"»* [<https://www.business-gazeta.ru>, 27.02.2024]; *«Глава узбекской диаспоры потерял голову от вседозволенности?»*

[<https://tsargrad.tv>, 19.01.2024]; *«Им же 30 лет **вбивали в голову русофобию и вбили вполне успешно. А новые головы им не пришьешь**»* [<https://www.business-gazeta.ru>, 10.08.2024] и др.

В речи политиков встречаются следующие метафорические конструкции, включающие номинацию *мозг* и связанных с ним образований (*голова, череп, извилины*). Основные функции мозга – мышление, обеспечение жизнедеятельности и регулирование функций организма: *«Запад заинтересован в **утечке мозгов**, а РФ – в развитии партнеров»* [<https://aif.ru>, 24.04.2024]; *«Сама по себе антироссийская пропаганда, "**промывка мозгов**" молодому поколению, отсутствие правовой поддержки, защиты прав соотечественников является серьезным вызовом»* [<https://aif.ru>, 24.12.2020]; *«Украина столкнулась с "**утечкой мозгов**" и провалом в образовательном уровне»* [<https://rg.ru>, 24.11.2023]; *«Рябков пообещал "**капать на мозги**" Трампу для возвращения дипсобственности»* [<https://www.rbc.ru>, 20.12.2024]; *«У ЦБ одна **извилина** в голове – процентная ставка, бороться инфляцией они могут только так, **других извилин** у них нет»* [tsargrad.tv, 02.11.2024] и др.

Сердце и связанная с ним *кровеносная система* (*артерии, вены, сосуды*) обеспечивают жизнедеятельность организма: *«**Сердце власти. Правительство Приморья открыло чувства гражданам**»* [<https://www.mk.ru>, 08.03.2021]; *«Глава Башкирии: «**Промышленность – «сердце политики**»* [<https://panoramarb.ru>, 9.09.2021]; *«Стало известно о «**резанувшей сердце**» Путина ошибке Зеленского»* [<https://360.ru>, 27.12.2020]; *«Александр Романенко: **Банковская система – кровеносная система экономики**»* [<https://www.akzs.ru/news/92/101310>, 03.04.2024]; *«**Это национальное присутствие вдохнет новую кровь в вены общества, нации и чиновники**»* [<https://www.tasnimnews.com>, 19.02.2024] и др.

Мускулы, мышцы и *зубы* демонстрируют силы, потенциальное физическое и иное воздействие на оппонента: *«Путин заявил о необходимости **собрать все ресурсы в кулак**»* [<https://lenta.ru>, 08.04.2020]; *«**Игра мускулами.***

На Западе рассказали, как Россия поставила Украину перед жестким выбором» [<https://baltnews.com>, 31.08.2024]; *«США поиграли мускулами. Как видят судьбу АТР участники саммита в Сингапуре»* [<https://rossaprimavera.ru>, 13.06.2024]; *«Путин заявил, что **власти выбьют зубы** всем врагам России»* [<https://ura.news>, 20.05.2021] и мн. др.

Руки включаются в метафору как лексема, эвфемистически именуемая разные вида деятельности, в том числе осуществляемой «грязными» и «чистыми» руками. Эти руки могут быть «длинными» и «короткими», «своими», «вторыми» и «сломанными»: *«У США "длинные руки", которые тянутся по всей планете»* [<https://iarex.ru>, 07.02.2023]; *«Зачем понадобился новый механизм «второй руки»* [<https://iz.ru>, 16.10.2024]; *«Политика «сломанной руки» вредит репутации страны не меньше газовых войн»* [<https://www.gazeta.ru>, 29.07.2010]; *«"Правая рука Путина" охотится за американскими умами: Минюст США запустил новый рашагейт»* [<https://tsargrad.tv>, 06.09.2024] и мн. др.

Основная функция ног – передвижение: *«Россия нашла "ахиллесову пяту" США, заявила американская разведчица»* [<https://ria.ru>, 26.01.2024]; *«Украина: Путин и Зеленский не подружатся на короткой ноге»*; *«В партийной системе Кремль видит три ноги власти – это ЕР и ЛДПР и небольшая опора на СРЗП»* [<https://msk.kprf.ru>, 10.10.2022]; *«Экономика страны твердо стоит на ногах, сообщил вице-премьер»* [<https://tass.ru>, 06.11.2024]; *«"Не ступала нога чиновника": под Иркутском дети ходят в школу по болоту»* [<https://ria.ru>, 20.02.2021] и др.

Кроме того, метафорически могут представляться некоторые физиологические действия.

Основная функция пищеварения – освобождение от ненужного: *«Власти не в состоянии переварить широкую общественную поддержку жителей Сюника»* [<https://yerkramas.org>, 24.07.2021]; *«Если общество проглатывает размывание своих культурных символов, каким бы они ни были проблемными, то это ведет к повреждению исторической личности»*

[<https://rossaprimavera.ru>, 12.05.2021]; **«США пережуют Зеленского и выбросят на помойку»** [<https://dzen.ru>, 12.12.2023] и др.

Основная функция сна – отдых, успокоение; метафорически сон часто обозначает отсутствие работы, активной жизнедеятельности: **«Пока Америка спит. Мы уже все разобрали»** [<https://bcs-express.ru>, 24.10.2023]; **«Зачем вышли из спячки политики домайданного периода Украины»** [<https://news-front.su>, 18.01.2024]; **«Страна просыпается: народ заставил региональные власти прекратить танцы на костях, армия начала уничтожать инфраструктуру противника»** [<https://katyusha.org>, 15.09.2022]; **«Китай – спящий гигант. Пусть он спит»** [<https://www.ng.ru>, 07.12.2022] и др.

Рождение, смерть и смежные концепты – обозначение возникновения и исчезновения (гибели). Государство, как и человек, в случае благоприятного исхода *выздоровливает* либо в результате безуспешного лечения *умирает*: **«На Западе никак не успокоятся: как Путин сумел возродить Россию и сделать центром мировой политики»** [<https://dzen.ru>, 15.11.2023]; **«Россия воскреснет, удивив мир»: что предсказывал святитель Полтавский»** [<https://www.mk.ru>, 28.10.2024]; **«Симоньян заявила о смерти западной демократии»** [Аргументы и факты, 08.12.2024]; **«В ЦБ назвали условие гибели российской экономики»** [<https://lenta.ru>, 26.06.2024]; **«Симоньян констатировала смерть западной демократии»** [<https://lenta.ru>, 8.12.2024]; **«В Германии возмутились из-за "возрождения" экономики России»** [<https://ria.ru>, 09.09.2023]; **«Военное возрождение Европы: чем грозят России Макрон, Шольц и Сунак»** [<https://news.ru>, 17.01.2024]; **«Реинкарнация идеи "российской ВНР" или новая попытка скрестить курицу и утку»** [<https://www.interfax.ru>, 06.07.2022] и др.

Наркотическое опьянение и смежные концепты проявляются в расслаблении, временном облегчении и т.п. с последующими тяжелыми последствиями: **«Эксперт пообещал "отрезвление" власти в США в ближайшие месяцы»** [<https://rossaprimavera.ru>, 01.07.2022]; **«Министерство обороны Великобритании опьянело от власти — экс-министр»**

[<https://rossaprimavera.ru>, 15.06.2022]; «**"Военный угар" и "наркотические сны"**»: *Медведев высказался о властях Украины*» [<https://www.rambler.ru>, 27.09.2022] и др.

Функция *дыхания* – обеспечение жизненно необходимым: для субъектов политической деятельности это могут быть демократические свободы, но иногда и материальные ресурсы: «**Власти Молдавии перекрывают кислород Гагаузии, заявил Шор**» [<https://ria.ru>, 21.11.2024]; «**Попова рассказала, когда россияне смогут "свободно дышать"**» [<https://profile.ru>, 13.06.2021]; «**"Задыхающаяся" от санкций Европа переживает кризис власти**» [<https://dzen.ru/news>, 15.07.2022] и др.

Метафора, включающая лексику фармации, встречается, если при лечении болезней политикам могут быть выписаны рецепты, применены инъекции, сделаны прививки: «**Никак не придумают вакцину от коррупции**» [Труд, 10.11.2023]; «**Орловским чиновникам требуется прививка. От хитрости и алчности**» [<https://orel.bezformata.com>, 18.08.2021]; «**Это и является главной и единственно значимой целью, так называемой инъекции западной демократии – через использование социального инжиниринга и методов пропаганды парализовать конкурентов и обеспечивать сохранение своих превосходящих позиций**» [<https://dzen.ru/a/YMs3vhtWqBrv7dHZ>, 17.06.2021] и др.

В тяжелых и запущенных случаях оказываются необходимыми интенсивная или даже шоковая терапия, хирургическое вмешательство, ампутация органа с применением наркоза: «**"Уничтожить до основания": что шоковая терапия Гайдара сделала с Россией**» [<https://dzen.ru>, 02.12.2022]; «**"Шоковая терапия": как Россия пережила либерализацию цен 25 лет назад**» [<https://www.rbc.ru>, 02.01.2017] и др.

При лечении заболеваний, охвативших Россию, используют *таблетки, пилюли, горчичники, наркотические вещества, клизмы*: «**"Горькая пилюля". В США рассказали, как поддержка Украины меняет Россию**» [<https://radiosputnik.ru>, 12.09.2023]; «**Универсальная пилюля демократии**

действует на всех» [https://smotrim.ru, 26.11.2020]; «*Чудодейственная политическая таблетка "Путин"*» [https://ok.ru, 18.09.2023] и др.

Представленный материал свидетельствует о высокой структурированности исходной понятийной сферы и наличии у соответствующих метафор значительного эмотивного потенциала.

Анализ физиологической метафоры в политической речи создает оценку, чаще отрицательную. В то же время для физиологической метафоры нетипичны какие-либо ярко выраженные концептуальные векторы и однородные прагматические смыслы, так характерные для других видов метафор. Именно понятность и близость носителю языка данных моделей составляет ее общеизвестность данной тематической группы лежит в основе ее высокой продуктивности.

3.4 Изменение функций медицинских терминов как следствие медиатизации

При исследовании специфики появления медицинской лексики в медиадискурсе нельзя избежать анализа функции СМИ, которые реализуются в процессе коммуникативного акта. Как отмечают исследователи (работы С.С. Борисовой, А.А. Голоднова, М.Р. Желтухиной, Н.Б. Поповой, Е.П. Прохорова и др.), наиболее важным условием информационного взаимодействия в медиадискурсе является установление связи между его участниками. Данный тезис позволяет заключить, что первоочередная по функции СМИ – *коммуникативная*. Кроме того, СМИ призваны выполнять *информационную и воздействующую функции*, так как являются мощным механизмом воздействия на аудиторию, основным источником информации о событиях в мире. СМИ мгновенно реагируют на изменения, происходящие в политике и обществе, поскольку одна из главных целей авторов медийных текстов – донести до читателя актуальные сведения. К второстепенным функциям, реализующимся в дискурсе СМИ, относятся также *культурно-*

образовательная, духовно-идеологическая, регулирующая, рекреативная и нек. др.

Функции, которые выполняет медицинская лексика в медиадискурсе, представлены на схеме 5:

Схема 5. Функциональная характеристика медицинской лексики в медийном дискурсе

Выявлено, что медицинская лексика, функционирующая в медийном дискурсе, характеризуется выполнением следующих функций:

1. **Номинативная функция.** Данная функция реализуется в том случае, если термины, включенные в медийный текст, репрезентируют достоверные знания и употребляются в своем терминологическом значении с целью передачи объективной информации. Например, «*При менингеальной форме ярко выражены **адинамия** и **менингеальные симптомы***» [<https://aif.ru>, 31.05.2021]; «*Клинические проявления ДЦП многообразны и характеризуются прежде всего нарушением мышечного тонуса в скелетной мускулатуре как по типу **спастики**, так и **гипотонии**. В связи с этим описано несколько форм данного заболевания: **спастическая диплегия**, **двойная гемиплегия**, **гемипаретическая**, **гиперкинетическая** и **атонически-астатическая формы***» [<https://aif.ru>, 09.02.2022]; «*Напомним, что в четверг вечером Иоанн Павел II был госпитализирован в римскую клинику Gemelli, где ему в экстренном порядке была сделана **трахеотомия***» [<https://lenta.ru>, 25.02.2021] и мн. др.

Термин должен быть содержательно прозрачен, чтобы не создавать затруднений в понимании не только его, но всего текста в целом. В медийных текстах, имеющих ориентацию на неподготовленного читателя, узкоспециальные медицинские термины, как правило, поясняются.

2. **Когнитивная функция.** Как отмечает В.Ю. Коротун, «когнитивная функция в медийном дискурсе заключается в том, что СМИ не только участвуют в интерпретации и языковом отражении действительности, но и дополняют картину мира посредством конструирования в процессе коммуникации новых смыслов. В результате взаимодействия субъектов в сфере масс-медиа формируется новое знание об окружающей действительности» [Коротун, 2017, с. 45].

Медийная среда не только развертывает в общественном сознании оценку происходящих в мире событий, формируя идеологические ценности, но и способствует распространению существующих и происходящих

изменениях, которыми наполнена социальная и политическая действительность. Таким образом, медиапространство не только отражает действительность, но и формирует понимание мира в человеческом сознании.

Термины в дискурсе СМИ расширяют представление об окружающем мире. Неоспоримым является тот факт, что СМИ играют роль популяризатора специального знания. Информация об актуальных вопросах науки сначала появляется в медиатекстах, и со временем новые термины становятся доступными для понимания большего круга читателей.

3. Коммуникативная функция. Коммуникативная функция связана с тем, что медиатексты дают возможность читателю осмыслить происходящее и проявить эмоции на событие посредством разных информационно-коммуникационных приемов (репост, публикация фотографий, создание мемов, ретвит и мн. др.). Термины, употребленные в своем прямом значении, гарантируют объективность информации, содержащейся в медиадискурсе, и обеспечивают достоверность.

Термины из области медицины и фармацевтики, включенные в тексты, ориентированные на массовую аудиторию, должны соответствовать требованию коммуникативности. Отметим, что отличительной чертой медийных текстов является их доступность, передача информации на примитивном уровне, несмотря на использование медицинских терминов.

4. Аттрактивная функция. В медийных текстах часто используется терминологическая лексика с целью точной передачи информации, а также воздействия на читателя и формирования у него определенного мнения. Использование специальных единиц в медийном дискурсе является действенным психолингвистическим механизмом, при помощи которого СМИ оказывают влияние на общество.

Так, кумуляция специальных слов на ограниченном участке текста может придавать медиатексту напряженный характер: *«Серьезные неврологические нарушения как осложнения Covid-19 включают церебральные инсульты (геморрагические и ишемические), инфекционные*

поражения центральной нервной системы – менингоэнцефаломиелиты, острые рассеянные энцефаломиелиты, – а также поражения периферической нервной системы в виде аутоиммунных полиневропатий» [tass.ru, 02.07.2021]. Такое сосредоточение специальных слов является средством скрытого воздействия на аудиторию: журналист намеренно включает терминологическую лексику, чтобы вызвать беспокойство со стороны читателя.

Реализация аттрактивной функции в рекламных медиа имеет свою специфику. Авторы слоганов используют различные приемы, чтобы вызвать интерес у зрителя/слушателя. С целью привлечения внимания к рекламным текстам, помимо ритма, языковой игры, фразеологизмов, глаголов в форме повелительного наклонения и др., часто используются термины. В современном мире фармацевтические компании находятся в условиях жесткой конкуренции, и одной из главных задач, стоящих перед производителями лекарств, является создание позитивного представления о рекламируемом товаре, чтобы потенциальный покупатель отдал предпочтение выпускаемому данной фирмой продукту. Медицинские термины в рекламных текстах интеллектуализируют текст, вызывая доверие к товару у адресата.

5. Образно-оценочная функция. Единицы языка медицины могут выполнять в медийном дискурсе образно-оценочную функцию, если приобретают переносное значение или входят в состав метафоры.

Выразительная ценность метафор, построенных с использованием терминов основана на реализации двух планов содержания: номинации в прямом, специальном значении и номинации через создание образа, основанного на обнаружении сходства между денотатами разных тематических групп. «Метафора – необычное употребление слова – не уничтожает обычное, более постоянное значение слова-термина, метафора – новое увиденное в термине. Отдаленность сопоставляемых понятий обеспечивает непредсказуемость образов, создаваемых на основе стилистического использования терминов» [Волошина, 1986, 10].

Образующий метафору термин претерпевает семантическую трансформацию, приобретая новое, контекстуально оправданное значение и коннотативные характеристики.

Физиологическая метафора основана на сопоставлении частей тела, органов и протекающих в организме человека физиологических процессов со структурой государства и общества. Так, в медиатекстах политической направленности в состав метафоры включаются анатомические термины *голова* и связанных с ней *мозга, черепа, извилины; сердце* и кровеносная система (*артерии, вены, сосуды*); миологические термины (мышцы, мускулы); *руки и ноги*, а также физиологические действия: *рождение, смерть, сон, пищеварение, дыхание* и нек. др.

Морбиальные метафоры, включающие термины клинической группы, является важным средством категоризации и оценки действительности в медийных текстах. Образы, создаваемые с помощью морбиальной метафоры, как правило имеют отрицательную коннотацию. Наиболее частотными являются термины *диагноз, боль, болезнь, воспаление, язва, корь, чума, яд, отравление, вирусы, микробы, шизофрения, паранойя, маразм* и мн. др. Активность функционирования морбиальной метафоры связана с кризисными ситуациями и негативными социально-политическими последствиями.

Метафоры, включающие специальные единицы фармацевтической группы, основаны на сравнении действия лекарственного препарата как средства решения проблем, имеющих место в политике и обществе. В составе метафорических выражений в политических текстах в большей степени представлены термины *вакцина, прививка, шоковая терапия, пилюля, таблетка*.

Медицинские термины часто используются в текстах политической направленности для того, чтобы дать оценку определенной ситуации, явлению, факту. Имплицитное преподнесение информации является актуальным средством манипулирования.

В подавляющем большинстве медиатекстов медицинские термины используются для создания отрицательной оценки, а также для формирования негативного отношения к тому или иному факту. В прямом терминологическом значении медицинские термины употребляются для обозначения заболеваний, которые вне специальной коммуникации не могут использоваться в позитивном контексте, в силу чего не могут и оцениваться положительно.

Таким образом, медицинская терминология в медийном дискурсе политической направленности является сильным средством создания отрицательной аттракции, воздействующей на читателя, что раскрывает ее эвристический потенциал как перспективного для лингвистики объекта исследования.

6. Просветительская функция. Связана с когнитивной функцией и выражается в популяризации знаний среди населения. Область медицины в связи с той особой ролью, которую она играет для человека, является одной из наиболее популярных и важных тем, освещаемых в СМИ. Как правило, представленная в медиатекстах информация излагается в простой форме, понятной неспециалисту.

Задача авторов медийных текстов – повышение информированности общества в актуальных вопросах здоровья, профилактики и лечения заболеваний: *«Причины онкологических заболеваний во всех странах одинаковы. По статистике, по смертности от рака Россия опережает развитые страны. По частоте, да и по сложности лечения на первом месте стоит лейкоз, второе место занимают опухоли головного мозга»* [Независимая газета, 02.04.2022]; *«Коронавирус, обнаруженный у больных атипичной азиатской вирусной пневмонией, ни на один из известных коронавирусов не похож – обычные вирусы этого семейства вызывают 20 % случаев так называемого "простудного насморка"»* [NEWSru.com, 15.04.2022] и мн. др.

В приведенных примерах отражена информация о распространенности, этимологии, симптомах и возможной летальности заболеваний с целью популяризации знаний об опасных для человека болезнях. Термины, использованные в медийных текстах, становятся доступными широкому кругу читателей.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 3

Статус посредника между СМИ и личностью позволяет определить медийную коммуникацию как устойчивую многоаспектную систему, характеризующуюся определенным набором экстралингвистических свойств и лингвистических признаков, специфических для текстов, функционирующих в современном медийном пространстве. Специфика актуального медиадискурса обусловлена интегративными тенденциями интернационализации и глобализации, влиянием современных телекоммуникационных и интерактивных технологий. СМИ являются не только средством формирования общественного мнения, одним из основных каналов воздействия на человека и источником идеологических установок, но и популяризатором научного знания.

Процесс включения медицинской лексики в медийный текст происходит при помощи расширения спектра набора функций специальных единиц, важное место среди которых занимают термины. Термин в медиасреде, как и в художественном тексте, приобретает характеристики общеупотребительных слов, прочнее закрепляется в языке благодаря различным приемам разъяснения, раскрытия его значения. В связи с этим в медиатекстах, ориентированных на широкую аудиторию, значение специальной лексемы из сферы медицины поясняется, чтобы оградить читателя от возможных затруднений при восприятии текста.

В картотеке диссертационного исследования, включающей 4674 языковые единицы, собранные методом сплошной выборки из медийных текстов 2021–2024 г., наиболее представительной является группа названий болезней, симптомов, нозологических форм, методов диагностики и лечения, именовании врачей и персонала, иными словами, терминов клинической группы (70%). В рекламу активно включаются специальные единицы фармацевтической (15,7%) и анатомической (14,3%) групп.

Медиатизация оценивается как комплексное многоуровневое явление, при котором глобальные социальные процессы взаимовлияния общественных институтов мотивируют взаимовлияние соответствующих дискурсов и, как следствие, приводит к тому, что СМИ начинают активно использовать термины, ранее характерные для узкоспециализированных областей знания.

Выявлено, что некоторые из востребованных в научном дискурсе терминов не подвергаются медиатизации, что связано с отсутствием четкого представления о данных единицах у большинства носителей русской лингвокультуры, а значит, невозможности их использования как инструмента языкового манипулирования. На востребованность и частотность использования лексических средств в медийном дискурсе влияют экстралингвистические факторы, например социальные и политические изменения. Так, наиболее актуальными для периода 2021–2024 гг. являются термины эпидемии коронавирусной инфекции, кардиологии, гинекологии, неврологии и психиатрии. Анализ показал, что активно используются и общемедицинские термины, давно вышедшие в узуальное употребление.

В целях реализации аттракции авторы рекламных слоганов как жанровых единиц медийного дискурса могут использовать разнообразные языковые приемы и средства: ритм, который способствует быстрому восприятию и запоминанию слогана; включение в синтагматическое соседство фразеологизмов; метафора; глаголы в форме повелительного наклонения и др. Особенностью медицинской рекламы также является функционирование эвфемизмов.

Медицинская терминология в основе фигур речи – наиболее активный источник пополнения медийного дискурса новыми стилистическими и оценочными средствами. Погруженные в неспециальный текст медицинские термины могут выполнять ряд специфических функций, которых лишены в строгом научном дискурсе. Сильным по воздействию средством, способным влиять на мнение социума, может считаться созданная на основе медицинского термина метафора – активный источник пополнения фонда

средств языкового манипулирования в политическом дискурсе. В результате детерминологизации специальная единица трансформирует свое значение и функции, в результате чего обрастает коннотациями и приобретает характеристики, несвойственные термину как единице научного знания.

В состав метафорических словосочетаний в медиатекстах политической направленности включаются вербальные компоненты медицинской отрасли знаний, преимущественно клинической и анатомо-гистологической группы, которые именуют болезни, части и органы человеческого тела. В основе семантической структуры морбиальной и физиологической метафоры лежит сопоставление больного организма человека с политической системой государства и существующим в стране обществом, а также сравнение устройства страны с организмом человека. Медицинская терминология преимущественно описывает патологические процессы, которые имеют отрицательную коннотацию, впоследствии транслируемую в метафору.

Таким образом, в современном медийном пространстве метафора, включающая медицинскую лексику, привлекает внимание к социальным и политическим проблемам. Образы, создаваемые при помощи метафоры в медиатекстах, оказывают мощный воздействующий эффект на читательскую аудиторию.

Медицинские термины, встречающиеся в медиатекстах в прямом значении, выполняют номинативную, коммуникативную и когнитивную функции: осуществляется передача научных знаний широкой целевой аудитории и информирование читателей о важности тех или иных действий, связанных с медициной и здоровьем. Как правило, семантическое пространство специальной единицы в СМИ расширяется, изменяется денотативная соотнесенность, устанавливаются новые связи, которые разрушают ограниченные рамки профессионального употребления.

Таким образом, в медийном дискурсе медицинские термины выполняют нехарактерные для специальной единицы функции: аттрактивную, образно-оценочную и просветительскую. Именно комплексный анализ арсенала

традиционных и новых функций медицинских терминов в медийном пространстве позволит глубоко и полно представить их манипулятивный потенциал, установить семантико-прагматические особенности исследуемых единиц как составляющей современной медийной картины мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современной лингвистике антропоцентрическая парадигма приобретает особое значение, позволяя направить исследовательский интерес к проблемам, связанным с человеком и его потребностями. Медицина, бесспорно, является одной из главных сфер жизни социума: вопросы профилактики и сохранения здоровья всегда волновали общественное сознание. Перед медицинской лингвистикой как интегративным направлением XXI века стоит важная задача – установить связь между языком и сферой медицины, в связи с чем возникает острая необходимость проанализировать различные подходы к пониманию новой дисциплины.

Медицинский дискурс как основной объект исследования медицинской лингвистики к настоящему времени рассмотрен достаточно подробно, однако функционально-коммуникативный подход, в рамках которого анализируется язык для специальных целей (LSP) в нашей работе, продолжает оставаться актуальным направлением научного поиска. Так, профессиональная коммуникация невозможна без использования терминов – слов/словосочетаний, обладающих рядом конститутивных признаков и обозначающих в определенной области знания предмет или конкретное научное понятие. В отличие от слов общего употребления, термин соотносится с понятием специальной области знания, обладает точностью, однозначностью, системностью, стилистической нейтральностью, интернациональностью и нек. др.

Медицинская терминология – макротерминосистема, специальные единицы которой обладают признаками, характерными для терминов других областей знания. Тем не менее медицинские термины имеют специфические особенности, выраженные в ориентации на интернациональный аспект, а также включением в состав большого количества эпонимов. Кроме того, медицинская терминология отличается особым словообразовательным потенциалом, который заключается в том, что за аффиксами закрепляется

определенное значение. В работе обобщены различные подходы к систематизации медицинской терминологии, однако особое внимание уделяется классификации специальных единиц в соответствии с представленными в литературе отраслевыми терминосистемами, а именно выделение анатомо-гистологической, клинической и фармацевтической групп медицинской лексики.

Для терминов естественной является сфера науки, в которой специальные единицы реализуют весь набор конститутивных признаков, осуществляют функции хранения и передачи информации и содействуют обогащению и развитию терминосистемы определенной области. Выявлено, что в медицинском научном дискурсе специальные единицы выполняют номинативную, сигнификативную, дефинитивную, когнитивную, коммуникативную, эвристическую и дидактическую функции. Иначе говоря, термины репрезентируют специальные понятия и явления, являются средством обозначения объекта, обладают форматом свернутого знания, представляют собой результат процесса познания окружающей действительности, а также способствуют передаче знаний и открытию новых знаний.

Языковая интерференция, определяемая в научной литературе как взаимодействие языковых систем, в современной лингвистике может быть охарактеризована и как взаимное проникновение языковых единиц различных субсфер – специального и общеупотребительного языка – в аспекте процессов детерминологизации и деспециализации. Выходя за пределы естественной среды функционирования, языковые единицы меняют не только денотативную ориентированность, но и приобретают коннотативные характеристики.

В диссертационном исследовании доказано, что, реализуясь вне научной сферы, специальная единица может характеризоваться существенными трансформациями значения и чаще сопровождается толкованием, а не дефиницией. При этом происходит адаптация специальной научной

информации, стоящей за термином, к коммуникативно-прагматическим условиям речевого общения, рассчитанного на понимание неспециалиста.

С одной стороны, выход специальной единицы в другие виды дискурсов связан с популяризацией медицинского знания. С другой стороны, терминологическое наполнение текста и способы экспликации специальной лексики могут оцениваться как учет интересов потенциальной аудитории и средство отражения языковой личности автора.

Проанализировав состав медицинской лексики в произведениях А.П. Чехова, В.В. Вересаева, М.А. Булгакова, Ф.Г. Углова, Ю.П. Германа, Н.М. Амосова и Ю.З. Крелина, П. Рудича, А.М. Моторова и Д. Правдина, мы пришли к выводу, что наиболее частотны в художественном дискурсе термины в прямом значении, а также латинизмы и эпонимы. Поскольку сюжеты произведений писателей-медиков связаны с врачебной деятельностью, авторы включают в текст узкоспециальные термины как с пояснением содержания, так и без него. Установлено, что термины в переносном значении чаще (около 80%) встречаются в художественных текстах начала XX в. Анализ произведений XIX-XXI вв., в которых встречается медицинская лексика, позволяет установить, что клиническая группа является самой многочисленной. В нашем исследовании она включает 885 единиц из 1189 проанализированных (74%).

Установлено, что в художественных текстах элементы подъязыка медицины, помимо номинативной, коммуникативной и когнитивной функций, свойственных единице профессионального знания, способны выполнять репрезентативную и образно-оценочную функции. Отмечено, что медицинская лексика, взаимодействуя с художественными средствами, способствует воссозданию ситуации общения «врач – больной», позволяя авторам усилить степень достоверности повествования. Кроме того, специальная единица способна приобретать эмоциональные и оценочные приращения, входя в структуру изобразительно-выразительных средств.

Художественный дискурс не является единственной сферой выхода специальной лексики за пределы языка науки. Так, в последние годы все большую значимость приобретают медийный дискурс, который является не только средством формирования общественного мнения, одним из основных каналов воздействия на человека и источником идеологических установок, но и популяризатором научного знания.

Мощным механизмом освоения медицинской лексики в условиях глобализации и модернизации является медиатизация, в результате которой специальная языковая единица также подвергается семантическим и функционально-прагматическим преобразованиям. Миграция терминологической лексики в медийные тексты связана с требованием развернутой аргументации, убедительности и достоверности. Характер распространения специальных единиц подъязыка медицины в медийном дискурсе в первую очередь связан с экстралингвистическими факторами, в частности актуальными социальными и политическими событиями. В медиатекстах 2021–2024 гг. наиболее востребованными являются медицинские термины, нашедшие свое отражение в лексиконе периода эпидемии коронавирусной инфекции (42%).

В картотеке диссертационного исследования, включающей 4674 медицинских термина, собранных методом сплошной выборки из медийных текстов, наиболее представительной является группа клинических терминов (3276 единиц), однако в рекламный дискурс активно включаются термины фармацевтической и анатомической подсистем.

Отличительной особенностью функционирования медицинской лексики в медиадискурсе является ее возможность быть активным источником пополнения медиaprостранства новыми стилистическими ресурсами. Термины, преимущественно клинической и анатомо-гистологической группы, входят в состав метафорических словосочетаний в медийных текстах политической направленности. Власть и государство сравниваются с живым организмом, а изменения, происходящие в политике, уподобляются

заболеваниям человека. Медицинская терминология преимущественно описывает патологические процессы, имеющие отрицательную оценку, которая впоследствии транслируется в метафору.

В дискурсе СМИ медицинская лексика выполняет номинативную, коммуникативную, когнитивную, аттрактивную, образно-оценочную и просветительскую функции. Термины в медийных текстах не только способствуют популяризации научных знаний и усилению информационной составляющей, но и являются мощным психолингвистическим механизмом воздействия на общественное сознание. Медицинская лексика в политическом дискурсе раскрывает свой метафорический потенциал, становясь в новом стилевом окружении образным средством языка.

Таким образом, погруженные в неспециальный текст медицинские термины могут выполнять ряд специфических функций, которых лишены в строгом научном дискурсе. Во всех исследованных видах дискурса термин выполняет номинативную, коммуникативную и когнитивную функции. В ненаучном дискурсе термин теряет характеристики свернутого знания, семантика специальных единиц подъязыка медицины расширяется, изменяется предметная соотнесенность, устанавливаются новые связи, которые разрушают ограниченные рамки профессионального терминопотребления, что ведет к изменению природы термина. К специфическим для термина как единицы специального знания относятся следующие функционально-прагматические характеристики: репрезентативная (в художественном дискурсе), аттрактивная и просветительская (в медийном дискурсе), а также общая для художественного и медийного – образно-оценочная функция.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова, Г.А. Медицинская лексика: основные свойства и тенденции развития: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Г.А. Абрамова. – Краснодар, 2003. – 241 с.
2. Авербух, К.Я. Общая теория термина: учебное пособие / К.Я. Авербух. – М.: МГОУ, 2006. – 252 с.
3. Айрапетян, А.Т. Краткий медицинский терминологический словарь / А. Т. Айрапетян, В. Ф. Даллакян // Министерство образования и науки РФ, ГКА им. Маймонида, Факультет социальной медицины. – М.: Человек: Издательский дом Коган и Барановский, 2010. – 191 с.
4. Акаева, Э.В. Коммуникативные стратегии профессионального медицинского дискурса: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Э.В. Акаева. – Омск, 2007. – 23 с.
5. Акинин, Ю.В. Детерминологизация английской экономической терминологии: лингвокультурный и функциональный аспект: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ю.В. Акинин. – Самара, 2010. – 27 с.
6. Аксенова, Г.Н. Особенности лингвистического и логико-понятийного аспектов изучения медицинских терминов / Г.Н. Аксенова, Н.Е. Кожухова, А.А. Шарапа // Белорусский медицинский журнал. – 2004. – № 4. – С. 105–108.
7. Амосов, Н.М. Мысли и сердце. – М.: Диалектика, 2022. – 256 с.
8. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 683 с.
9. Арутюнова, Н.Д. Языковая метафора: Синтаксис и лексика / Н.Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1979. – С. 150–156.
10. Ахманова, О.С. Очерки по общей и русской лексикологии / О.С. Ахманова. – М.: УРСС, 2004. – 294 с.

11. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
12. Баранов, А.Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. – М.: Знание, 1991. – 64 с.
13. Баранов, А.Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1991. – С. 184–193.
14. Барсукова, М.И. Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М.И. Барсукова. – Саратов, 2007. – 21 с.
15. Бейлинсон, Л.С. Характеристики медико-педагогического дискурса (на материале логопедических рекомендаций): автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / Л.С. Бейлинсон. – Волгоград, 2001. – 24 с.
16. Бекишева, Е.В. Категориальные основы номинации болезней и проблем, связанных со здоровьем: монография / Е.В. Бекишева. – Самара: Содружество, 2007. – 250 с.
17. Бекишева, Е.В. Новые направления в исследовании медицинской терминологии / Е.В. Бекишева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – №4. – С. 260–264.
18. Богатикова, Е.П., Мишланова, С.Л., Филиппова, А.А. Особенности представления специального знания в медицинском дискурсе / Е.П. Богатикова, С.Л. Мишланова, А.А. Филиппова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 3. – С. 215–217.
19. Борисова, С.С. Персуазивные стратегии в аналитических жанрах медиатекста (на материале немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С.С. Борисова. – Орел, 2016. – 250 с.
20. Будаев, Э.В. Современная политическая лингвистика: учебное пособие / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Н. А. Красильникова. – Екатеринбург: Флинта, 2011. – 252 с.

21. Будаев, Э.В., Чудинов, А.П. Метафора в политической коммуникации / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 248 с.
22. Булгаков, М.А. Записки юного врача / М.А. Булгаков. – М.: Изд. дом Мещерякова, 2007. – 137 с.
23. Булгаков, М.А. Мастер и Маргарита / М.А. Булгаков. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2006. – 594 с.
24. Булгаков, М.А. Роковые яйца / М.А. Булгаков. – М.: Феникс, 2024. – 141 с.
25. Булгаков, М.А. Собачье сердце: сборник / М.А. Булгаков. – М.: АСТ, 2007. – 555 с.
26. Буянова, Л.Ю. Термин как единица логоса: монография / Л.Ю. Буянова. – М.: Флинта, 2012. – 224 с.
27. Васильев, А.Д. Слово в телеэфире: очерки новейшего словоупотребления в российской телевидении / А. Д. Васильев. – Красноярск: Флинта, 2000. – 224 с.
28. Вересаев, В. В. Записки врача / Викентий Вересаев. – М.: АСТ. – 2010. – 442 с.
29. Верещагин Е. М., Костомаров, В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
30. Винокур, Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии / Г.О. Винокур // Сборник статей по языковедению. – М., 1939. – С. 3–54.
31. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.
32. Волошина, Л.И. Термин-метафора в художественном тексте / Л.И. Волошина. – Краснодар, 1986. – 14 с.
33. Гавранек, Б. Задачи литературного языка и его культура / Б. Гавранек // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс. – 1967. – С. 338–377.

34. Гаранин, А.А., Гаранина Р.М. О месте эпонимов в современной медицинской терминологии / А.А. Гаранин, Р.М. Гаранина // Вопросы ономастики. – Екатеринбург. – 2019. – Т. 16. – № 3. – С. 110–124.
35. Герман, Ю.П. Рассказы о Дзержинском / Ю.П. Герман. – Ленинград: Детская литература: Ленингр. отд-ние, 1989. – 139 с.
36. Гончаренко, Н.В. Суггестивные характеристики медицинского дискурса: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.В. Гончаренко. – Волгоград, 2007. – 27 с.
37. Головин, Б.Н. Введение в языкознание: учебное пособие для филол. спец. вузов / Б.Н. Головин. – М.: Высш. шк., 1983. – 231 с.
38. Головин, Б.Н., Кобрин, Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах: Учебное пособие для филологических спец. Вузов / Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин. – М.: Высшая школа, 1987. – 104 с.
39. Граудина, Л.К., Ширяев Е.Н. Культура русской речи / Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев. – М.: Норма-Инфра, 1999. – 549 с.
40. Гринев-Гриневиц, С.В. Терминоведение: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / С.В. Гринев-Гриневиц. – М.: Академия, 2008. – 302 с.
41. Громенко, Е.С. Русский язык коронавирусной эпохи: коллект. моногр. / Е.С. Громенко, Н.В. Козловская, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева, Ю.С. Ридецкая. – СПб.: Ин-т лингвист. исслед. РАН, 2021. – 610 с.
42. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт // пер. с нем. М.И. Левина, О.А. Гулыга, А.В. Михайлов, С.А. Старостин, М.А. Журиная. – М.: Прогресс, 1985. – 448 с.
43. Гуреева, А.Н., Кузнецова, В.С. Концептуализация феномена медиатизации политики: основные теоретические подходы / А.Н. Гуреева, В.С. Кузнецова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2021. – 10 (1). – С. 191–205.

44. Даниленко, В.П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов / В.П. Даниленко // Исследования по русской терминологии. – М.: Наука, 1971. – С. 7–68.

45. Даниленко, В.П. «Фамильные» слова и термины / В.П. Даниленко // Русская речь. – 1974. – №2. – С. 147–150.

46. Даниленко, В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В.П. Даниленко. – М.: Наука, 1977. – 245 с.

47. Дейк, Т.А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т.А. ван Дейк. – М.: ЛИБРОКОМ, 2013. – 352 с.

48. Демьянков, В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В.З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – 2002. – №3. – 32–43.

49. Дзялошинский, И.М. Современное медиапространство России: учебное пособие для студентов вузов / И.М. Дзялошинский. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 312 с.

50. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь / Т.Г. Добросклонская. – М.: Наука, 2008. – 264 с.

51. Дускаева, Л.Р. Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / Л.Р. Дускаева, В.В. Васильева, Ю.М. Коняева, А.А. Малышев, Т.Ю. Редькина. – М.: Флинта, 2018. – 440 с.

52. Евгеньева, А.П. Малый академический словарь / А.П. Евгеньева. – М.: Полиграфресурсы, 1999. – 78964 с.

53. Ермакова, О.П. Русский язык конца XX столетия / В.Л. Воронцова, М.Я. Гловинская, Е.И. Голованова, О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Н.Е. Ильина, М.В. Китайгородская, Е.В. Какорина, Л.П. Крысин, Н.Н. Розанова. М.: Языки русской культуры, 2000. – 473 с.

54. Жидкова, Ю.Б. Функционирование медицинской терминологии в художественных произведениях русских писателей XIX – начала XXI веков:

на материале прозы А.П. Чехова, В.В. Вересаева, М.А. Булгакова, Ю.П. Германа, В.П. Аксенова, Л.Е. Улицкой: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ю.Б. Жидкова. – Воронеж, 2008. – 185 с.

55. Желтухина, М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / М.Р. Желтухина. – М., 2004. – 297 с.

56. Жеребило, Т.Л. Словарь лингвистических терминов / Т.Л. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.

57. Жура, В.В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / В.В. Жура. – Волгоград, 2008. – 42 с.

58. Земская, Е.А., Розанова, Н.Н. Языковая игра. Русская разговорная речь / Е.А. Земская, Н.Н. Розанова. – М.: Наука, 1983. – 238 с.

59. Зубкова, О.С. Специфика функционирования метафоры в индивидуальном лексиконе (на примере медицинской метафоры в разных видах дискурса): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О.С. Зубкова. – Курск, 2006.

60. Ивченков, В.И. Новые модели коммуникации и стилистические приоритеты современного медиадискурса / В.И. Ивченков // Медиалингвистика. – Т. 6 (1). – Белорусский государственный университет. – 2019. – С. 135–144.

61. Исаева, Л.А. Художественный текст: скрытые смыслы и способы их представления / Л.А. Исаева. – Краснодар, 1996. – 310 с.

62. Казакова, Д.В. Категория комического в медицинском дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Д.В. Казакова. – Кемерово, 2013. – 312 с.

63. Казарина, С.Г. Типологические характеристики отраслевой терминологии: монография / С.Г. Казарина. – Краснодар: КГУФКСТ, 2020. – 334 с.

64. Казарина, С.Г. Терминологические системы подъязыка медицины: структурно-типологический аспект / С.Г. Казарина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2023. – № 5. – С. 1395–1399.

65. Канделаки, Т.Л. Семантика и мотивированность терминов / Т.Л. Канделаки. – М.: Наука, 1997. – 167 с.
66. Капанадзе, Л.А. О понятиях «термин» и «терминология» / Л.А. Капанадзе // Развитие лексики современного русского языка. – М.: Наука, 1965. – С. 75–85.
67. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 264 с.
68. Кибрик, А.А. Обосновано ли понятие «дискурс СМИ»? / А.А. Кибрик // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. – Вып. 6. – Орел: ОГГИК, ООО ПФ «Оперативная полиграфия», 2008. – С. 6–11.
69. Кобозева, И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры / И. М. Кобозева // Вестник МГУ. – Серия 9. – «Филологические науки». – № 6. – 2001. – С. 134–137.
70. Кобрин, Р.Ю. О понятиях «терминология» и «терминологическая система» // Татаринцев В. А. История отечественного терминоведения: в 3-х т. М.: Московский Лицей, 2003. – Т. 3. Аспекты и отрасли терминологических исследований (1973-1993). – С. 35–40.
71. Ковтунова, Е.А., Езан, И.Е. Аспекты медиатизации немецких терминов. / Е.А. Ковтунова, И.Е. Езан // Вестник Московского государственного лингвистического университета, 2022. – С. 54–61.
72. Кожанов, Д.А. Когнитивно-прогностический потенциал терминов в художественном дискурсе / Д.А. Кожанов // Филология и человек. – 2024. – № 3. – С. 159–166.
73. Козырева, Н.В. Метафора как оператор прагма-когнитивной модификации английского политического дискурса / Н.В. Козырева // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2013. – № 4. – С. 89–95.
74. Комарова, З.И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание: монография / З.И. Комарова. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. – 156 с.

75. Копачевская, С.М. Языковые и неязыковые особенности медицинской рекламы на российском радио / С.М. Копачевская // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема, 2012. – № 1. – С. 52–59.

76. Косова, М.В. Терминологизация как процесс переосмысления русской общеупотребительной лексики: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / М.В. Косова. – Волгоград, 2004. – 403 с.

77. Кольцова, Л.М. Художественный текст в современной лингвистической парадигме: учебно-методическое пособие / Л. М. Кольцова, О.А. Лунина. – Воронеж, 2007. – 51 с.

78. Кондратьев, Д.К., Хомич, Е.Н. Латинский язык: Учебно-методическое пособие для студентов педиатрического факультета / Д.К. Кондратьев, Е.Н. Хомич // Гродно: ГрГМУ, 2014. – 157 с.

79. Коротун, В.Ю. Когнитивно-прагматические особенности функционирования музыкальных метафор в структуре английского масс-медийного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / В.Ю. Коротун. – Краснодар, 2017.

80. Кохтев, Н.Н. Реклама: искусство слова. Рекомендации для составителей рекламных текстов / Н.Н. Кохтев. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 93 с.

81. Кочеткова, Т.В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Т.В. Кочеткова. – Саратов, 1999. – 534 с.

82. Крелин, Ю.З. Переливание сил: Из жизни хирургов / Ю.З. Крелин. – М.: Моск. рабочий, 1977. – 240 с.

83. Крелин, Ю.З. Хирург / Ю.З. Крелин. – М.: Книга-Сэфер, 2013. – 448 с.

84. Крысин, Л.П. Речевое общение и социальные роли говорящих / Л.П. Крысин // Социально-лингвистические исследования / АН СССР. Ин-т рус. языка. – М.: Наука, 1975. – С. 42–52.

85. Крюкова, Н.Ф. Метафорика и смысловая организация текста: монография / Н. Ф. Крюкова. – Тверь: Научное издание, 2000. – 162 с.

86. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – С. 144–238.
87. Кубрякова, Е.С., Александрова О.В. / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Материалы научной конференции. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 19–20.
88. Кузнецов, С.А. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2008. – 1536 с.
89. Кузнецова, А.В. Рецептивно-интерпретативное пространство художественного текста: проблемная парадигма / А.В. Кузнецова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. – № 12. – С. 118–121.
90. Кузьмина, Н.А. Современный медиатекст: учебное пособие / Н.А. Кузьмина. – Омск, 2011. – 414 с.
91. Куликова, В.А. Медиатизация когнитивных терминов: корпусное исследование / В.А. Куликова // Медиалингвистика. – 2024. – № 2. – С. 162–178.
92. Куриленко, В.Б. Методология и методика непрерывного профессионально ориентированного обучения русскому языку иностранных медиков: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02 / В.Б. Куриленко. – М., 2017. – 561 с.
93. Куриленко, В.Б. Лингвотерапевтическая направленность как базовая категория медицинского дискурса [Электронный ресурс] / В.Б. Куриленко // Современные научные исследования и инновации. – 2012. – № 1. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2012/01/6431> (дата обращения: 25.08.2024).
94. Кутина, Л.Л. Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем / Л.Л. Кутина // Лингвистические проблемы научно-технических терминологий. – М.: Наука, 1970. – С. 82–94.
95. Кухаренко В.А. Интерпретация текста / В.А. Кухаренко. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.

96. Лазарева, М.Н., Нечай, М.Н. Латинский язык и терминология фармации / М.Н. Лазарева, М.Н. Нечай. – М.: КноРус, 2023. – 548 с.
97. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: УРСС Эдиториал, 2004. – 256 с.
98. Лату, М.Н. Информационные блоки и характер системных связей в определениях политических терминов / М.Н. Лату // Политическая лингвистика. – Екатеринбург. – 2017. – № 5 (65). – С. 216–220.
99. Левандровская, Н.В. Глагольная синонимия в терминологии военной авиации (на материале английского и русского языков) / Н.В. Левандровская, // Современная лингвистика: теория и практика: материалы VII межвуз. науч.-метод. конф. – Ч. 1. – Краснодар. – 2007. – С. 97–101.
100. Левковская, К.А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала / К.А. Левковская. – М.: Высшая школа, 1962. – 296 с.
101. Лившиц, Т.Н. Специфика рекламы в прагматическом и лингвистическом аспектах: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.Н. Лившиц. – Таганрог, 1999. – 26 с.
102. Лейчик, В.М. Оптимальная длина и оптимальная структура термина / В.М. Лейчик // Вопросы языкознания. – М., 1981. – № 2. – С. 63–73.
103. Лейчик, В.М. Новое в советской науке о терминах (обзор тематических сборников ИРЯ АН СССР) / В.М. Лейчик // Вопросы языкознания. – 1983. – № 5. – С. 118–127.
104. Лейчик, В.М. О языковом субстрате термина / В.М. Лейчик // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1986. – № 5. – С. 87–97.
105. Лейчик, В.М. Люди и слова: Как рождаются и живут слова в русском языке/ В.М. Лейчик. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 216 с.
106. Лейчик, В.М. Терминоведение: предмет, метод, структура / В.М. Лейчик. – Изд. 4-е. – М.: URSS, 2009. – 255 с.

107. Лейчик, В.М. Обсуждение проблем эпонимии в современной науке [Электронный ресурс] / В.М. Лейчик // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: I Междунар. заочная науч.-практ. конф. – 2011. – Режим доступа: http://www.lingexpert.ru/conference/langlaw1/leitchik_eponyms.html (дата обращения: 19.10.2023).

108. Лихачев, Д.С. Письма о добром и прекрасном / Д.С. Лихачев. – М.: Дет. лит., 1985. – 207 с.

109. Лихтенштейн, И.Е. Медицина в жизни и творчестве М. Булгакова / И.Е. Лихтенштейн // Клиническая медицина. – 1988. – Т. 66. – № 8. – С. 149–151.

110. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. / Ю.М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

111. Лотте, Д.С. Очередные задачи технической терминологии / Д.С. Лотте // Изв. АН СССР. Сер. VII. Отд-ние общественных наук. – Ленинград: Государственная академическая типография, 1931. – С. 883–891.

112. Лотте, Д.С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики / Д.С. Лотте. – М.: АН СССР, 1961. – 160 с.

113. Лубожева, Л.Н. Роль профессиональной лексики в обогащении словарного состава общеупотребительного языка (на материале экономической терминологии английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Л.Н. Лубожева. – Челябинск, 2006. – 204 с.

114. Лурия, А.Р. Психология познания. За пределами непосредственной информации / А.Р. Лурия. – М.: Прогресс, 1977. – С. 5.

115. Маджаева, С.И. Термины в медицинском дискурсе / С.И. Маджаева // Вестник Челябинского государственного университета, 2011. – № 33 (248). – С. 92–94.

116. Маджаева, С.И. Медицинские терминосистемы: становление, развитие, функционирование: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / С.И. Маджаева. – Волгоград, 2012. – 357 с.

117. Майборода, С.В. Медицинский дискурс: современные теоретико-методологические подходы и перспективы исследования / С. В. Майборода // Современные дискурсивные практики. – 2017. – С. 63–74.
118. Макарова, А.А. Детерминологизация единиц экономики и бизнеса в современном русском языке: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.А. Макарова. – М., 2007. – 25 с.
119. Манаенко, Г.Н. Когнитивные основания информационно-дискурсивного подхода к анализу языковых выражений и текста / Г.Н. Манаенко // Язык. Текст. Дискурс: межвузовский научный альманах. – Вып. 3. – Ставрополь: СГПИ, 2005. – С. 30.
120. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов / Марузо, Ж. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 440 с.
121. Марьянчик, В.А. Медиа-политический текст: сценарии, нормы, стереотипы: монография / В.А. Марьянчик. – Архангельск: Поморский университет, 2011. – 282 с.
122. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
123. Меве, Е.Б. Медицина в творчестве и жизни А.П. Чехова / Е.Б. Меве. – Киев: Здоровья, 1989. – 277 с.
124. Миронова, Н.Н. Оценочный дискурс: проблемы семантического анализа / Н.Н. Миронова // Известия АН. – 1997. – № 4. – С. 52–59.
125. Митрофанова, О.Д. Язык научно-технической литературы / О.Д. Митрофанова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 145 с.
126. Мишланова, С.Л. Термин в медицинском дискурсе: Образование, функционирование, развитие: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / С.Л. Мишланова. – М., 2003. – 392 с.
127. Моисеев, А.И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке: учебное пособие. – Ленинград: Ленинградский университет, 1987. – 206 с.

128. Моисеев, А.И. О языковой природе термина / А.И. Моисеев // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии – М.: Наука, 1970. – С. 127–138.

129. Морозова, Л.А. Особенности функционирования специальной лексики в неспециальной литературе (на материале медицинской терминологии) / Л.А. Морозова // Современные проблемы терминологии. – М.: Наука, 1986. – С. 107–123.

130. Морозова, Л.А. Размышления о новых терминах / Л.А. Морозова // Русская словесность. – М., 1993. – №1. – С.89–92.

131. Моторов, А. Юные годы медбрата Паровозова / А. Моторов. – Corpus, 2021. – 512.

132. Мотько, М.Л. Метафора в метаязыке лингвистики: на материале английского языка: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / М.Л. Мотько. – Горно-Алтайск, 2007. – 24 с.

133. Новикова, Н.В. Даниленко, В.П. Основные лингвистические черты специального языка / Н.В. Новикова, В.П. Даниленко // Культура русской речи. – М.: Норма-Инфра, 1999. – С. 174–178.

134. Новодранова, В.Ф. Латинские основы медицинской терминологии (именное словообразование): автореф. дис. ...д-ра филол. наук: 10.02.19 / В.Ф. Новодранова. – М., 1989. – 47 с.

135. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азъ, 1995. – 907 с.

136. Палютина, З.Р. Медицинская лингвистика как новое научное направление: проблемы становления и развития / З.Р. Палютина // Медицинский вестник Башкортостана. – 2013. – Т. 8. – №3. – С. 104–106.

137. Панаева, Е.В. Функции специальной лексики в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е.В. Панаева. – М., 2005. – 189 с.

138. Пантеева, К.В. Интердискурсивность и особенности ее проявления в спортивном дискурсе / К.В. Пантеева // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2020. – 39 (2). – С. 289–298.

139. Парновский, Б.Л. Основы фармацевтической информации / Б.Л. Парновский, В.И. Прокопишин, Л.А. Гордиенко, М.Д. Брумарел. – Кишинев, Штиинца, 1986. – 162 с.

140. Первухина, С.В. Лингвопрагматические и функционально-стилистические характеристики рекламно-медицинского субдискурса / С.В. Первухина // Ученые записки петрозаводского государственного университета. – 2019. – № 1. – С. 51–56.

141. Пескова, Е.Н. Метафора как средство реализации интенций в политическом дискурсе (на материале текстов региональных предвыборных кампаний): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Е. Н. Пескова. – Челябинск, 2006. – 171 с.

142. Пешкова, К.Ю. Функционирование медицинской терминологии: семантика, синтактика (на материале русско-французской терминологии функциональной диагностики нервных болезней): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Н. Новгород, 1995. – 246 с.

143. Пиотровский, Р.Г. Системное исследование лексики научного текста / Р.Г. Пиотровский, Н.П. Рахубо, М.С. Хажинская. – Кишинев: Штиинца, 1981. – 159 с.

144. Пономаренко И.Н. Системный анализ терминологии биохимии в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И.Н. Пономаренко. – Краснодар, 1993. – 19 с.

145. Пономаренко, И.Н, Уварова, И.В. Медицинский термин в неспециальном дискурсе / И.Н. Пономаренко, И.В. Уварова // Казанская наука. – 2016. – №3. – С. 95–97.

146. Пономаренко, И.Н., Рыбалко, Е.И. Имя собственное в специальной лексике / И.Н. Пономаренко, Е.И. Рыбалко // Русский язык и ономастика в

поликультурном образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы. – Майкоп, 2017. – С. 432–435.

147. Пономаренко, И.Н., Сегал, Н.А. Универсальный принцип симметрии в объектах лингвистики / И.Н. Пономаренко, Н.А. Сегал. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. – 200 с.

148. Попов, А.Ю. Формы экономических текстов и дискурсов / А. Ю. Попов // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сборник научных статей. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. – С. 130–137.

149. Правдин, Д.А. Записки районного хирурга / Д.А. Правдин. – М.: АСТ, 2023. – 416 с.

150. Правдин, Д.А. Хирург возвращается / Д.А. Правдин. – М.: АСТ, 2014. – 320 с.

151. Правдин, Д.А. Хирург «на районе» / Д.А. Правдин. – М.: АСТ, 2015. – 416 с.

152. Прохоров, Е.П. Введение в теорию журналистики: учебник / Е.П. Прохоров. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект-Пресс, 2003. – 351 с.

153. Прохорова, В.Н. Об эмоциональности термина / В.Н. Прохорова // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука. – С. 153–159.

154. Прохорова, В.Н. Образование специальной терминологии в современном русском языке / В.Н. Прохорова. – М.: Изд-во МГУ, 1967. – 26 с.

155. Реформатский, А.А. Что такое термин и терминология / А.А. Реформатский. – М.: Изд-во восточной лит., 1961. – 47–51 с.

156. Реформатский, А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформатский. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 536 с.

157. Решетун, А.М. Вскрытие покажет. Записки увлеченного судмедэксперта / А.М. Решетун. – М.: Альпина-Паблицер, 2017. – 215 с.

158. Ричардс, А.А. Философия риторики / А. А. Ричардс // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 44–67.

159. Розенталь, Д.Э. Практическая стилистика русского языка: Учебник для вузов по специальности «Журналистика» / Д.Э. Розенталь. – М.: Высшая школа, 1987. – 399 с.

160. Розенталь, Д.Э., Теленкова, М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Мир и образование, 2023. – 624 с.

161. Рудич, П. Не уверен – не умирай! Записки нейрохирурга / П. Рудич – М.: АСТ, 2013. – 311 с.

162. Салатова, Л.М., Сурменева, Ю.В. Морбиальная метафора политического кризиса на Украине в массмедийных дискурсах России и США / Л.М. Салатова, Ю.В. Сурменева // Грамота. – Тамбов, 2017. – № 5 (71). – С. 140–144.

163. Салмина, Д.В., Куликова, И.С. Проблемы современного терминоведения. Лингвистические термины за пределами специального текста: учебное пособие для вузов / Д.В. Салмина, И.С. Куликова. – М.: Юрайт, 2022. – 325 с.

164. Сегал, Н.А. Категория пространство в лингвокогнитивном освещении: на материале русскоязычных политических текстов 2005–2013 гг.: монография / Н. А. Сегал. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2015. – 242 с.

165. Сегал, Н.А. Метафоризация цели в русскоязычном медиадискурсе / Н.А. Сегал // Вестник Калмыцкого университета. – 2018. – № 1. – С. 99–104.

166. Сегал, Н.А., Мищенко, А.Н., Уварова, И.В. Новые слова и значения в русском языке XXI века (на примере языковой единицы «фейк») / Н.А. Сегал, А.Н. Мищенко, И.В. Уварова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2022. – № 3. – С. 35–41.

167. Семашко, Н.А. Большая медицинская энциклопедия Н.А.Н.А. Семашко. – М.: Советская энциклопедия, 1928. – 5688 с.

168. Сидорова, Н.Ю. Коммуникативное поведение неравностатусных субъектов медицинского дискурса: на материале немецкого языка:

автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н.Ю. Сидорова. – Волгоград, 2008. – 22 с.

169. Смирнова, А.Г. Функционирование терминов медицинской науки в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.Г. Смирнова. – Алма-Ата, 1985. – 171 с.

170. Солганик, Г.Я. К определению понятий «текст» и «медiateкст» / Г.Я. Солганик // Вестник Моск. Ун-та. Серия 10. Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 7–15.

171. Солнцева, Е.С. К вопросу о свойствах медиадискурса / Е.С. Солнцева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – С. 147–152.

172. Соловьева, Ю.О. Популярно-юридический дискурс vs медийный юридический дискурс / Ю.О. Соловьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2022. – С. 15–21.

173. Сорокин, Ю.А. Политический дискурс: попытки истолкования понятия / Ю.А. Сорокин // Политический дискурс в России. – М.: Ин-т языкознания РАН. – 1997. – С. 57–62.

174. Сорокин, Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-90 годы XIX века / Ю.С. Сорокин. – Ленинград: Наука, 1965. – 565 с.

175. Степаненко, А.В. Лингвокогнитивные особенности функционирования метафоры в политическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / А.В. Степаненко. – М., 2002. – 254 с.

176. Степанов, Г.В. Стихия языка в стихии споров / Г.В. Степанов // Литературная газета. – М.: Литературная газета. – 1984. – № 26. – С.12–15.

177. Степанов, Ю.С. В трехмерном пространстве языка Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю.С. Степанов. – М., 1985. – 334 с.

178. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца 20-го века: Сб. ст. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т. – 1995. – С. 35–73.
179. Стернин, И.А. О двух условиях семантического варьирования слова / И.А. Стернин // Лексическое значение в системе языка и в тексте. – Волгоград, 1985. – С. 113–116.
180. Суперанская, А.В. Терминология и номенклатура / А.В. Суперанская // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Ленинград, 1976. – С. 73–83.
181. Суперанская, А.В., Подольская, Н.В., Васильева, Н.В. Общая терминология: вопросы теории / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. – М.: Наука, 1989. – 243 с.
182. Татаринов, В.А. История отечественного терминоведения: В 3 т. / В.А. Татаринов. – М.: Московский Лицей, 1994. – Т. 1: Направления и методы терминологических исследований: очерк и хрестоматия. – 251 с.
183. Татаринов, В.А. Общее терминоведение: энциклопедический словарь / В.А. Татаринов. – М.: Московский Лицей, 2006. – 526 с.
184. Топоров, Г.Н. Словарь терминов по клинической анатомии / Г.Н. Топоров, Н.И. Панасенко. – М.: Медицина, 2008. – 464 с.
185. Уварова, И.В. Семантика и структура терминов физической химии в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И.В. Уварова. – Ростов-на-Дону, 1992. – 19 с.
186. Углов, Ф.Г. Человек среди людей: Записки врача / Ф.Г. Углов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Мол. гвардия, 1982. – 336 с.
187. Углов, Ф.Г. Под белой мантией / Ф.Г. Углов. – М.: АСТ, 2014. – 477 с.
188. Углов, Ф.Г. Сердце хирурга / Ф.Г. Углов. – М.: АСТ, 2021. – 512 с.
189. Углов, Ф.Г. Будни хирурга / Ф.Г. Углов. – М.: АСТ, 2022. – 416 с.

190. Федосеева, Е.В. Когнитивные механизмы дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.В. Федосеева. – Иркутск, 2016. – 190 с.

191. Финикова, И.В. Функциональный спектр терминологических единиц / И.В. Финикова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 1. – С. 98–101.

192. Фомина, М.И. Современный русский язык: Лексикология: Учебник для студентов ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е испр. и доп. изд.. – М.: Высшая школа, 1983. – 334 с.

193. Фуко, М. Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. – Санкт-Петербург: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с.

194. Чернявский, М.Н. Краткий очерк истории и проблем упорядочения медицинской терминологии / М.Н. Чернявский // Энциклопедический словарь медицинских терминов. – М., 1984. – Т. 3. – С. 410–424.

195. Черская, И.Н. О содержании понятия «современный политический дискурс» / И.Н. Черская // Русская филология. Украинский вестник: Республиканский научно-методический журнал. – Харьков, 2000. – № 3–4 (17). – С. 131–133.

196. Чехов, А.П. Дуэль / А.П. Чехов. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2010. – 571 с.

197. Чехов, А.П. Избранное: рассказы, повести, пьесы, воспоминания писателей о Чехове / А. П. Чехов. – М.: Эксмо, 2006. – 638 с.

198. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

199. Чудинов, А.П. Новые русские метафоры / А.П. Чудинов // Русская речь. – 2003. – №2. – С.44–48.

200. Чудинов, А.П. Когнитивно-дискурсивное описание метафорической модели / А. П. Чудинов // Лингвистика: бюл. Урал, лингвист. – Екатеринбург, 2004. – Т. 13. – С. 102–115.
201. Чудинов, А.П. Очерки по современной политической метафорологии: монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун–т, 2013. – 176 с.
202. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Е.И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 431 с.
203. Шейгал, Е.И. Семиотическое пространство политического дискурса / Е. И. Шейгал // Политический дискурс в России – 3: материалы рабочего совещания. – М., 1999. – С. 114–123.
204. Шевченко, Ю.Л. Большая российская энциклопедия лекарственных средств / Шевченко Ю.Л. – М.: Ремедиум, 2001. – 1384 с.
205. Шелов, С.Д. Терминология, профессиональная лексика и профессионализм (к проблеме классификации специальной лексики) / С.Д. Шелов // Вопросы языкознания. – 1984. – № 5. – С. 76–87.
206. Шкарин, В.В., Григорьева, Ю.В., Горохова, Н.М. О культуре использования научной медицинской лексики (терминологии) [Электронный ресурс] / В.В. Шкарин, Ю.В. Григорьева, Н.М. Горохова // Медикум. – 2004. – Режим доступа: <https://www.medicum.nnov.ru/nmj/2004/1/31.php?ysclid=m81iye5fkq981255721> (дата обращения: 25.05.2023).
207. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
208. Эпштейн, О.В. Прагмалингвистические особенности менасивного речевого акта в политическом дискурсе: на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О.В. Эпштейн. – Самара, 2010. – 20 с.

Медицинские термины, функционирующие в произведениях писателей XIX–XXI вв.

Анатомо-гистологические термины	Клинические термины	Фармацевтические термины
<p>бедренная артерия (1), блуждающие нервы (2), большой сосок двенадцатиперстной кишки (1), ботталов проток (1), бровь (1), бронхи (3), верхняя губа (1), верхняя доля легкого (1), глазное яблоко (2), голова (9), головка бедра (1), головные нервы (1), грудная стенка (4),</p>	<p>автоклав (1), акушер (2), акушерка (4), акушерские щипцы (2), акушерство (1), амбулатория (1), амбулаторные пункты (1), ампутация (6), анатомический театр (1), анатомия (4), ангина (3), аневризма (2), анестезиология (3), анестезист (1), аппарат искусственного кровообращения (2), аппаратная (1), аппендицит (4), аптека (6), аптекарь (5), атерома (1), атеросклероз (3), базедова болезнь (1), бактериология (1), биопсия (2), больница (19), вакцинировать (2), вводить (18), венеролог (1), венерология (2), ветряная оспа (2), воспаление легких (3), воспаление легкого (3), впрыснуть под кожу (1), врач (37), вскрывать (5), вырвать зуб (2), выслушать (9), высокая клизма (1), гангрена (4), гемикрания (1), геморрой (2), геронтология (2), гинеколог (4), гинекологическая клиника (2), гинекология (2), главный врач (6), глазник (1), гнойные</p>	<p>азотнокислое серебро (1), антидифтерийная сыворотка (1), антипирин (2), аспирин (8), бальзам (2), бромистый калий (2), бромистый натрий (1), вакцина (4), вытяжка (1), инсулин (3), йодоформ (3), каломель (1), капли (4), колоквинта (1), компресс (2), мазь (7),</p>

<p>диафрагма (5), дуга аорты (3), дыхательное горло (2), дыхательные мышцы (1), евстахиевы трубы (2), желудок (7), желчные пути (2), заднее средостение (1), затылочная кость (2), зубы (4), кишечник (5), край печени (1), кровь (16), левая лопатка (1), легочная артерия (3), лимфатический узел (3), лобная кость (2), межжелудочковая перегородка (1), межреберные мышцы (2), мостовидный отросток черепа (1),</p>	<p>заболевания легких (1), гомеопат (1), госпиталь (3), грипп (6), дантист (2), деменция (1), десну подрезать (1), детская больница (2), детское отделение (3), диабет (5), дизентерия (2), дифтерит (1), доктор (19), долото (1), дренирование мочевого пузыря (1), жгут (1), женская клиника (1), зажим (5), замораживание (2), заразное отделение (1), зеркало (10), золотуха (1), зонд (8), зондирование (3), инфаркт (10), инфекционист (2), инфлюэнца (1), испанка (3), исследовать чувствительность (3), каменная болезнь (2), капельница (6), кардиология (11), кардиосклероз (7), катар желудка (1), клизма (4), клиника (15), комиссуротом (2), кровопускание (3), лаборантка (2), лаборатория (7), лазарет (2), ланцет (1), ларингит (2), лейкемия (4), лейкоз (5), лекарь (2), лечебница (1), лигатура (4), лихорадка (6), мазок (3), малокровие (1), малярия (1), массаж (3), медицинская сестра (17), механическая желтуха (1), микробиология (3), миокардит (3), молоток (2), морг (8), морфинизм (1), наблюдение (9), наркоз (8), наркозный аппарат (1), наркомания (2), неврастения (2), неврология (3), невропатолог (2), нервное отделение (1), ножницы (4), обследование (20), общая патология (11), окулист (3), онкология (8), операционная (16), ординатор (4), осмотреть (16), острая кишечная</p>	<p>настой (4), настойка (5), нашатырный спирт (4), пантопон (1), пенициллин (4), пирамидон (1), пластырь (2), полоскание (2), порошки (3), противодифтерийная сыворотка (1), раствор (8), салициловая кислота (1), сальварсан (1), стрептоцид (2), таблетки (11), тинктура (2), фенацетин (1), фенол (1), хинин (1), хлороформ (2).</p>
---	--	---

<p>надпочечники (2), нижняя губа (1), околоушная железа (1), палец (4), печень (5), пищевод (4), плевра (5), плевральная полость (2), плечевой сустав (1), подбородок (2), подвздошная кость (2), поджелудочная железа (2), подреберье (1), почки (4), придаток (2), прямая кишка (3), роговица(1), рот (5), рука (15), селезенка (3), семенные канатики (1), сердце (21), слезные каналы (1), таз (1), толстая кишка (2), угол</p>	<p>непроходимость (1), острый аппендицит (2), отделение городской больницы (1), отоларинголог (1), отсос (1), паралич (3), патологическая анатомия (2), патолого-анатомическое отделение (2), патологоанатом (3), педиатр (5), педиатрия (3), перевязка (13), переливание крови (2), перкуссионный молоточек (1), пинцет (8), плеврит (1), пневмония (2), подагра (2), поддиафрагмальный абсцесс (1), поликлиника (12), положить лекарство (3), почечная колика (1), правацовский шприц (1), приемное отделение (10), приемный покой (2), прозектор (1), профилактическая хирургия (1), процедурный кабинет (3), психиатр (5), психиатрическая клиника (3), психиатрия (8), психолог (4), психология (2), псориаз (2), пульмонолог (4), пульмонология (1), пункция (6), районная поликлиника (2), рак (16), расширитель (4), реанимационно-анестезиологическое отделение (1), реанимационное мероприятие (1), реанимация (2), ревматизм (2), рентгеновский кабинет (5), рентгенолог (3), родильное отделение (3), родовспомогательное заведение (1), рожистое воспаление (2), санитар (7), санитарка (3), саркома (4), сделать анализы (2), сделать инъекцию (9), сепсис (4), сибирская язва (2), сифилидолог (1), сифилис (3), сифонная клизма (1), скальпель (20), скарлатина (2),</p>	
---	--	--

<p>рта (1), шейный позвонок (2), эндокринные железы (1), яичник (2).</p>	<p>слуховые трубки (1), слушать легкие (4), смотровая (7), сосудистые иглы (1), специалист по массажу (1), специалист-реаниматор (1), спринцевать (1), стационарное отделение (6), стенокардия (4), стернотом (1), стетоскоп (4), стригущий лишай (1), судебная медицина (2), сыпной тиф (1), терапевт (9), терапевтическое отделение (10), терапия (14), термометр (8), тиф (2), топографическая анатомия (2), трепан (2), туберкулез (7), уролог (1), фармакология (3), фармация (2), фельдшер (4), фельдшерский пункт (1), фибрилляция (3), физиолог (3), физиология (3), физиотерапия (4), хирург (32), хирургическая эндокринология (1), хирургический пинцет (1), хирургическое отделение (7), хирургия (27), холера (1), холецистит (2), хронические пневмонии с бронхоэктазами и абсцедированием (1), цинга (3), чахотка (2), чистить рану (2), чума (5), шизофрения (3), шок (7), шпатель (3), шприц (12), щипцы (8), эмбриология (2), эмфизема легких (2), эндокринолог-диабетчик (1), эпидемиолог (1), эхинококк почки (1).</p>	
<p>Всего терминов в художественных текстах</p>		
<p>192</p>	<p>885</p>	<p>112</p>

Степень частотности медицинских терминов в произведениях русских писателей XIX–XXI вв.

Приемы экспликации медицинских терминов в медийном дискурсе

<i>Способ экспликации</i>		<i>Пример</i>
Экспликация на лексическом уровне	интерпретация значения	<p><i>«Врачи диагностировали у него амиотрофический боковой склероз – прогрессирующее заболевание центральной нервной системы»</i> [https://aif.ru, 11.07.2022]; <i>«Малярия – это группа инфекционных заболеваний, вызываемых паразитическими одноклеточными организмами рода Plasmodium»</i> [lenta.ru, 21.02.2021] и др.</p>
	этимологизация	<p><i>«Название COVID-19 образовано от словосочетания "coronavirus disease 2019" (от англ. "коронавирусная болезнь 2019"). Соответственно, в аббревиатуре CO – "корона", VI – "вирус", а D – "болезнь"»</i> [https://aif.ru, 12.02.2020]; <i>«Уровень гемоглобина (в переводе с др.-греч. αἷμα – кровь и лат. globus – шар) в крови является одним из важнейших показателей состояния здоровья человека»</i> [https://aif.ru, 11.01.2022] и др.</p>
	синонимизация	<p><i>«Нанизм (дварфизм, карликовость, наносомия, микросомия) – так называется это отклонение в работе человеческого организма – ныне лечится»</i> [Ковчег, 2021]; <i>«Не положен санаторий и слабовидящим детям – в списке есть миопия (близорукость) максимум средней степени»</i> [Известия, 25.12.2023].</p>

	смешанная интерпретация	<p><i>«Канистерапия (от лат.canis – собака + греч.θεραπεία – лечение) – разновидность энималтерапии – метод лечения и реабилитации, с использованием специально отобранных и обученных собак»</i> [Парламентская газета, 2022]; <i>«Дебильность (от лат. debilis – слабый, хилый; IQ – 30-50) – легкая степень олигофрении, отличающаяся характерными чертами интеллектуальной недостаточности в виде рутинности мышления, отсутствия способности к абстрактному мышлению»</i> [https://aif.ru, 15.02.2022] и др.</p>
<p>Экспликация на синтаксическом уровне</p>	использование вводных и вставных конструкций	<p><i>«Норовирус, или, как его еще называют, желудочный грипп, передается при прямом контакте с больным или фекально-оральным способом через зараженную еду либо воду»</i> [Известия, 16.10.2023]; <i>«Защитной (нейтрализующей) функцией обладают другие антитела – IgG к S-белку (спайк-белку), а точнее – к его рецептор-связывающему домену (RBD)», – уточнил Лебедев»</i> [Ведомости, 12.05.2021]; <i>«Во-вторых, дикие бизоны разносят инфекции (например, бруцеллез), которые могут подхватить собаки, домашний скот и даже люди»</i> [https://vesti.ru, 19.11.2022] и др.</p>

Экспликация на синтаксическом уровне	инверсия	<p><i>«Также эксперты указали на такие признаки тяжелой формы как посинение кожного покрова и слизистых – цианоз» [Известия, 16.05.2021]; «Болезнь эндокринной системы – инсулинозависимый сахарный диабет, классифицируемая в соответствии с Международной классификацией болезней – 10 (МКБ-10) по диагнозу E10» [Парламентская газета, 10.04.2021] и др.</i></p>
	приложение с уточняющим значением	<p><i>«Порядка 30–35% – это люди, которым правомерно ставить диагноз "ожирение", то есть когда индекс массы тела превышает 30» [https://postnauka.org/faq/78662, 25.08.2017]; «Если человек с дивертикулезом кишечника получит струю воды, как из брандспойта, дивертикулы – мешочки, образующиеся в стенке кишки, – могут прорваться, и перитонит обеспечен» [https://aif.ru, 2022.05.24] и др.</i></p>
	моделирование сложного синтаксического целого	<p><i>«Если же болезнь протекает длительно и организм успевает приспособиться к закупорке сосудов, развивается поражение сердечной мышцы (сначала гипертрофия, а затем – атрофия миокарда, что приводит к хронической сердечной недостаточности), почек (альбуминурия – потеря белка с мочой, нарушение почечной функции и в итоге – почечная недостаточность)» [Наука и жизнь, 2008] и др.</i></p>

Степень частотности медицинских терминов в медийных текстах 2021–2024 гг.

<i>Анатомо-гистологические термины</i>	<i>Клинические термины</i>	<i>Фармацевтические термины</i>
<p>аорта (6), волосы (17), гипофиз (6), голова (32), головной мозг (43), гортань (2), грудная клетка (6), грудь (33), губы (10), двенадцатиперстная кишка (3), диафрагма (2), желудок (24),</p>	<p>COVID-19 (>50), абляция (2), аборт (14), абсцесс (3), авитаминоз (30), акне (5), анамнез (12), ангиома (2), андрология (2), анемия (8), анестезиология (19), анорексия (6), антиковидный (>50), антитела (>50), аортокоронарное шунтирование (3), артериальная гипертензия (34), артралгия (3), астения (3), аутизм (7), афалия (1), бальнеотерапия (4), бельмо (2), бесплодие (23), бессонница (26), биоревитализация (2), биохимическая беременность (1), блефаропластика (11), болезнь Альцгеймера (19), болезнь Паркинсона (15), болезнь Пейрони (1), боль (>50), ботулинотерапия (4), брадикардия (7), брекететы (7), бронхиальная астма (29), вакцинация (>50), вегето-сосудистая дистония (5), винотерапия (1), вирус (>50), вирус Марбург (1), внутрибольничные инфекции (10), ВОЗ (35), волна коронавируса (18), гастрит (34), гемоглобин (5), геморрой (19), гемофилия (3), гепатит С (4), герпес (14),</p>	<p>аминокислоты (6), антибиотики (>50), антигистаминные препараты (9), антидепрессанты (16), антикоагулянты (9), антиоксиданты (12), антиретровирусные препараты (2), антисептик (>50),</p>

<p>желчный пузырь (9), капилляры (10), кишечник (17), кожа (35), кости (27), кровь (>50), молочная железа (30), небо (2), нервы (29), ногти (10), палец (4), пищеварительная система (19), пищевод (8), половые органы (29), прямая кишка (4), рот (17), сердечно-сосудистая система (43),</p>	<p>гидроцеле (1), гингивит (6), гинекология (33), гипергидроз (5), гиперемия (14), гипертензия (16), гипертония (>50), гипогонадизм (2), гипоксия (34), глаукома (14), голодание (9), гонорея (2), госпиталь (5), грыжа (17), грязная зона (3), давление (>50), деградация (14), депрессия (36), диарея (3), диетолог (40), диплопия (2), дисбактериоз (15), дислипидемия (2), дисменорея (1), дистресс-синдром (1), жировик (2), запор (7), ИВЛ (>50), иммунитет (>50), импотенция (14), инсульт (>50), инъекция (>50), инфаркт (>50), ишемическая болезнь сердца (24), карантин (>50), кардиохирург (18), кариес (20), кесарево сечение (45), китайский вирус (3), климакс (23), ковид (>50), ковид-больница (2), кома (41), контрактура Дюпюитрена (1), контрацепция (12), коронавирус (>50), коронавирусная инфекция (>50), коронарография (11), косметолог (>50), крипторхизм (1), лечебный массаж (9), либидо (29), липолиз (2), локдаун (7), мастопатия (7), мезотерапия (2), меланома (14), менопауза (14), метаболизм (11), метаболический синдром (2), метеоризм (5), мигрень (22), микоз (1), микст-инфекция (8), миома матки (12), морщины (44), наркоз (>50), невролог (28), нутрициолог (34), ожирение (38), омикрон (>50), онкология (>50), ОРВИ (>50), ортодонтия (2), ортопноэ (1), орхоэпидимит (1), остеомиелит (3), отдышка (>50), пандемия (>50), панкреатит (23), папиллома (17), паралич (22), пародонтоз (5), перитонит (9), ПМС (20), пневмонит (2), пневмония (46),</p>	<p>аспирин (7), блокаторы Са-каналов (3), ботокс (9), валериана (4), валидол (18), витамин B12 (34), витамин Д (>50), глицерин (5), глюкокортикостероиды (20), гормональные контрацептивы (26), диклофенак (2), диуретики (11), кальций (8), камфора (3), компресс (3), космецевтика (3), маска (>50),</p>
---	---	--

<p>сердце (>50), склера (2), сосуды (27), суставы (13), тестостерон (6), трахея (3), ухо (18), череп (3), шея (10), щитовидная железа (19), яичники (4).</p>	<p>полурия (6), постковидный синдром (>50), посттравматическое расстройство (10), похудение (13), прививка (>50), простатит (14), психолог (>50), психосоматические симптомы (3), псориаз (8), пульмонолог (26), ПЦР (>50), рассеянный склероз (7), реанимация (>50), ремиссия (35), рубец (4), сатурация (16), сахарный диабет (>50), селфхарм (2), сердечная недостаточность (34), сифилис (5), стеноз гортани (1), стоматология (17), страбизм (1), стресс (>50), тахиаритмия (1), телемедицина (15), тиреотоксикоз (16), толерантность к глюкозе (3), тонзиллит (28), тремор (16), тромб (>50), уретрит (2), усталость (>50), физиотерапевт (7), фимоз (1), химиотерапия (34), хламидиоз (3), ХОБЛ (9), холестерин (15), холецистит (17), целлюлит (23), церебральный паралич (4), цирроз (17), цистит (19), чистая зона (5), шрамы (13), штамм (44), шунтирование (5), экзема (2), ЭКО (25), ЭКГ (11), эндокринолог (38), эндометриоз (6), эпидемия (>50), эрозия шейки матки (1).</p>	<p>кислород (47), нейролептики (9), ноотропы (9), обезболивающее (35), оземпик (12), панангин (3), пантенол (9), противовирусные (43), санитайзер (6), снотворные (23), Спутник-лайт (>50), Спутник-V (>50), статины (26), транквилизаторы (5), фенибут (4).</p>
~667	~3276	~731

Степень частотности медицинских терминов в медиадискурсе

**Функциональная характеристика медицинских терминов
в научном, художественном и медийном дискурсах**

